

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПОСТСОВЕТСКАЯ
ПУБЛИЧНОСТЬ: БЕЛАРУСЬ,
УКРАИНА**

Сборник научных трудов

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2008

УДК 316.3(476+477)
ББК 60.56(4Бен+4Укр)
Пб3

Рецензенты:

Донскис Л., профессор, директор Института политических наук и дипломатии,
Университет имени Витовта Великого, Каунас, Литва;
Ковальска М., профессор заведующая кафедрой философии,
Университет Белостока, Польша

Пб3 **Постсоветская публичность: Беларусь, Украина.** Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 224 с.

ISBN 978-9955-773-14-6.

Сборник научных работ белорусских и украинских авторов представляет собой результат выполнения международного исследовательского проекта. В книге рассматриваются различные аспекты публичности в постсоветских контекстах: публичная сфера в структуре и динамике постсоветских обществ, публичность и политика, медиатизация публичной сферы (масс-медиа, WWW), политические импликации художественной публичности и др.

Книга рассчитана на специалистов – философов, политологов, социологов – и широкую публику, интересующуюся проблемами постсоциалистического развития.

УДК 316.3(476+477)
ББК 60.56(4Бен+4Укр)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-14-6

© Европейский гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Фурс Введение: Трансформации публичности и постсоветская ситуация.....	5
РАЗДЕЛ 1. ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	
Анатолий Ермоленко Публичный дискурс как фактор социальной интеграции в современном обществе.....	25
Сергей Пролеев, Виктория Шамрай Феномен кланово-корпоративного общества.....	41
Виктор Степаненко Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг.....	56
Роман Кобец «Интимизация публичности» – постсоветский путь «расколдовывания» политики в Украине.....	76
РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ МЕДИАТИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОСТИ	
Марина Соколова www как политическая публичная сфера.....	92
Вероника Фурс Публичное и приватное в белорусском социально-политическом медиа-дискурсе.....	119
Виктор Мартинович Роль независимых масс-медиа в конструировании альтернативной публичности в Беларуси.....	140
Ольга Шпарага Демократический потенциал культурных практик в условиях авторитаризма: случай Беларуси.....	158
Анатолий Паньковский Канва (белорусской) экспертизы.....	187
Сведения об авторах.....	215

CONTENT

Vladimir Fours Introduction: Transformations of the Public Sphere and the Post-Soviet Situation.....	5
PART 1. PUBLIC SPHERE: SOCIETY AND POLITICS	
Anatoly Ermolenko Public Discourse as a Factor of Social Integration in Contemporary Society.....	25
Sergey Proleyev, Victoria Shamrai A Phenomenon of Clan-Corporate Society.....	41
Victor Stepanenko Political Public Sphere in Transformation: Discourses, Symbolizations and Practices in Ukraine at 2000's.....	56
Roman Kobets «Intimitization of Publicness» – a Post-Soviet Way of Disenchantment of Politics in Ukraine.....	76
PART 2. ASPECTS OF MEDIATIZATION OF PUBLICNESS	
Marina Sokolova www as a Political Public Sphere.....	92
Veronika Furs Public and Private in the Belarusian Social-Political Media-Discourse.....	119
Victor Martinovich Role of Independent Media in Constructing Alternative Publicness in Belarus.....	140
Olga Shparaga Democratic Potential of Cultural Practices Under the Conditions of Authoritarianism: the Case of Belarus.....	158
Anatoly Pankovski The Line of (Belarusian) Expertizing.....	187
Authors and Summaries.....	218

ВВЕДЕНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОСТИ И ПОСТСОВЕТСКАЯ СИТУАЦИЯ

Данная книга является итогом белорусско-украинского исследовательского проекта, осуществлявшегося в 2006–2007 гг. при поддержке Центра перспективных исследований и образования ЕГУ. Замысел проекта состоял в том, чтобы использовать концепцию публичности как средство изучения своеобразия постсоциалистического развития в двух восточноевропейских странах. В Минске и Киеве параллельно работали исследовательские семинары; доклады, представленные на них, легли в основу соответствующих разделов данной книги. В этой вводной статье я постараюсь кратко разяснить современное содержание понятия публичности и продуктивность его применения к реалиям постсоветского состояния.

Анализ и обсуждение наличного состояния и проблем развития публичности в обществе должны опираться на ясное определение предмета рассмотрения, которое, однако, уже само по себе оказывается весьма непростой задачей, сложность которой проистекает, прежде всего, из неустранимой многозначности термина «публичное». То, что относится к «публичному», обычно определяется реляционно, через соотношение с «приватным»; в обыденном словоупотреблении типичны, в частности, такие – перекрывающиеся, но не сводимые друг к другу – варианты данной семантической оппозиции, как: «общее/частное», «безличное / личностно окрашенное», «государственное/негосударственное», «медиаизированное (представленное в электронных или печатных медиа) / испытываемое непосредственно», «находящееся в поле зрения посторонних / скрытое от них (домашнее, интимное, относящееся к внутреннему миру индивида)», «открытое для всех желающих / характеризующееся ограниченным доступом». «Приватное» и «публичное» часто ассоциируются с разграниченными зонами

социального взаимодействия: например, домом и офисом (улицей, кафе и другими «общественными местами»), а в доме – спальней и гостиной; пересечение пространственной границы между этими зонами предполагает трансформацию поведения. Впрочем, на деле подобное пространственное разграничение оказывается довольно условным: вполне возможны политические дискуссии на кухне, интимные отношения на рабочем месте, частная беседа в зале заседаний парламента и т.п.; таким образом, термины «публичное» и «приватное» относятся скорее к различным практикам и отношениям, чем к различным «местам». Тем не менее опора на пространственную метафорику внушает представление о различных и относительно обособленных областях социальной жизни в рамках общества в целом («публичный сектор / частный сектор», «публичная сфера / сфера частной жизни»); однако, принимая такое представление, мы сталкиваемся с крайней неоднозначностью соотношения оппозиции «публичное/приватное» с другими принятыми классификациями: «экономическое/политическое/культурное», «макросоциальное/микросоциальное» и т.п., так что вопрос о «социетальном смысле» категории публичного в абстрактной постановке выглядит неразрешимым.

Снизить степень неопределенности в предмете рассмотрения позволяет опора на историю «проблематизации» публичности в современной социально-политической мысли. Характерной чертой этих «проблематизаций» было то, что публичность в них понималась одновременно и как слагаемое фактического устройства обществ современного типа, и как нормативный принцип, надлежащая реализация которого еще отсутствует в наличных формах социально-политической жизни. Оговоримся: развернутая и обстоятельная историко-теоретическая реконструкция невозможна и неуместна в рамках данной статьи; мы лишь пунктирно наметим основные вехи осмысления публичности как общественной проблемы.

Принципиально новым моментом, характеризующим современное понимание, явилось, прежде всего, изменение ценностной нагрузки категории приватного. Если, к примеру, в древнегреческом мире свободная, достойная человека деятельность ассоциировалась с публичной жизнью гражданской общины-полиса, тогда как частная область домохозяйства-ойкоса связывалась с задачами необходимого жизнеобеспечения, то в современную эпоху область приватного понимается уже не как нечто второстепенное и недостаточное. Она предстает как первичная локализация человеческого достоинства, связанного со способностью индивида самостоятельно строить свою жизнь, руководствуясь собственной совестью и разумением, с его свободой распоряжаться своим имуществом и управляться со своими делами, с обладанием неповторимым внутренним миром. В либеральной традиции, начиная, по крайней мере, с Джона Локка, фундаментальные права людей связываются именно с их дополитическим статусом частных лиц – это притязания, которые вправе выдвигать все люди на основе

своей приватной человеческой природы. Свобода в либеральной перспективе трактуется, прежде всего, как защищенность частной жизни граждан от патерналистских посягательств со стороны государства, в частности, в мировоззренческом и экономическом планах.

В рамках либеральной традиции Иммануилом Кантом открывается новое измерение «публичности», которое отлично от сферы публичной власти, ассоциируемой с государством. Определяя Просвещение как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»¹, т.е. из состояния, в котором он не способен пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого не из-за нехватки рассудка, а по причине недостатка решимости и мужества, Кант отмечает, что индивидуальный выход из него маловероятен: уж очень удобно жить под чужим руководством. Но вполне возможно, «и даже почти неизбежно», что публика постепенно сама себя просветит, для этого потребна лишь свобода «публичного использования собственного разума». Под последним Кант понимает такое применение разума, «которое осуществляется кем-то как ученым, перед всей читающей публикой. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе»². Такое словоупотребление кажется странным: ведь вроде бы именно «государственный человек» – это публичная фигура, действующая на виду и работающая на общее благо, тогда как ученый говорит лишь от своего собственного имени, как частное лицо. Но для Канта главным моментом является то, что «официальное лицо» вписано в государственный механизм «искусственного единодушия», и то, что оно думает по поводу исполняемых предписаний, остается его частным делом: «Здесь, конечно, не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться»³. Ученый же через свои произведения обращается к универсальной публике. «Как ученый» может выступать любой самосознательный гражданин и тот же чиновник, коль скоро они руководствуются не одним лишь частным интересом и не государственным целедостижением, а: 1) с опорой на собственное разумение свободно высказываются по поводу общезначимых проблем, 2) обращаются при этом к «публике всего мира» и 3) тем самым способствуют разумному переосмыслению общественных порядков. Посредством революции, полагает Кант, можно свергнуть личный деспотизм, тогда как совершеннолетие человечества достижимо лишь на долгом пути публичного использования разума и, тем самым, самопросвещения публики.

Однако «индивидуалистская» перспектива либеральной мысли затрудняет осмысление специфической связующей и порождающей силы публичного, образцово акцентированной – в «республиканской» перспективе – Ханной Арентс. В ее трактовке слово «публичный» означает, во-первых, «что все являющееся перед всеобщностью для всякого видно и гласно, так что его сопровождает максимальная открытость»⁴. Публичная явленность «означает внутри

человеческого мира принадлежность к действительности. <...> Предстояние других, которые видят, что мы видим, и слышат, что мы слышим, удостоверяет нам реальность мира и нас самих...»⁵ Наше чувство реальности всецело зависит от того, что имеет место открытое публичное пространство, в котором может выступить содержание приватно переживаемого нами. «Понятие публичного означает, во-вторых, самый мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам приватно принадлежит, т.е. от сферы, которую мы называем нашей частной собственностью»⁶. Не тождественный природе, этот мир представляет собой создание человеческих рук и собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми; как общее место жительства людей он их одновременно связывает и различает. «...Действительность публичного пространства возникает из одновременного присутствия бесчисленных аспектов и перспектив, в которых предстает общее и для которых никогда не может существовать усредненного масштаба или общего знаменателя. <...> Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции. Это как раз и есть смысл публичного существования...»⁷ Общность публичного мира обеспечивается не единством человеческой природы (напротив, Арендт подчеркивает фундаментальную множественность человеческого существования), а тем, что, несмотря на неустранимые различия позиций, все тем не менее заняты общим делом. При исчезновении этого общего дела публичный мир распадается на осколки: нивелируется множественность, каждый замыкается в своей приватности.

Итак, следуя Арендт, мы можем сказать, что публичность объединяет отдельных людей общим словом и делом, создает и поддерживает их общий мир, благодаря которому и в котором только и определяется, что есть действительность, что она собой представляет. Такая трактовка намечает интересный и многообещающий ракурс анализа, однако ее непосредственное применение для изучения публичной сферы того или иного современного общества затруднительно: в мысли Арендт «публичное» и «приватное» предстают скорее как абстрактные экзистенциальные характеристики «человеческого удела»⁸; отсылка к идеализированному греческому полису скорее запутывает, чем проясняет социально-историческую определенность этих категорий.

Необходимо «социологизировать» феномен публичности, определить его специфическое «место» в сложно организованных современных обществах. В этой связи целесообразна отсылка к книге Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичности» (1962): Хабермас предпринял историко-социологическое рассмотрение публичности как специфической категории буржуазного общества, выводя «идеальный тип буржуазной публичной сферы из исторического контекста британского, французского и немецкого развития в восемнадцатом – начале девятнадцатого столетия»⁹. Современное понимание публичности, подчеркивает Хабермас, опирается на существенное разграничение общества

и государства, предполагающее возможность конфликтных отношений между ними. С одной стороны, публичная власть консолидировалась в особое общенациональное образование, отличное от «репрезентативной публичности» местных правителей и сословий и бюрократически отстоящее от обычных граждан; в узком и тривиальном смысле слова «публичное» означает здесь «относящееся к государству». С другой стороны, во-первых, капиталистическая рыночная экономика формирует гражданское общество, предполагающее автономию частных собственников и обладающее самостоятельной динамикой; во-вторых, реорганизация семьи привела к утверждению самостоятельной позитивной значимости интимных отношений и повседневной жизни. Частная сфера, связанная с экономической деятельностью и семейными отношениями людей, понимается как область свободы, которую следует защищать от возможных посягательств со стороны государства.

И «между» областями частной жизни (семьи и хозяйственной деятельности) и «официальной» публичностью государства формируется специфическое коммуникативное пространство – буржуазная публичная сфера («*buergerliche*» – «буржуазная» – может означать также «гражданская»); это общественная локализация неофициальной публичности частных лиц, объединенных дискуссиями по общезначимым вопросам. Способом социального взаимодействия здесь было совместное обсуждение, сосредоточенное во множестве «локусов» – в салонах, клубах, кофейнях и т.п., – но благодаря печатным медиа (книгам, газетам, журналам) выходящее за локальные рамки и получающее общенациональный и международный масштаб.

(Неофициальная) публичная сфера общества образовывалась сплетением множества частичных публик; Хабермас акцентирует интересные эволюционные отношения между «литературной» и «политической» публичностью: отнюдь не все публикации были «политически озабоченными»; многие представляли собой опосредованные чтением литературы дискурсивные взаимодействия между индивидами, заинтересованными в самопонимании и сопереживании. Эта «литературная» публичность прямо способствовала оформлению современного понимания культуры как автономной области, а косвенно формировала институциональные предпосылки (места встреч и дискуссий, журналы, сети социальных отношений) развития политической публичности, заявлявшей себя в качестве дискуссионного партнера и зачастую оппонента публичной власти (государства).

Отметим – вслед за Хабермасом – несколько важных особенностей коммуникации в этой буржуазной/гражданской публичной сфере.

Во-первых, само понятие публики означает наличие надындивидуальной общности; публичный дискурс ориентирован на интересубъективные предметы и ценности, он разворачивается не как согласование частных интересов (по образцу переговоров), а как увлеченный поиск истины по общезначимым вопросам.

Во-вторых, хотя коммуникация и не была общением равных, различия социального статуса участников в значительной степени «выносились за скобки» в публичном дискурсе; главным оружием в дискурсивном противоборстве были знания и рациональная аргументация.

В-третьих, в публичных дискуссиях проблематизировались области, прежде безоговорочно контролировавшиеся церковью и государством и не ставившиеся под вопрос; в отношении этих областей формировалось «просвещенное» (опосредованное рациональными дискуссиями) общественное мнение, отличное как от традиционных (унаследованных, некритически принятых) убеждений, так и от частных точек зрения; тем самым намечались перспективы политического действия, корректирующего наличный порядок на рациональных основаниях.

В-четвертых, хотя публики всегда конечны и ограничены, сам характер публичного дискурса делает любую частичную публику в принципе инклюзивной и открытой для неограниченного расширения: любой образованный и заинтересованный человек вправе претендовать на участие в обсуждении.

Если использовать Хабермасову реконструкцию «буржуазной» публичной сферы в качестве отправного пункта историко-социологически конкретизированного осмысления феномена публичности, то дальнейшее продвижение требует более корректного помещения феномена публичности в социально-исторический контекст (преодолевающего неправомерные идеализации образа, предложенного Хабермасом¹⁰) и учета реалий современной социальной жизни.

Образ частного лица – участника рационального публичного дискурса строился у Хабермаса по образцу обладающего собственностью мужчины белой расы; обусловленная этим ограниченность в трактовке публичности состояла, прежде всего, в недооценке внутренней разнородности и иерархической организации публичной сферы. Как отмечала Нэнси Фрэйзер, альтернативная историография публичной сферы XVIII–XIX вв.¹¹ продемонстрировала, что Хабермас и идеализировал буржуазную публичность, и проигнорировал альтернативные версии – рабочую, националистическую, женскую, крестьянскую, – конфликтно взаимодействующие с господствующей в обществе буржуазной¹². С учетом этого обстоятельства публичную сферу общества следует представлять как охватывающую многообразие неравновесомых и неравноправных публик; и, само собой разумеется, этот тезис верен применительно не только к XIX в., но и тем более к современному («мультикультурным») обществам. При этом господствующая публика (внутреннее разнообразие которой также не следует игнорировать) посредством практик маргинализации и исключения альтернатив стремится монопольно представлять публичность как таковую. Важно, что неравноправие публик обеспечивается не только (а может быть, и не столько) формально-правовым регулированием: существенную роль здесь играют ме-

ханизмы господства, работающие «внутри» и посредством самого публичного дискурса: через определение круга «вменяемых» участников, релевантных тем для обсуждения, базовых «очевидностей», на которых в конечном счете основываются аргументы и т.п.

Вытесняемые из доминирующей публичности группы образуют собственные площадки публичного дискурса; для их обозначения Нэнси Фрэйзер предложила термин «низшие (подчиненные) контрпублики» (*subaltern counterpublics*), указывающий на то, «что они представляют собой альтернативные дискурсивные арены, где члены подвластных социальных групп создают и распространяют альтернативные дискурсы, для того чтобы сформулировать оппозиционные интерпретации своих идентичностей, интересов и потребностей»¹³. Подчиненные контрпублики вырабатывают альтернативные идиомы публичного дискурса и стили политического поведения; Фрэйзер отмечает, что они сами по себе вовсе не обязательно демократически ориентированы, «и, тем не менее, поскольку эти контрпублики возникают в ответ на практики исключения в рамках господствующей публики, они способствуют расширению дискурсивного пространства»¹⁴.

Впрочем, внутренние напряжения в публичной сфере общества, связанные с отношениями между преобладающей публикой и контрпубликами, могут быть довольно «мягкими» и не иметь непосредственного политического смысла. Как отмечает Майкл Уорнер, многие контрпублики вовсе не обязательно состоят из «низших», т.е. социально – расово, экономически, политически, культурно – обделенных людей (именно таковы, например, художественные контр-публики). Они объединяют своих участников по признаку некоторого отличия от «обычных людей» (образующих «большую», преобладающую публику), обычно связаны с соответствующей субкультурой и поддерживают сознание своей «особенности». Общение в рамках таких контрпублик понимается как идущее вразрез с правилами, принятыми в «большом мире», опирается на иные допущения относительно того, что может быть сказано и о чем говорить не следует¹⁵.

Далее трактовка, предложенная Хабермасом, основывалась на четком разграничении публичного и частного аспектов жизнедеятельности людей: публичная сфера – это пространство дискурсивного взаимодействия, в котором «частные лица» обсуждают «общие дела». Вопрос, однако, состоит в том, что и почему относится к «частному», а что к «общему»: (пост)феминистская критика и гендерная теория продемонстрировали, что нет никакой «естественно данной» границы, разделяющей частное и публичное. Только благодаря феминистскому давлению вопрос о домашнем насилии был признан не «внутренним делом» семьи, а системной характеристикой общества, основанного на господстве мужчин, и перешел, таким образом, в рубрику «публичного»; таким образом, «то, что считается предметом публичной заботы, решается именно посредством

дискурсивного соперничества»¹⁶. Вытеснение гендерных проблем в частную сферу семьи, в которой мужчина к тому же понимается как «естественным образом» главенствующий, узаконивает патриархальную организацию публичной сферы.

Итак, социально-исторически установленное разграничение публичного и приватного может политизироваться и смещаться; кроме того, индивид вовсе не вступает в публичную сферу с полностью и окончательно сформировавшейся идентичностью – последняя в значительной степени определяется его участием в публичном дискурсе, принадлежностью к конкретным (контр)публикам и т.п. Известная условность разграничения приватной и публичной жизни и их многообразная «гибридизация»¹⁷ в социальных практиках указывают на то, что публичную «сферу» общества следует понимать не как статическое пространство дискурсивного взаимодействия, а как динамическое образование (сплетение многообразных публик) с лишь относительно определенными и изменчивыми границами.

Форма общественного бытования публичности становится еще более сложной вследствие двух взаимосвязанных процессов, с начала 90-х гг. XX в. существенно реорганизующих социальный мир, – развертывания компьютерно опосредованной коммуникации и глобализации социальной жизни.

Интернет децентрализует коммуникацию (открытая сеть сетей) и «дематериализует» ее (коммуникация осуществляется в виртуальном «киберпространстве»), превращает участников коммуникации из людей, обладающих естественным телом, в субъектов-«киборгов»¹⁸ и, таким образом, требует переосмысления современного понятия публичности. Новое измерение публичной сферы общества, возникающее благодаря развитию компьютерно опосредованной коммуникации, обстоятельно рассмотрено в статье Марины Соколовой; здесь мы отметим лишь то, что заявления «киберэнтузиастов» о начале совершенно новой эпохи человеческой истории стоит воспринимать с осмотрительной сдержанностью. В частности, тезис о коренном изменении характера публичной коммуникации (на смену беседе лицом к лицу приходит циркуляция оцифрованных символов) сомнителен: современная публичность с самого начала была существенно медиатизирована (газетами, журналами, книгами), и «цифровая революция» знаменует скорее лишь очередной этап в развитии форм медиатизации публичной сферы (печатные медиа – электронные масс-медиа – компьютерные сети). Вместе с тем современные формы опосредования коммуникации убедительно демонстрируют, что публичный дискурс не может быть сведен к рациональному рассуждению: само рассуждение опирается на медиатизированные образы¹⁹ (и это ведь тоже исходная характеристика современной публичности: в клубах, кофейнях и т.п. обсуждались не столько данные индивидуального психофизического опыта, сколько газетные новости, памфлеты, журнальные и книжные публикации).

Что же касается глобализации, то здесь мы не можем углубляться в вопросы о ее сущности и социально-историческом значении – им посвящена колоссальная по объему и крайне разноголосая литература; отметим лишь, что глобализацию резонно связывать, прежде всего, с интенсивным развитием транснационального измерения социальной жизни (глобальных «потоков» денег, товаров, людей, идей и образов) и со сложным (зачастую конфликтным) взаимодействием этого измерения с территориально фиксированными формами социальной жизни (прежде всего, национальными государствами)²⁰. Учет реалий глобализации требует отказа от «контейнерного» (Ульрих Бек) понимания общества, согласно которому вся общественная жизнедеятельность вписывается в рамку территориального государства; то или иное конкретное общество представляет собой сложный ансамбль различных измерений социальной жизни: локального, национально-государственного, регионального и глобального. Более того, «система координат» глобализации подсказывает, что динамика в той или иной территориально фиксированной форме социальной жизни может и должна пониматься не столько в эндогенной, сколько в экзогенной перспективе, т.е. не столько как проявление внутренних потребностей, эволюционных тенденций, противоречий и т.п., сколько как результат местного преломления и присвоения глобальных «потоков», как местный ответ на вызовы глобализации. Это – вызванное глобализацией – изменение образа социальной жизни существенно затрагивает наше понимание публичности: публичная сфера того или иного общества (в частности, белорусского или украинского) в своем действительном бытовании не вписывается в «контейнер» национального государства, и для корректного анализа ее наличного состояния и выявления тенденций динамики требуется учет экзогенной перспективы.

Мне представляется, что внимательное изучение новых реалий социальной жизни (в частности, обозначенных выше: усиления внутренней разнородности общества, электронного опосредования публичной коммуникации и развития транснационального измерения социальной жизни) избавляет от восприятия публичности в современных обществах в перспективе деградации и упадка. Подобная перспектива (конкретизируемая как замена активной, просвещенной и критически настроенной публики потребительски ориентированной и неприхотливой «массой», как вытеснение рационального дискурса рекламным внушением и PR-технологиями, как исчезновение в современном городе традиционных публичных пространств и т.п.) опирается на ностальгический образ публичности, позаимствованный из ушедших в прошлое общественных форм. Но ведь коренные общественные изменения двудейственны: разрушая устоявшиеся формы публичной жизни, они открывают новые измерения ее развития, так что более корректно говорить не об однонаправленной деградации, а о сложной трансформации публичности в современном обществе.

Отсюда следует и необходимость пересмотра понятийного аппарата, при помощи которого мы осмысливаем общественное бытование публичности. В частности, едва ли сегодня уместен Хабермасов концепт общественного мнения просвещенной публики, формирующегося в процессе рационального обсуждения. Общественное мнение ныне понимается скорее как продукт моделирования – как политический, рыночный, медийный, социологический и т.п. артефакт, а не как автономная инстанция общественной жизни – и, очевидно, далеко не сводится к совокупности рациональных убеждений. В этой связи представляется резонным заменить ностальгическое понятие (рационального) «общественного мнения» более емким и многомерным понятием «социального воображаемого». Опираясь на известную социально-философскую традицию (от Корнелиуса Капториадиса до Чарльза Тэйлора²¹), мы можем кратко пояснить это понятие при помощи следующих характеристик: во-первых, социальное воображаемое – это не комплекс абстрактных идей, а вовлеченное практическое понимание людьми самих себя и устройства не только ближайшего социального окружения, но и их социального мира в целом. Во-вторых, социальное воображаемое, существуя, прежде всего, как неявная символическая матрица, получает и институциональное воплощение, наделяя институты их специфическим значением в данном обществе. В-третьих, социальное воображаемое является «невидимым цементом», скрепляющим крупномасштабное человеческое сообщество (и, в свою очередь, воспроизводится последним); оно представляет собой разделяемое членами данного общества понимание как наличного, так и надлежащего (правильного, должного) устройства социальных практик. В-четвертых, содержащийся в социальном воображаемом образ морального порядка общества не столько нормативно предписывает некоторые определенные направления действия, сколько намечает границы возможного (мыслимого) для социальных практик, очерчивает воображаемый горизонт возможного действия. В-пятых, социальное воображаемое всегда недоопределено и нестабильно, что оставляет место для стабилизирующей интерпретации и корректирующей переинтерпретации; в него органично встроены герменевтика и критика.

Использование данного понятия в качестве опорного не только позволяет учесть новую общественную роль медиатизированного воображения, но и обеспечивает социологическую конкретизацию арендтовской идеи публичной жизни как творческого «миросозидания»: именно социальное воображаемое, наделяющее практики и институты специфическим значением, определяет своеобразный «мир» того или иного общества. Более того, использование данного понятия в глобальной «системе координат» служит преодолению универсалистских клише понимания социально-исторической динамики и позволяет учесть многообразие «не-западных» («альтернативных») проектов общественной и культурной модернизации²².

Использование понятия социального воображаемого при анализе общественного бытования публичности предполагает учет его сложного генезиса и иерархической организации: возможности как спонтанного складывания в рутинах повседневной жизни, так и целенаправленного формирования и наличия как дорефлексивного уровня «само собой разумеющегося» («доксы»), так и уровня эксплицитно выраженных и критически проверяемых представлений. При этом следует учитывать еще и то обстоятельство, что целенаправленное формирование социального воображаемого «символическими стратегиями», надстраивающимися над «доксическим» уровнем, не сводится к рационально-критическому прояснению неявных содержаний, но включает также скрытое моделирование восприятия и оценки социального мира (отправление «символической власти», если использовать терминологию и трактовку Пьера Бурдьё).

Принимая во внимание эти соображения, я считаю разумным руководствоваться при реконструктивном анализе социального воображаемого в том или ином обществе трехуровневой схемой социальных практик²³. В соответствии с данной схемой рациональная прозрачность социального взаимодействия локализована на среднем уровне; при этом «рациональность» подразумевает, в частности: субъективную осознанность, открытость для посторонних, организующее значение правил честной игры и наличие эксплицитных процедур.

Ниже этого уровня простирается слой повседневных практик, которые направляются преимущественно дорефлексивным практическим сознанием, опирающимся на «само собой разумеющееся», неявное культурное знание, имплицитные «предрассудки» и т.п. Непререкаемость повседневной доксы генерируется и поддерживается воспроизводительными практиками: хабиитуализированные структуры социальной жизни отображаются в схемах восприятия и оценки и натурализуются ими.

Выше уровня рациональных социальных обменов расположен слой спекулятивных практик, предполагающих обладание экстраординарными ресурсами, связанными, в частности, с монопольным положением. Особенно сильные игроки ориентированы на упрочение своего исключительного положения благодаря использованию нерегулярностей и неопределенностей в социальных взаимодействиях (в современных обществах это не столько неистребимые лакуны и лазейки в правовом регулировании, сколько неоднозначность социальных значений, вызванная нарастающей сложностью социального мира). Спекулятивные практики задействуют не только материальные (экономические и политико-административные) ресурсы, но и (во все возрастающей степени) потенциал «власти номинации» – власти определять действительное значение социальных вещей посредством использования медиатизированных образов мира.

Таким образом, в соответствии с предложенной схемой рациональность и прозрачность социальных практик (и, соответственно, содержаний социаль-

ного воображаемого) ограничены как снизу (предрассудками, фоновым консенсусом, рутинной воспроизводительных практик), так и сверху (магией сверхприбылей, сговором сильных, спекулятивной игрой на неопределенностях). Подчеркнем динамические отношения, существующие между указанными уровнями социального воображаемого: между нижним и средним (здравый смысл и повседневная смекалка подсказывают обыгрывание официальных (публично признанных) социальных значений, наделяющее последние частными коннотациями, конкретной «потребительной стоимостью») и между средним и верхним (спекулятивные практики по видимости говорят на языке прозрачных социальных обменов, на деле переиначивая и выворачивая его в собственной логике, т.е. предполагают двойную игру и дополнение публичных социальных значений спекулятивной «прибавочной стоимостью»). Конкретная конфигурация отношений между тремя уровнями варьирует в том или ином обществе.

Предложенная схема, само собой разумеется, не претендует на статус всеобъемлющей теории общества, это лишь концептуальный набросок, позволяющий скорректировать понимание публичности с учетом реалий современной социальной жизни и учесть своеобразие местного контекста и, таким образом, способный послужить эффективным инструментом анализа формы и тенденций развития публичности в конкретном обществе.

Как именно это может выглядеть применительно к сегодняшней ситуации Беларуси и Украины? Прежде всего, следует оговорить сложность определения самой этой ситуации: наиболее частые варианты – «переходные общества» и «части постсоветского пространства» – представляют собой явные идеологемы: первое определение предполагает признание окончательной победы капитализма и либеральной демократии во всемирно-историческом масштабе, а второе – общность дальнейшей исторической судьбы у обломков Советского Союза. Корректное использование выражения «постсоветское общество» означает, по-видимому, лишь указание на недавнюю предысторию и специфическую «стартовую позицию» общественного развития, конкретная траектория которого определяется взаимодействием социальных процессов разной протяженности: локальных, национально-государственных, региональных и глобальных. И, как уже отмечалось, глобальная «система координат» подсказывает интерпретацию и объяснение динамики в том или ином обществе, в первую очередь, в экзогенной перспективе: как результат территориально-государственного размежевания и присвоения глобальных конъюнктур.

В этой перспективе образование закрытого и самодовлеющего социального ландшафта под названием «Республика Беларусь» предстает как местный ответ авторитарного государства на риски глобализации (т.е. как специфически белорусский вариант глобализации²⁴); национально-государственное замыкание на себя («схлопывание») социального пространства идеологически оправдывается как «собственный путь развития Республики Беларусь» и узаконивается в рамках

симуляционной, но довольно эффективной и устойчивой модели «народовластия»²⁵. Продолжая эту линию анализа, мы можем, опираясь на трехуровневую схему практик, артикулирующих социальное воображаемое, проинтерпретировать специфическую организацию белорусской публичности.

Монополистом на уровне спекулятивных социальных практик является в Беларуси авторитарное государство, обладающее практически полным контролем над политическим полем, экономикой и масс-медийной сферой. Концентрация ресурсов в руках государства такова, что оно способно в значительной степени моделировать (средний) уровень прозрачных социальных обменов, выстраивая воображаемую²⁶ сферу честных социальных отношений (весьма характерно, что специфически понимаемая честность («чэснасць») является одной из ключевых идиом официального публичного дискурса).

Эта сфера представляет собой дифференцированное и внутренне согласованное пространство республиканских добродетелей или, точнее говоря, «социальных характеров» (морально инвестированных социальных ролей²⁷): «простого человека», «патриотического предпринимателя», «самоотверженного чиновника» и, конечно же, «Президента». Основополагающее значение для существования этого пространства имеют отношения любви и заботы между «Президентом» и «простыми людьми». Своеобразие «белорусского коммунитаризма», придающее ему туземный колорит, заключается, в частности, в том, что «чэснасць» не предполагает ни морально-правового универсализма, ни незыблемости правил игры: здесь все определяется (и может сколько и как угодно переопределяться) суверенной «волей народа», единственным легитимным представителем и верховным исполнителем которой является «Президент». Симуляционная модель белорусского «народовластия» обеспечивает самоосвящение государственного авторитаризма, и публичность, формируемая как «чэснасць», является мощным моральным ресурсом этой модели.

Публичная сфера «чэснасці» формируется и поддерживается авторитарным государством главным образом посредством своих «идеологических аппаратов»²⁸ (институтов воспитания и образования, подконтрольных общественных организаций и масс-медиа, системы социальной работы и др.) с подстраховкой со стороны репрессивного аппарата. Но дело, конечно же, не сводится лишь к государственному манипулированию и моделированию «сверху»: публичная сфера «чэснасці» существенно поддерживается «снизу» – воспроизводительными экономиями повседневной жизни (нижним уровнем в предложенной трехслойной схеме практик): «фоновый консенсус» повседневной жизни включает согласие с авторитарной властью.

При этом искренняя приверженность официально признанным ценностям представляется редким крайним случаем²⁹; намного более распространенными и типичными установками представляются двойное сознание и двойная мораль публичного и частного. Поддерживая официальную публичность аффектив-

ными и моральными инвестициями в «защитный кокон» патерналистского государства, люди живут своей жизнью, «не занимаясь политикой»: пусть публично-политические значения монополизированы государством, но ведь остается достаточное пространство для индивидуальных, семейных, корпоративных и т.п. проектов «счастливой жизни». Конечно, всепроникающее государственное регулирование мешает успешной частной жизни, но оно негласно необходимо. При этом имеется в виду не только и не столько коррупция, сколько неустойчивость и конвенциональность публичных значений: ведь в них изначально нет ни универсальности, ни непреложности. Человек, в своей повседневной жизни принимающий официальные наклейки на социальных вещах за чистую монету, – это не приспособленный к жизни «социальный идиот». Действительно валидны скрытые приватные коннотации публично признанных значений, которые, сплетаясь, организуют толщу «теневой социальности». Здесь царит социальное лицедейство: не просто корыстный расчет, а инстинктивная «двойная бухгалтерия»: публичные социальные роли исполняются с эмоциональными инвестициями и, одновременно, с циничной дистанцией. Социальное лицедейство означает парадоксальное совмещение искренности и цинизма: «искренний цинизм» или «циничная искренность».

Белорусская публичная сфера «чэснасці», скрыто навязываемая авторитарным государством и молчаливо поддерживаемая воспроизводительными практиками повседневной жизни, обладает еще двумя интересными характеристиками. Первая из них состоит в том, что сфера «чэснасці» четко очерчена в пространстве: ее границы совпадают с государственными границами Республики Беларусь. Лишь в этих границах и только благодаря государственной опеке человек живет в хорошо упорядоченном и справедливом социальном мире; за пределами Беларуси царит отвратительный и пугающий хаос (кровавые этнические и религиозные конфликты, безудержная преступность, тяжелые экономические проблемы, коррупция, бесправие «простого человека», техногенные катастрофы и т.д. и т.п.). Фундаментом «чэснасці» является патриотизм, смысл которого в данном случае состоит не столько в любви к родине, сколько в «контрфактическом»³⁰ утверждении безоговорочного территориального суверенитета белорусского государства, в признании святости и неприкосновенности его «внутренних дел».

Вторая интересная характеристика состоит в специфической для Беларуси конфигурации отношений между тремя уровнями социальных практик: средний уровень прозрачных социальных обменов не только активно формируется «сверху» (уровнем спекулятивных практик государства) и «снизу» (уровнем воспроизводительных повседневных практик), но и полагается всеобъемлющим, охватывающим всю толщу социальной жизни. В Беларуси осуществляется «социетальная тотализация» сферы «чэснасці» – прозрачной, открытой, рациональной практики: коварство символических стратегий государства и социальное

лицедейство повседневной жизни скрыты, публично невидимы, отнесены к тем непристойностям, о которых в приличном обществе не говорят.

Отсюда следует, в частности, что все то, что инородно этой распространенной на всю социальную жизнь и самодостаточной сфере «чэснасці», скоррелированной с неограниченным территориальным суверенитетом белорусского государства, – все бесконтрольно приходящее извне (влияние международных организаций, транснациональные «потoki» и т.п.) и бесконтрольно образующееся внутри (гражданские инициативы, независимые масс-медиа, неправительственные организации и т.п.) – автоматически наделяется скрытым враждебным значением. Модель «чэснасці» имплицитно «вытеснение в заговор» всего того, что не вписывается в официально установленный образ публичной жизни. «Заговоры» (внешних врагов независимого белорусского государства и их внутренних агентов и пособников) – это существенный элемент официальной социальной космологии в Беларуси³¹.

Представляется, что предложенная трехуровневая модель социальных практик особенно эффективна в анализе публичности именно в постсоветских контекстах, где «средний» слой социальных практик является сравнительно слабым и поэтому легко подверженным деформирующим воздействиям «нижнего» и «верхнего» слоев; следует лишь специфицировать конфигурацию отношений трех уровней. Например, если в Беларуси мы сталкиваемся со случаем сильного авторитарного государства, то в соседней Украине – с существенно отличным случаем кланово-корпоративной демократии; соответственно, здесь по-иному организован публично признанный «фасад» социальной жизни и по-другому выстраиваются отношения между ним и «теневой социальностью», обладающей онтологическим и ценностным первенством³².

Впрочем, следует отметить, что изучение столь своеобразного и сложного явления, как постсоветская публичность, едва ли было бы эффективным в рамках одной-единственной концептуальной модели; поэтому авторы работ, включенных в настоящий сборник, предлагают и собственные концептуализации в соответствии с избранными ими аспектами тематизации феномена публичности. Различны и «дисциплинарные режимы» рассмотрения: в книге представлены социально-философские и социологические подходы, анализ в перспективе «критического анализа дискурса», экспертная и журналистская саморефлексия; известная фрагментарность книги вполне сообразна многомерности и неинтегрированному характеру постсоветской публичности.

Едва ли уместно предлагать здесь обобщающую сводку аналитических результатов, полученных авторами книги; отмечу лишь некоторые ключевые мотивы, намечающие перспективу адекватного изучения постсоветской публичности.

Во-первых, следует избегать чрезмерной теоретизации, которая бы раз и навсегда устанавливала, что такое публичность «на самом деле»; столь жестко

сконструированному теоретическому образцу едва ли вообще возможно найти эмпирическое соответствие, тем более – в очень своеобразных реалиях постсоветских обществ; имеющиеся концептуализации публичности должны выступать скорее общим ориентиром описательно-реконструктивного подхода, учитывающего своеобразное устройство публичной сферы в контексте данной конфигурации социальных практик.

Во-вторых, следует избегать и гиперполитизации феномена публичности. Действительно, неофициальная (т.е. не совпадающая с организацией публичной власти и не подвластная государству) публичная сфера может рассматриваться как воплощение общественной автономии – но в том весьма широком смысле «самозаконности» социальных практик, который выводит далеко за пределы конвенциональной «сферы политики». Наряду с «политической публичностью» может и должен существовать широкий спектр «политически беззаботных» автономных публик, намечающих многообразные возможные этик и эстетик существования и тем самым служащих ресурсом социальной креативности и культурного экспериментирования. Задача критики (государственной) власти вторична относительно задачи артикуляции образа «хорошего общества», в свете которого критика только и приобретает осмысленность. Политизированные публики лишь тогда действительно автономны, когда они открыты для восприятия всей широты публичных «голосов», спонтанно возникающих в обществе, предлагающих оригинальные определения ситуации и намечающих возможные стили жизни.

В-третьих, функционирование публичной сферы связано с наработкой особого регистра социального знания, делающего возможной общественную рефлексивность; роль интеллектуалов (социальных ученых и экспертов-аналитиков) в опосредствовании публичности связана с задачами изучения, диагностики и проектирования. В данной книге преобладают первичное картографирование и критика наличного положения дел; перспективу возможного продолжения данного проекта резонно связывать уже в первую очередь с задачей проектирования развития автономной публичности в постсоветских контекстах.

Примечания

¹ Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение. Рецензия на книгу И. Гердера // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 6. М., 1966. С. 26.

² Там же. С. 28.

³ Там же.

⁴ Арндт, Ч. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Ч. Арндт. СПб., 2000. С. 66.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 69.

- ⁷ Там же. С. 75.
- ⁸ Ср.: Warner, M. *Publics and Counterpublics* / M. Warner. Cambr., Mass., 2002. P. 59.
- ⁹ Habermas, J. *Further Reflections on the Public Sphere* / J. Habermas // Habermas and the Public Sphere / Calhoun C. (ed.). Cambr., Mass., 1992. P. 422.
- ¹⁰ В предисловии к 18-му немецкому изданию книги «Структурные трансформации публичности» Хабермас признавал, что в изображении им «буржуазной публичной сферы» содержались более сильные идеализации, чем оправданные идеально-типическим конструированием понятия (*ibid*, p. 424).
- ¹¹ См., в частности: Negt, O. *Öffentlichkeit und Erfahrung* / O. Negt, A. Kluge. Frankfurt/M., 1970; Eley, G. *Nations, Publics, and Political Cultures: Placing Habermas in the Nineteenth Century* / G. Eley // Habermas and the Public Sphere. P. 289-376; Ryan, M.P. *Women in Public: Between Banners and Ballots, 1825–1880* / M.P. Ryan. Baltimore, 1990; Warner, M. *The Letters of Republic: Publication and the Public Sphere in Eighteenth Century America* / M. Warner. Cambridge, 1987.
- ¹² Fraser, N. *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* / N. Fraser // Habermas and the Public Sphere / Calhoun Craig (ed.). Cambridge, 1992.
- ¹³ Fraser, N. *Rethinking the Public Sphere*. P. 123.
- ¹⁴ Fraser, N. *Op.cit.* P. 124.
- ¹⁵ Warner, M. *Op.cit.* P. 119.
- ¹⁶ Fraser, N. *Op.cit.* P. 129.
- ¹⁷ См.: Sheller, M. *Mobile Transformations of ‘Public’ and ‘Private’ Life* / M. Sheller, J. Urry // *Theory, Culture & Society*. 2003. Sage. Vol. 20 (3). P. 108.
- ¹⁸ Poster, M. *The Second Media Age* / M. Poster. Oxford, 1995. P. 64.
- ¹⁹ Термин «образ» здесь не подразумевает ничего специфически «визуального», он означает скорее неявное понимание социально значимых вещей (предметов публичного обсуждения), их социально сконструированную очевидность («образ мира»).
- ²⁰ См., напр.: Appadurai, A. *Modernity at Large. Cultural Dimension of Globalization* / A. Appadurai. Minneapolis, 1996; Kalb, D. *The Ends of Globalization. Bringing Society Back* / D. Kalb [et al.]. Lanham, 2000; Urry, J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century* / J. Urry. London; New York, 2000; Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture* / R. Robertson. London, 1992.
- ²¹ Castoriadis, C. *The Imaginary Institution of Society* / C. Castoriadis. Cambridge, 1987; Taylor, Ch. *Modern Social Imaginaries* / Ch. Taylor. Duke, 2004.
- ²² См., напр.: Eisenstadt, S. *Multiple Modernities* / S. Eisenstadt (ed.). London, 2002; Gaonkar, D.P. *Alternative Modernities* / D.P. Gaonkar (ed.). Duke, 2001.
- ²³ Данная схема представляет собой обобщение модели, предложенной Фернаном Броделем для анализа экономической и социальной жизни в XV–XVIII вв. в глобальной системе координат. Бродель выделял три различных уровня: «материальную жизнь», «экономику» и «капитализм». Термином

«материальная жизнь» им обозначалась «та сторона жизни, в которую человечество оказывается вовлеченным, даже не отдавая в том себе отчета», это «набор действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят... почти не затрагивая сознания». Короче говоря, базовый уровень «материальной жизни» образуют рутины повседневности. Второй уровень, «экономика», связан с рынком как системой регулярных – и в силу этого прозрачных и рациональных – обменов. Слой рыночной экономики простирается от мелкой розничной торговли (торговля вразнос, лавки, локальные рынки) до ярмарок и бирж. Наконец, третий уровень, «капитализм», наслаивается сверху на рыночную экономику: он «принадлежит блестящему, усложненному, но весьма узкому слою...» «Торговля на дальние расстояния преимущественно является областью свободного маневра, она действует на расстояниях, которые не дают осуществлять над ней обычный контроль или позволяют максимально ослабить его». Капитализм использует язык рыночной экономики, но позволяет обернуть его к собственной выгоде; он достигает сверхприбылей посредством управления неопределенностями; обычно он предполагает двойную игру и сговоры между немногими партнерами. Разумеется, невозможно непосредственно приложить эту модель экономики «старого порядка» к современным обществам; необходимы существенные коррективы, учитывающие последствия модернизации (рынок глубоко преобразовал материальную жизнь, капитализм стал промышленным, а затем информационным и т.д.). Тем не менее обобщение броделевской модели позволяет анализировать социальное воображаемое с учетом наличия в нем латентных социальных значений (будь то имплицитных или сознательно скрытых) (Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1992).

- ²⁴ См. подробнее: Фурс, В. Белорусская «реальность» в системе координат глобализации (постановка вопроса) / В. Фурс // Топос. № 1 (10). 2005.
- ²⁵ См. подробнее: Фурс, В. «Власть народа»: современные представления о демократии и белорусская модель «народовластия» / В. Фурс // Топос. № 2 (13). 2006.
- ²⁶ И обладающую всей полнотой практической реальности: ведь «воображение» здесь означает не «вымысел» или «выдумку», а «формирование образа».
- ²⁷ «...Характеры в общем являются теми социальными ролями, которые обеспечивают культуру ее моральными дефинициями...» (Макинтайр, А. После добродетели / А. Макинтайр. М., 2000. С. 46).
- ²⁸ Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses / L. Althusser // Lenin and Philosophy and Other Essays. New York, 1971.
- ²⁹ «Согласие с авторитарным режимом» охватывает в Беларуси весьма широкий спектр мотиваций: наряду с искренней приверженностью политическому авторитаризму это может быть, в частности: боязнь неопределенностей, связанных с самостоятельным образом жизни в изменчивом «большом мире»;

потребность в государственной заботе и социальных гарантиях; признание неодолимости государственной машины; прагматическая адаптация индивидуальных/семейных/корпоративных проектов к наличным общественно-политическим рамкам; нерелексивное принятие любого фактически наличного политического порядка и т.п.

- ³⁰ То есть очевидно игнорирующем современные реалии глобализации социальной жизни.
- ³¹ Занятно, что социальная космология, которой руководствуется белорусская демократическая оппозиция, представляет собой простую инверсию этой официальной конспирологии: сфера фундаментальной честности у демократов помещается вовне Беларуси («весь цивилизованный мир»), тогда как наличная белорусская реальность воспринимается как насквозь обманная и злокозненная. Слабость этой космологии сравнительно с официальной определяется как крайне урезанными ресурсами оппозиционных спекулятивных практик, так и слабой релевантностью тех абстрактных «общечеловеческих» ценностей, на которые они опираются («политическая свобода», «либеральная демократия»), ценностям повседневных практик.
- ³² Об этом см. подробнее в статьях Сергея Пролесова/Виктории Шамрай и Романа Кобца.

**РАЗДЕЛ 1.
ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА:
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА**

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Изменение в системе ценностей современного общества

Рассматривая «структурные изменения» публичности в социокультурном пространстве постсоветских стран – Беларуси и Украины, – я хотел бы остановиться прежде всего на некоторых методологических проблемах, опираясь при этом на исследования западных философов и социологов.

Формирование современного общества, или процесс модернизации, связан с разрушением традиций, которые опирались на мировоззрения, укорененные в интуициях определенных жизненных миров, религиозных картин мира, обеспечивая социальную интеграцию, идентификацию «Мы». Как показал Ю. Хабермас в работе «О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив», «доминирующие составные части культурной традиции все больше *теряют* характер мировоззрений, следовательно, интерпретаций мира, природы и истории в целом. Буржуазные идеологии – это уже остатки мировоззрений, которые временно убереглись от несущих на себе печать элиминации требований устранить, исходящих от политико-экономической системы и системы науки»¹.

Таким образом, социальная интеграция (идентификация того, что можно назвать местоимением «Мы») строится уже не на общих ценностях, укорененных в жизненном мире, а на определенной нормативной системе, которая зиждется не на субстанциально-мировоззренческих началах и материальном этосе, а на формальной системе правовых и моральных норм. И даже основные ценности современного общества, такие как «свобода», «справедливость», «солидарность», которые стали базовыми для современных демократий, фактически носят

формальный характер. Скажем, такая ценность, как «свобода», не приписывает саму субстанцию свободы, а определяется принципом универсализации взаимности, который является формальным. То же самое касается и таких ценностей, как «справедливость» и «солидарность», о чем писали Д. Ролз, О. Хеффе, К.-О. Апель, Ю. Хабермас и др. Они не предписывают субстанцию действия, а дают возможность сформировать процедуру обоснования и легитимации ценностных ориентаций, практик, проектов и т.д., которые переходят к публичным дискурсам.

Таким образом, ценности, укорененные в жизненном мире, т.е. наши интуиции, которые и составляют материальное априори этоса, требуют критической проверки, рационального обоснования. И любая попытка реанимации дорефлективных ценностей в современную эпоху несет в себе опасность тоталитаризма. Например, Апель приводит пример того, как ему, еще подростку, вначале казались очень привлекательными лозунги нацистской пропаганды: «Общее благо выше собственного», или этноэтический призыв: «Ты никто, твой народ – все!». И действительно, они, на первый взгляд, казались самоочевидными, не требующими рационального обоснования. Однако здесь как раз и скрываются опасности демагогии, с которыми и связаны тоталитарные режимы. На первый взгляд, самоочевидным является ответ на вопрос Гитлера: «Так народ для права или право для народа?». И только после поражения Германии становится понятным, что этот вопрос является демагогичным вопросом-ловушкой, поскольку там, где brutally попирается право, там вряд ли можно найти и общее благо, благо для народа.

Казалось бы, следует только перенять те ценности, на которые опирается современное демократическое общество, а именно – «свобода», «справедливость», «солидарность», мол, ничего лучшего и не придумаешь, а поэтому следует их только внедрить в жизнь и руководствоваться ими. Однако насколько возможно такое перенесение? Ведь если в западном обществе указанные ценности стали самоочевидными, то в других странах, это далеко не так. Например, недавно украинская общественность обсуждала тему основных ценностей нашего общества. И в результате обсуждения указанные ценности были некоторым образом изменены в соответствии с нашей спецификой, получив такую конфигурацию: «независимость», «справедливость», «солидарность».

Однако вряд ли стоит вообще говорить о «западных» или «восточных» ценностях, культурах, цивилизациях как о чем-то застывшем. Ведь здесь нас может подстергать еще одна ловушка, ловушка «географического ложного умозаключения» наподобие «натуралистического» (Дж. Мур) или «этнического» (Ю. Хабермас, Т. Ренч) ложного умозаключения. Здесь следует подчеркнуть асинхронность общественного развития, когда одни культуры пребывают еще в домодерном, а другие – в модерном, а третьи – в развитом модерном состоянии. В последних

система ценностей переходит в плоскость их обоснования в практических дискурсах как важнейшей составляющей современного гражданского общества.

Поэтому не может быть и простого перенесения основных ценностей, «экспорта» демократии. Ведь в западном обществе основные ценности произрастают, так сказать, естественно, то есть из жизненного мира и его коммуникативной рационализации. Этот процесс исследован философами, социологами, культурологами и т.д. Для нас важными являются такие понятия, как «расколдовывание мира» М. Вебера и «выговаривание сакрального» Э. Дюркгейма, благодаря которым описывается коммуникативная рационализация жизненного мира. Именно коммуникативная рационализация жизненного мира, которая выводит за горизонт партикулярных этосов, закладывает основание для формирования гражданского общества вообще и публичной сферы в особенности. В своей докторской диссертации «Структурные изменения в сфере публичности» Ю. Хабермас показывает, как она изменяется, превращаясь из сферы, которая транспонирует уже готовые смыслы и решения, в сферу, где они вырабатываются. Следовательно, публичность – это сфера институционализации такого метаинститута, как дискурс, который превращается в важнейший фактор делиберативной демократии.

II. Структурные изменения в сфере публичности

Таким образом, мы подошли еще к одной категории, а именно к категории «дискурса», пожалуй, одной из наиболее популярных и широко употребляемых в современной литературе, посвященной практической философии, этике и социальной теории. Это понятие, правда, только недавно вошло в философские энциклопедии и словари. Есть широкое толкование этого понятия, скажем во французской литературе, где под дискурсами понимают любые речевые акты. Такое истолкование присуще и некоторым отечественным исследователям. Например, В.С. Лукьянец в статье «Дискурс» «Философского энциклопедического словаря» таким образом определяет содержание этого понятия: «Дискурс – в современной философии – это “разговор”, “беседа”, “речевое общение”, “речевая практика” любой общности, которая опосредована универсумом лингвистических знаков, социальных институтов, культурных символов»². М.В. Попович в статье «Понятие “дискурса” в метафоричном и логико-лингвистическом понимании» дает такое истолкование этого понятия: «совокупность установок, которые определяют, какие предложения могут, а какие не могут быть заданы в определенном контексте, и есть дискурс»³.

Однако существует и более конкретное, более узкое истолкование этого понятия, которое разрабатывается этикой дискурса франкфуртской и берлинской школ трансцендентальной прагматики. Значение этого понятия, по

определению Х. Гронке и Д. Бёлера, определяется анализом, «направленным на реконструкцию рационального содержания речевых высказываний, и связано с аргументацией как диалогическим действием. Такой анализ дает возможность исследовать прежде всего структуру аргументации как диалогической мета-практики проверки и оправдания притязаний на значимость, которые предполагаются или выдвигаются в речевых актах»⁴. Соответствующая реконструкция и проверка (тестирование) особенно важны в ситуациях, когда такие притязания проблематизируются.

Поэтому для нас важным является определение этого понятия, предложенное Ю. Хабермасом: «дискурс есть форма коммуникации, определяемая аргументацией, форма, в которой притязания на значимость, ставшие проблематичными, являются темой для обсуждения»⁵. Дискурс является общественно-рефлексивной формой прояснения ставших проблематичными смыслов, практик, действий, институтов. Она «встраивается» в жизненные миры (точнее говоря, «надстраивается» над ними), обеспечивающие то «предпонимание», без которого невозможны понимание и взаимопонимание. Как пишет Д. Бёлер в статье «Понимание и дискурс», «без предпонимания мы вообще не могли бы понимать, однако только при условии критического применения предпонимания мы можем правильно понимать»⁶.

Таким образом, в коммуникативной теории практический дискурс выступает общественным метаинститутом, которому должны быть подчинены все другие институты, практики, проекты. Дискурс предполагает в своей основе коммуникативное действие, которое направлено на достижение взаимопонимания, в противовес стратегическому действию как социальной форме целерационального действия, направленного на достижение определенной цели. Однако он предполагает также a priori «Universe of Discourse» (Дж.Г. Мид), т.е. идеальной, или трансцендентальной, коммуникации (К.-О. Апель, Ю. Хабермас).

Идеальные условия коммуникации, по Хабермасу, таковы:

1) каждый субъект, способный к речи и действию, может принимать участие в дискурсе.

2) а) каждый может проблематизировать любое утверждение;

в) каждый может выступать в дискурсе с любым утверждением;

с) каждый может высказывать свои взгляды, желания, потребности;

3) никто из тех, кто принимает участие в дискурсе, не должен испытывать преград (как внутренних, так и внешних) в виде обусловленного отношениями господства принуждения использовать свои, установленные в первом и во втором пунктах, права ⁷.

Таким образом, идеальная коммуникация, или идеальный дискурс, характеризуется такими чертами: все участники коммуникации являются в принципе равноправными, ни один аргумент не должен остаться без внимания и никто не должен испытывать преград или каких-либо иных явных или латентных при-

теснений со стороны власти использовать свои речевые акты, последней инстанцией должно быть «своеобразное принуждение более веского аргумента»⁸. В этом состоит отличие понимания дискурса в этике дискурса, предполагающей в качестве регулятивной идею отношений, свободных от господства, от трактовки, например, М. Фуко, согласно которой любой дискурс уже является господством.

Однако нельзя также не учитывать, что в современных условиях применение дискурса все более и более проблематизируется. Такое положение связано с несколькими причинами. Во-первых, как показал Н. Луман, к этим причинам принадлежит комплексная сложность общества, которая ставит под сомнение не только «суверенность автономного человеческого разума», но и «суверенность интересубъективного разума». Во-вторых, это плюрализация мира, децентрализация его, что также проблематизирует единство рациональности, а также такие понятия, как истинность познания, правильность и универсальность моральных и правовых норм, а потому усложняет и их морально-этическую легитимацию.

Об этом говорит и Х. Шельски в книге «Работу исполняют другие», в которой идет речь о возникновении «нового духовенства», которое, монополизируя смыслы, транспонирует их «незрелым гражданам». В другой своей книге «Политика и публичность» Шельски отмечает, что «человек живет в трех мирах, а именно: в мире семьи, в мире работы и в мире mass media»⁹. Разворачивая свою концепцию разделения властей, Шельски подчеркивает, что «публицистика стала существенным средством осуществления власти и господства»¹⁰. Она стала четвертой властью наряду с разделением властей на исполнительную и законодательную (Дж. Локк), а также на судебную (Ш. Монтескье). Mass media он истолковывает как «любую форму агитации, пропаганды, публицистики и формирования мнений, при которой владение средствами производства общественно-политической информации и в национальном, и в международном измерениях есть одним из наиважнейших средств политической борьбы»¹¹. Как видим, публичная сфера рассматривается не только как средство осуществления власти, но и как сама власть, как важнейшая форма господства. Точно так же и язык все больше и больше рассматривается как фактор осуществления господства.

«Mass media, – отмечает Г.К. Кальтенбруннер в предисловии к неоконсервативному сборнику “Власть производителей мнений”, – является не только технической, социально-психологической и политической проблемой, но прежде всего проблемой онтологической. Они потому только способны отражать, вуалировать и исказить действительность, что способны ее определять. То, что мы воспринимаем как действительность, есть не просто данностью, а результат действия media»¹². Как видим, публичная сфера выступает не только как сфера осуществления власти, но и как «первая природа», «первая реальность». И так же, как тиражирование искусства подменяет собой само искусство (В. Беньямин

в работе «Искусство в эпоху его технического воспроизведения»), а «вторая» природа – «первую» (Г. Беме «Природа в эпоху ее технического воспроизведения»), так и сфера публичности «в эпоху ее технического воспроизведения» все больше превращается в саму власть. Таков довольно-таки неутешительный диагноз современной эпохи.

И если во времена средневековья публичная сфера была средством транспонирования уже готовых смыслов и решений, а со времен становления новоевропейского общества превращается в средство *контроля гражданами за властью*, то в настоящее время она все больше и больше превращается в средство *контроля власти над гражданами*. Средневековая формула «Чего нет в книгах, того нет и на свете» превращается в другую, однако чем-то похожую, формулу «Чего нет в mass media, того нет и на свете». Можно говорить о современной эпохе как об эпохе квазисредневековья, или постмодерна, который многое замещает из домодерна.

Таким образом, и язык рассматривается как новое господство, а дискурсы – как средства осуществления такого господства. И в определенной степени это так. Однако здесь надо учитывать, что в данном случае дискурсы, направленные на достижение взаимопонимания, подменяются спором, который является формой стратегического действия, направленного на достижение победы, поскольку в основе спора лежит политический или экономический интерес. Промежуточным звеном здесь служит дискуссия, направленная также на состязание, однако, как правило, без четко выраженного интереса¹⁵. В последних формах притязание на истинность знания и правильность норм не играет сколько-нибудь существенной роли. Такие дискурсы направлены не на достижение иллюкативных целей, т.е. на взаимопонимание, а на достижение перлюкативных целей, для чего необходим не консенсус как регулятивная идея, а компромисс интересов на основе партикулярных договоренностей, а то и сговоров относительно тех, кто остался за пределами этих интересов.

Таким образом, общественность, все больше и больше подчиняясь контролю со стороны власти, сама выступает фактором этой власти, и не в последнюю очередь потому, что гражданам вследствие господства инструментального разума не хватает ценностных ориентаций для публичной критики власти. Поэтому сфера публичности теряет свое либеральное значение, т.е. свою способность быть легитимирующей и контролирующей инстанцией, что приводит к *проблеме легитимации* общества. Появляется «новая непрозрачность», которая проблематизирует публичное принятие решений. Такова составляющая «диагноза времени» Ю. Хабермаса. Эта мысль получила дальнейшее развитие в другой его работе «Проблемы легитимации в позднем капитализме».

Такая ситуация связана с тем, что коммуникативное действие, направленное на достижение взаимопонимания, подменяется стратегическим действием, направленным на достижение определенных (партикулярных) целей. Однако

Хабермас и другие представители этики дискурса не считают, что возможности открытых политических дискурсов исчерпаны, а значит, и возможности подчинения инструментального действия коммуникативному. Хабермас считает, что «распространившийся и на сферу политической власти универсализм должен был, однако, принять форму коммуникативной этики, основанной на свободных взглядах на мир и обосновываемой лишь при помощи основополагающих норм разума. Такая этика ставит под вопрос все идеологические, т.е. лишь по видимости *всеобщие*, легитимации и диктует необходимость обоснования всех фактических отношений власти и господства»¹⁴. И такой критической инстанцией, которая легитимирует политическую власть и осуществляет контроль за ней, и должен стать публичный дискурс.

Дискурс должен стать и той инстанцией, которой должны быть подчинены другие институты, в том числе и политические. Хабермас формулирует это положение на основе принципа универсализации: «Каждая значимая норма должна отвечать условиям, что следствия и побочные следствия, которые предположительно возникнут из ее всеобщего применения, могут быть без принуждения приняты *всеми*, кого это касается»¹⁵. Публичный дискурс является также формой легитимации и политической сферы. Как отмечает Д. Бёлер, «политические решения, действия и институты можно считать легитимными, если они отвечают дискурсивному принципу, который одновременно является и моральным принципом»¹⁶.

Как видим, принцип дискурса получает и свое морально-этическое наполнение, прокладывая путь к взаимодействию этики и политики. Этот принцип даст также возможность обосновать соответствующую времени формулировку категорического императива, например, в версии Д. Бёлера: «поступай так, чтобы с твоим утверждением, планом или поступком могли бы согласиться все на основе осмысленных и отвечающих ситуации аргументов (так, чтобы ни один осмысленный и отвечающий ситуации аргумент не остался бы вне внимания, для чего следует ожидать обоснованного консенсуса в неограниченном аргументативном сообществе)»¹⁷. Этот императив и требует от политика считаться со всеми возможными аргументами, которые выдвигаются обществом, а это означает, что само общество должно быть открытым, а значит, институционализированным как гражданское общество.

III. «Структурные изменения сферы публичности» в Украине

В свете применения изложенной выше методологии перейду к некоторым проблемам исследования сферы публичности в Украине. Эта сфера пребывает пока в зародышевом состоянии, как и гражданское общество вообще. Следует

отметить, что у нас фактически нет существенного опыта строительства этой сферы. Конечно, были некоторые традиции диалогического осуществления власти и публичного принятия решений, к которым можно отнести и «народное вече», «черную раду», «магдебургское право». Однако не были выработаны четкие процедуры совместного принятия решений. Это можно проиллюстрировать на примере эпизода из «Тараса Бульбы» Гоголя. Когда Тарас везет своих сыновей в Сич, чтобы «обстрелять» и сделать их настоящими «казаками», выясняется, что в это время заключается перемирие и с Турцией, и с Польшей. Тогда он собирает казачью раду, на которой «переигрывают» мирные договоренности с Польшей и принимается решение начать с ней войну.

Это, скажем так, «урок украинского», если воспользоваться метафорикой немецкого писателя Зигфрида Ленца. Хотя следует отметить, что такие «переигрывания» были фактически нормой в международных отношениях того времени, когда постоянно нарушались соглашения и договора, когда процедура еще не стала важнейшей составляющей легитимации норм, соглашений, совместных решений и действий. Ведь такой процедурный характер достижения согласия в обществе – это прежде всего модель новоевропейской эпохи.

Далее, наша публичная сфера строится фактически на основе доминанты монологической парадигмы. Это связано с определенной исторической инерцией. Ведь те зачатки коммуникативной рационализации жизненного мира, формирования публичной сферы и гражданского общества вообще, которые были начаты после 1861 г. и могли бы развиваться после Февральской революции 1917 г., были свернуты после октябрьского переворота, который по сути был направлен на рефеодализацию общества. Модернизация, а стало быть, и рационализация жизненного мира осуществлялись на основе модели стратегического действия, которая хотя и создавала некоторые условия для коммуникативной рационализации, однако тормозила ее действие.

Сфера публичности в советский период фактически была монологичной. Марксистско-ленинская идеология превратилась в «политическую религию», которая не требовала ни обоснования, ни публичного обсуждения. И хотя такие обсуждения происходили, это были квазиобсуждения, поскольку не существовало сколько-нибудь четких процедур, на основе которых можно было достичь согласия. Решения транспонировались сверху вниз. В постсоветской Украине, несмотря на то что сфера публичности развивается, еще сохраняется, на мой взгляд, эта доминанта ее монологического типа.

Такое положение проявляется в том, что эта сфера строится на основе подмены коммуникативного действия, направленного на достижение взаимопонимания, стратегическим действием как социальной формой инструментального действия, направленного на достижение партикулярных целей, которые выданы за всеобщие. Коммуникативное действие в данном виде основывается не на иллюкутивах, направленных на достижение взаимопонимания на основе

аргументации, а на перлокутивах, которые направлены на достижение прямых или скрытых целей. Чаще всего это скрытые перлокутивы.

Отсюда сфера публичности выступает в виде ее «превращенных форм» (Маркс), «ложных коммуникаций» (Хабермас), «симулякров» (Бодрийяр), которые теряют свою корреспондентность с настоящей реальностью, «подменяют эту реальность знаками реальности»¹⁸, превращаясь в квазиреальность. Это обстоятельство становится основанием для «циничного разума» (в терминах П. Слотердайка и С. Жижека), когда политики «хорошо осознают, что творят, и, тем не менее, продолжают творить это»¹⁹. Циничный разум четко осознает дистанцию между идеологией и социальной реальностью, однако не отказывается от идеологии. Циничный разум уже не такой наивный, он парадоксальным образом выступает как «просвещенное ложное сознание»: четко осознавая свою ложность, осознавая, что за идеологическими универсалиями скрываются частные интересы, он ни в коем случае не собирается отказываться от этих универсалий²⁰.

Таким образом, сфера публичности все более и более выражается в непрозрачных и закрытых формах. Наша «новая непрозрачность» является результатом нашего «недо-постмодерна». Это означает также, что нет уважения к оппоненту, нет стремления к истинному консенсусу, а есть прежде всего стремление победить любой ценой – ценой лжи, манипуляции сознанием и общественным мнением, черными, а в основном серыми PR-практиками... Общественные дискурсы подменяются спором, когда правила постоянно нарушаются, а процедур не придерживаются.

Поэтому эта сфера во многом играет дезинтегрирующую в обществе функцию. Социальные интеграции подменяются системными интеграциями, которые также действуют в превращенном виде. Сфера общественности в целом и на корпоративном, и на государственном уровнях рассматривается как «окружающая среда» (в терминах Лумана), контингентную комплексность которой, несущую в себе множество рисков и угроз для системы (корпорации или государства), необходимо редуцировать к тем возможностям, которые обеспечивают выживание и функционирование данной системы. Для такой редукции и необходимы *монологические (стратегические)* PR-практики, используемые «с целью идентифицировать стратегические группы общественности, которые несут в себе угрозы или открывают благоприятные возможности для организаций»²¹.

Отсюда возникает вопрос: может ли общественность влиять на власть, на корпоративные предпринимательские структуры, когда она еще недостаточно институционализована, хотя и определенные шаги в этом направлении уже сделаны? Конечно, эмпирический актор действует в определенной эмпирической ситуации, которая связана с искаженными коммуникациями, т.е. в условиях, мягко говоря, далеких от идеальных. Тут я хотел бы снова обратиться к мысли

Д. Бёлера, который рассматривает подобную проблему в уже цитированной мною статье. Например, предприниматель не может эффективно работать в той или иной стране, не подчинясь «логике вещей», скажем, не прибегая к коррупции²². У него выбор: или дать взятку, или уйти с рынка. Если быть ригористом, следует избрать второй вариант. Однако такая ситуация нетипичная, и мало кто осмеливается таким образом поступать. Причем при всеобщей ее реализации экономика вряд ли могла бы работать.

Поэтому Бёлер предлагает такой вариант: подчиняясь «логике вещей», все делать для того, чтобы искоренить эту пагубную ситуацию, создавая такие процедуры, которые делали бы невозможной ее в дальнейшем. Он обобщает двухступенчатый императив дискурсивной этики ответственности так: «В случае сомнения поступай так, чтобы последствия твоих действий сохраняли существующие возможности диалога и ответственности и такие возможности, которые пребывают в становлении»²³. Я считаю, что в наших условиях этот императив и может стать ориентиром на пути воплощения в действительность институтов публичности в неискаженном виде.

Однако хотел бы подчеркнуть, что быть последователем этики дискурса в стране, которая только-только стала на путь модернизации и в которой построение гражданского общества развивается еще в условиях недостаточно рационализированного жизненного мира, не так просто. Ведь постоянно можно слышать или упреки в утопизме, или в том, что этика дискурса есть сугубо западный проект с целью экспансии Запада в мире. Конечно, относительно этих упреков Апель уже дал свои ответы, показывая, какое отношение этика дискурса имеет к утопии, и то, что она хотя и возникает на Западе, однако получает универсальную значимость. Действительно, не все, что возникает в определенном месте, имеет локальное значение, так же как и не все, что возникает локально, превращается на универсальное, ведь и на Западе есть линия Гоббса и линия Канта. Эти заключения имеют важное значение и для развития философии и этики, и для развития публичности в Украине. И в последнее время происходят определенные изменения.

Например, только в 2000-х гг. государством (Верховной Радой, президентом, правительством) был принят целый ряд законов, которые регулируют отношения государства и гражданского общества²⁴. Государство направляет также свои усилия на разработку концепции развития гражданского общества. Конечно, гражданское общество должно формироваться «снизу», самоорганизуя себя. Однако такая самоорганизация может осуществляться только в определенном «правовом поле». В советское время формула «Человек для государства» была главной (вспомним известные строки из популярной тогда песни: «Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня!»). А в наше время часто можно услышать другую формулу: «Государство для человека!». Я считаю эту формулу также демагогической. Ведь и человек, и государство должны быть равноправными субъек-

тами диалога. А опосредствующую функцию в этом диалоге должно выполнять гражданское общество. Поэтому и гражданин, и государство, и гражданское общество должны стать равноправными субъектами общественных отношений. Однако для этого всем участникам этих отношений еще предстоит пройти достаточно длительный путь «процесса обучения», и прежде всего государству.

И оно проходит этот путь, с большим трудом, регрессией, искажениями. Однако можно сделать вывод, что, несмотря на определенный «откат» от «помаранчевых идеалов», публичная сфера все-таки развивается, хотя и непоследовательно, дискурсивные практики на всех уровнях все сильнее и сильнее пробивают себе дорогу. Определенные изменения претерпевает и власть, ведь эти практики распространяются и на политиков, и на правительственные круги. Приведу такой пример: в последнее время даже было изменено название одного из департаментов Кабинета министров, который занимается связями с общественностью Секретариата Кабинета министров Украины», то сейчас он имеет название «Департамент Коммуникации власти и общественности Секретариата Кабинета министров Украины».

И хотя такие коммуникации главным образом являются искаженными, где действуют латентные перлокутивы, превращаясь в «симулякры», и до симметрии, то есть, говоря словами Апеля, до «настоящего аргументативного дискурса, в котором учитывались и уважались бы как значимые не только интересы его актуальных участников, а и всех возможных участников»²⁵, еще далеко, однако появление в названии департамента термина «коммуникации» и замена предлога «с» на «и» свидетельствуют о том, что сделан по крайней мере первый шаг к тому, чтобы общественность стала если и не вполне равноправным, то во всяком случае *потенциально* равноправным субъектом взаимодействия государства и общества.

Другим примером является тот факт, что, несмотря на некоторую инерцию «закрытого общества и его друзей», постепенно наше общество «открывается» с помощью средств массовой информации, которые становятся более свободными, что сказывается на возрастании доверия граждан и к информации, и к медийной сфере вообще. Думаю, что сегодня в этой сфере все-таки закладывается потенциал изменения к лучшему. Можно с уверенностью утверждать, что одним из достижений последнего десятилетия, и особенно последних лет, является высокий уровень свободы средств массовой информации. Этот факт признают эксперты независимо от идеологических предпочтений, даже те авторы, которые пребывают «по ту сторону симпатий к помаранчевой власти»: «Действительно, уровень этой свободы в Украине достаточно высок. Он заведомо превосходит уровень свободы в других странах СНГ, разительно отличаясь от уровня в большинстве из них. Это относится в первую очередь к печатным СМИ. Это безусловно сказывается на оценках гражданами своей страны как в целом

ставшей более демократической»²⁶, – замечает М.И. Белецкий, добавляя, что начало этим процессам было положено еще при президенте Кучме. С этим вряд ли можно спорить, имея в виду, что начиная с 1990-х гг. Украина хотя медленно и противоречиво, но все же продвигалась по пути строительства демократического общества.

Об этом свидетельствуют и результаты опросов общественного мнения, опубликованные Институтом социологии НАН Украины в сборнике «Украинское общество 1994–2005 г. Динамика социальных изменений», а именно: в ответе на вопрос о «Возможности получения достоверной информации о том, что происходит в стране», количество опрошенных, которые дали ответ «Значительно ухудшились», уменьшилось с 18, 2% в 1994 г. до 4,3 % в 2005 г.²⁷

И еще одного аспекта я хотел бы коснуться. Это – глобализация. В конце концов, глобализация и особенно глобальные информационные сети имеют решающее значение для формирования открытости гражданского общества. «Интернет – могильщик посткоммунизма!». Однако эти процессы и в мире, и у нас также очень противоречивы. Необходимо учитывать асинхронность социокультурного развития, что проявляется на общественном, региональном, групповом и индивидуальном уровнях. Это означает, что общество в коммуникативном измерении пребывает сразу на нескольких уровнях: домодерном, модерном и постмодерном, где действуют соответствующие типы социальной интеграции. Этот факт можно проиллюстрировать степенью интернетизации нашей страны. Например, мониторинг Института социологии за 2005 г. «Украинское общество» свидетельствует о том, что 81% наших граждан не имеют потребности в Интернете и никогда им не пользовались, а 9% Интернет необходим, но они не имеют для этого возможности. А согласно ежегодному докладу Всемирного экономического форума «Глобальные информационные технологии – 2005», по уровню распространения Интернета и новейших информационных технологий Украина, по данным за тот же год, занимает 80-е место в мире среди 104 стран²⁸. И все-таки тот факт, что количество абонентов сети у нас неуклонно увеличивается²⁹ и что «среди пользователей интернета очень высокий уровень гражданских патриотических установок»³⁰, является признаком дальнейшего развития открытости гражданского общества в нашей стране³¹.

Однако и эти процессы имеют противоречивый характер. Ведь глобализация в мире происходит в первую очередь на основе стратегического действия. В публичной сфере это означает усиление медийными средствами возможностей манипуляции мнениями, результатами голосования и т.д. Здесь следует учитывать предостережения, высказанные авторами антиутопий (О. Хаксли, Дж. Оруэллом, Ф. Верфель, Г. Казак и др.). Что касается публичной сферы, обеспеченной современной медийной техникой, то таким предостережением может служить роман Эрнста Юнгера «Гелиополис», вышедший еще в 1949 г. В этом романе речь идет о «фонофоре» – устройстве, мгновенно устанавливающим и сумми-

рующем мнения всех жителей планеты и ставшем благодаря этому «идеальным средством планетарной демократии, которое незримо связывало каждого с каждым». Однако демократия эта – мнимая, поскольку «право ставить вопросы принадлежало немногим. И хотя все могли слышать, о чем идет речь, и сообщать свое мнение, темы обсуждений определялись этими немногими»³². Правда, Юнгер был мыслителем право-радикального толка и его вряд ли можно назвать приверженцем демократии, однако такие предостережения нельзя игнорировать.

Чтобы не воплощались в жизнь сценарии таких антиутопий, в которых сфера публичности и гражданское общество будут существовать в таком искаженном виде, стратегическую глобализацию должна уравнивать «глобализация второго порядка» (К.-О. Апель), или «морально-этическая глобализация», а точнее, морально-этическая *универсализация*, опирающаяся на «универсум дискурса», который и ведет к всемирному гражданскому обществу в кантовском понимании. А без всемирного гражданского общества и всемирной коммуникационной сети вряд ли возможна открытая публичность «в отдельно взятой стране».

Поэтому не хотелось бы заканчивать статью на пессимистической ноте. Я не согласен с высказыванием В. Хёсле о том, что несостоятельными оказались надежды теоретика коммуникационных технологий Г. Маклюэна на то, что электронные медиа преодолеют негативные последствия механической технологии и приведут к первичному единству на более высоком уровне³³. Конечно, Хёсле прав в том, что «mass media все более и более навязывают чужой опыт и множество второстепенной информации»³⁴. Однако, во-первых, медийная эра только-только началась, во-вторых, у нас просто нет альтернативы развитию медийной информации и социальной интеграции, разве что вернуться в до-модерное состояние с его закрытостью социального порядка. Этому, пожалуй, были бы рады «друзья закрытого общества». Однако, как свидетельствует опыт XX ст., такой возврат в индустриальную эпоху, т.е. в эпоху технической рационализации общества, чреват опасностью тоталитаризма. Такая опасность существует и в медийную эру, если масс-медиа не станут настоящей составляющей гражданского общества.

Следует подвести некоторые итоги в рассмотрении нашей проблемы, однако сделать это достаточно сложно. Во-первых, потому, что процесс формирования сферы публичности, а значит, и гражданского общества в Украине еще не завершен, во-вторых, он не завершен нигде в мире, и, в-третьих, он вообще не может быть завершен. В противном случае это положило бы конец сфере публичности вообще. Мы можем только констатировать, что процесс формирования публичности в нашей стране достаточно противоречив и что это противоречие, пожалуй, в самой природе публичности: что-то делать достоянием общности, а что-то – скрывать. И наша публичность – не исключение. Ведь

«глас народа» не всегда изрекает истину, поэтому он не всегда является «гласом божьим», пока не выяснено, как «глас народа» молвит, кто его слушает и кто ему отвечает. Однако без регулятивной идеи истины, без регулятивной идеи «гласа божьего», современным проявлением которой является общественный дискурс, мы вряд ли сможем построить институты делиберативной демократии, без которых нам не решить проблемы, которые касаются нас всех.

Примечания

- ¹ Хабермас, Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив / Ю. Хабермас; пер. А. Ермоленко // *Философия истории*. Антология. М., 1994. С. 285.
- ² Лук'янець, В.С. Дискурс / В.С. Лук'янець // *Філософський енциклопедичний словник*. К., 2002. С.156.
- ³ Попович, М.В. Поняття «дискурс» у метафоричному та логіко-лінгвістичному розумінні / М.В. Попович // *Філософська думка*. 2003. № 1. С.29.
- ⁴ Böhler, D. Diskurs / D. Bohler, H. Gronke // *Historisches Wörterbuch für Rhetorik*. Tübingen, 1994. B. 2. S. 609.
- ⁵ Habermas, J. Wahrheitstheorien / J. Habermas // *Wirklichkeit und Reflexion* / H. Farenbach (hrsg.). 1983. S. 214.
- ⁶ Böhler, D. Diskurs und Verstehen / К.-О. Apel., D. Böhler (hrsg.) // *Funkkolleg Praktische Philosophie: Ethik*. Studentexte III. Frankfurt a.M., 1984. S. 985.
- ⁷ Habermas, J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln / J. Habermas. Frankfurt a.M., 1983. S. 89.
- ⁸ Habermas, J. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz / J. Habermas, N. Luhmann // *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie? Frankfurt a.M., 1971. S.137*. См. также: Apel, К.-О. Nichtmetaphysische Letztbegründung? / К.-О. Apel // *Nachmetaphysische Philosophie*. Köln, 1990. S. 42.
- ⁹ Schelsky, H. Politik und Publizität / H. Schelski. Stuttgart, 1983. S.12.
- ¹⁰ Ibid. S. 61.
- ¹¹ Ibid. S.53.
- ¹² Kaltenbrunner, G.-K. Vorwort des Herausgebers / G.-K. Kaltenbrunner // *Die Macht der Meinungsmacher. Die Freiheit zu informieren und informiert zu werden*. München, 1976. S. 9-10.
- ¹³ Тут я опираюсь на статью «Дискуссия» в «Историческом словаре по риторике», в котором различаются такие понятия: «беседа» – направленная на обмен речевыми актами, которая не имеет определенной цели; «спор» – это речевые акты, направляемые перлокутивными актами, связанными со стратегическим действием, то есть с борьбой, где требуется достичь победы; «диалог» – речевые акты, направленные на достижение взаимопонимания, то есть иллюкутивные цели; и, наконец, «дискурс» – речевые акты, направленные на

- достижение взаимопонимания на основе аргументации (см.: Diskussion // Historisches Wörterbuch für Rhetorik. Bd. 2. Tübingen, 1994. S. 819–820).
- ¹⁴ Хабермас, Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив / Ю. Хабермас; пер. А. Ермоленко // Философия истории. Антология. М., 1994. С. 285.
- ¹⁵ Habermas, J. Über Moralität und Sittlichkeit – Was macht eine Lebensform «rational»? / J. Habermas // Rationalität / H. Schnedebach (hrsg.). Frankfurt a.M., 1984. S. 219.
- ¹⁶ Böhler, D. Rekonstruktive Pragmatik. Von der Bewußtseinsphilosophie zur Kommunikationsreflexion: Neubegründung der praktischen Wissenschaften und Philosophie / D. Böhler. Frankfurt a.M., 1985. S. 25.
- ¹⁷ Böhler, D. Idee und Verbindlichkeit der Zukunftsverantwortung: Hans Jonas und die Dialogethik – Perspektiven gegen den Zeitgeist / D. Boler // Zukunftsverantwortung in der Marktwirtschaft. In Memoriam Hans Jonas. München, 2000. S. 52.
- ¹⁸ Бодріяр, Ж. Симулякри і симуляції / Ж. Бодріяр; пер. з фр. В. Хавхун. К., 2004. С. 7.
- ¹⁹ Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. В. Софронова. М., 1999. С. 40.
- ²⁰ Там же. С. 36.
- ²¹ Королько, В. Корпоративна культура і зв'язки з громадськістю / В. Королько, О. Некрасова // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2007. № 1. С. 116.
- ²² Понятно, я имею в виду прежде всего нашу страну, в которой достаточно высокий уровень коррупции и взяточничества и в которой, согласно социологическим данным Института социологии НАНУ, только треть опрошенных согласны, что через десять лет удастся преодолеть коррупцию (см.: Українське суспільство 1994-2005. Динаміка соціальних змін. К., 2005. С. 637).
- ²³ Böhler, D. Idee und Verbindlichkeit der Zukunftsverantwortung: Hans Jonas und die Dialogethik – Perspektiven gegen den Zeitgeist. S. 65.
- ²⁴ Назову только некоторые из них: Закон Украины «Об информации» № 2657-ХІІ от 11 декабря 2003 г.; Закон Украины «О порядке освещения деятельности органов государственной власти, местного самоуправления в Украине средствами массовой информации № 539/97-ВР», редакция от 24 октября 2002 г.; Указ Президента Украины от 17 мая 2001 г. № 325 «О подготовке предложений по обеспечению гласности и открытости деятельности органов государственной власти» (см.: Консультації з громадськістю. Напрями, технології, досвід (методологічний посібник). К.: Секретаріат Кабінету Міністрів України. Управління зв'язків з громадськістю, 2004. С. 5). Подготовлены также проекты Закона Украины “Об открытости и прозрачности деятельности органа исполнительной власти, органа местного самоуправления”.
- ²⁵ Apel, K.-O. Die ökologische Krise als Herausforderung für Diskursethik / K.-O. Apel // Ethik für die Zukunft. Im Diskurs mit Hans Jonas / D. Boler (hrsg.). München, 1994. S. 378.

- ²⁶ Белецкий, М.И. Политика, конфликты и проблемы в гуманитарной сфере / М.И. Белецкий // Украина без Кучмы. К., 2006. С. 476.
- ²⁷ См.: Українське суспільство 1994-2005. Динаміка соціальних змін. К., 2005. С. 619.
- ²⁸ Коноплицький, С. Інтернет як предмет соціологічного аналізу / С. Коноплицький // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2005. № 3. С.189.
- ²⁹ См.: Українське суспільство 1994-2005. Динаміка соціальних змін. С. 607.
- ³⁰ Бойко, Н. Громадянські і соціокультурні орієнтації користувачів інтернету / Н. Бойко, Л. Скокова // Українське суспільство 1994-2005 рр.. Динаміка соціальних змін. К., 2005. С. 400.
- ³¹ По данным социологических исследований Института социологии НАНУ, количество опрошенных, которые ответили позитивно на вопрос «Если бы правительство приняло решение, которое попирает Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-то предпринять против такого решения» среди респондентов, которые пользуются Интернетом, намного больше по сравнению с теми, кто не пользуется (20,2% против 7,3). (Бойко, Н., Скокова, Л. Громадянські і соціокультурні орієнтації користувачів інтернету. С. 400.)
- ³² Jünger, E. Heliopolis / E. Jünger // Werke: im 10 Bd. Stuttgart, 1963. Bd.10. S. 291.
- ³³ Höfle, V. Praktische Philosophie in der modernen Welt / V. Höfle. München, 1995. S. 206.
- ³⁴ Ibid.

ФЕНОМЕН КЛАНОВО-КОРПОРАТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Исходное теоретическое затруднение в обращении к проблеме публичности заключено уже в выражении «трансформации публичной сферы в постсоветских контекстах». Оно словно бы предусматривает, что публичная сфера является безусловной данностью, присущей любому обществу. Название побуждает сосредоточиться лишь на том, каким образом и в каких аспектах этот элемент социальности изменялся под влиянием постсоветских социальных метаморфоз и чем сама публичная сфера была – какую роль играла – в эволюциях постсоветских обществ. Вместе с тем действительная проблема постсоветских общественных трансформаций состоит в том, что публичная сфера как активный и действенный элемент общественной самоорганизации отсутствовала как в советскую эпоху, так и после краха коммунистического режима. Учитывая это, формула «*притязания* публичности в постсоветских контекстах» более точно отображала бы ситуацию, которую имеем.

Публичная ситуация не тождественна простой коллективности. Она образует особый топос социальности, в который нужно попасть. И единственным местом, из которого человек может туда попасть, является *приватная сфера*. Публичность – всегда реальность перехода. Она не может быть определена вне границы, которая отделяет ее от приватного. Публичное и приватное не только противоположности, но и взаимообусловленные сущности, каждая из которых может быть определена лишь относительно другой. Публичное суть свое-иное Приватного.

В приватной сфере человек всецело при себе, – без опосредования другими или без тех требований, которые возникают из присутствия других людей. Приватность предусматри-

вает непосредственность. Вместе с тем ошибочно редуцировать приватность к интимности, как это иногда случается. И тем меньше оснований для этого предоставляет Аристотель, размежевание которым домохозяйства (ойкоса) и политики (полиса) часто принимается в качестве исходного для анализа соотношения публичного и приватного (например, Ханной Арендт¹). Аристотелем эти сферы разграничиваются прежде всего по потестарному принципу – как отличие господства, естественного для семьи, от политической власти, имеющей дело со свободными и равными существами². Об интимности как таковой тут нет и речи.

Приватная сфера – не менее весомый *социальный факт*, чем сфера публичная. Она обеспечивает автономию лица. И потому основу ее составляет (что было верно для античности, и сегодня остается актуальным) частная собственность, которой владеет индивид и которая обеспечивает его экономическую автономию. Одновременно собственность является важным социальным критерием, которым определяется гражданин. В античности – это обязательное владение участком полисной земли, в современной практике – ощутимая роль имущественного ценза в обладании полнотой гражданских и политических прав.

Приватная сфера, обеспечивая автономию лица, является залогом граждански организованной социальности. В ней социально обеспечена принадлежность человека самому себе, что принципиально важно для возможности его публичной жизни. Кто хоть где-нибудь не принадлежит себе, тот не может быть и со всеми. Это дает основания Ричарду Сеннету утверждать: «Вместе публичное и приватное пространство создали то, что сейчас получило бы название “универсума” социальных отношений»³. Здесь одновременно возникает отсылка к понятию общественного (социального) не в общеисторическом, а специфично современном значении, которое выделяет, в частности, Х. Арендт, когда пишет: «Появление общественной сферы, которая не является ни приватной, ни публичной, – это относительно новый феномен, происхождение которого совпадает с началом новой эпохи и который политически оформился в государстве-нации (nation-state)»⁴. Она указывает на тенденцию разрушения классических политической и приватной сфер в современную эпоху, которые нивелируются и поглощаются единой общественной сферой⁵. Данную тенденцию, приобретающую особое влияние в условиях «общества масс», необходимо учитывать при осмыслении сегодняшней социальности, в частности посткоммунистического общества.

В своем основательном исследовании «Падение публичного человека» Р. Сеннет выделяет четыре конститутивных элемента, которые определяют феномен публичной жизни. Первый – это публика, второй – отличие между публичной и приватной сферами, третий – критерии достоверности, четвертый – средства самовыражения⁶. Два последних компонента указывают на природу публичности как символической реальности. Публичная сфера далека от натуральности, она есть символически заданное и символически структуриро-

ванное поле интеракций. Натурально публика выглядит как собрание людей. Но собрание людей становится публикой, лишь оказавшись в пространстве символически означенного действия, которое открыто для их участия.

Переход от культурного к социальному смыслу публичности

Отделив феномен публики от простой совокупности людей, указав на взаимообусловленность и неотъемлемость публичного и частного, обозначив символическую природу публичной ситуации, мы ее первично определили. Однако, определив ее так, мы получили разве что *культурный* смысл публичности.

Вместе с тем понятие публичной сферы требует большего.

Не учтенным остался эффект влияния публичности на самоорганизацию и деятельность общества в целом, и прежде всего – роль публики и ситуаций публичности в осуществлении власти. Чтобы зафиксировать этот эффект, нужно перейти от общекультурного к *социальному* смыслу публичности, – от публичных *ситуаций* как топосов, открытых для символического участия людей, к *публичной сфере* как места подчинения государственных инстанций и властных отношений влиянию публики – в виде обусловленности деятельности государства общими стремлениями участников общества ради общего блага.

Итак, без собственно потестарного эффекта влияния публичных ситуаций (а соответственно и публики) на осуществление власти в обществе публичность не получает аутентичного *социального* смысла и о публичной сфере как таковой нет оснований говорить. Это открывает смысл публичности не как простой данности, а как постоянно осуществляемого *проекта*.

В виде публичности индивид присваивает себе пространство общего существования и в конце концов присваивает общество, которое с этого момента становится для него «своим». Степень развитости публичной сферы показывает, насколько общество стало достоянием человека и принадлежит ему как его собственный мир. Но этим миром – общим с другими – невозможно владеть так же, как тем, что принадлежит лично тебе. Общественное каждый разделяет со всеми. В виде публичной сферы возникает особый режим существования в том, что принадлежит каждому, но, принадлежа каждому, не превращается в личное владение, отделенное от прочих. Дистанция все время сохраняется, равно как все время обеспечена возможность непосредственного участия. Присвоение человека общества в виде публичной сферы делает общество для человека своим, однако не в виде частной собственности. Возникает потребность размежевания того, что человеку принадлежит безоговорочно, от того, что принадлежит ему совместно со всеми. Способом этого размежевания становится право (прежде всего в римском смысле).

Публичная сфера призвана быть не только местом осуществления политической власти, но и выступать началом, делающим возможной саму политическую власть, предоставляя ей пространство существования. С точки зрения организации власти, публичная сфера призвана сделать невозможным возникновение и существование *правителей*, предполагая лишь *функционеров* общего блага. Она охватывает пространство общих дел, решения которых подчинены телосу общего блага. В обеспечении этой возможности важную, в чем-то решающую роль играет критический дискурс общественности. Он призван не только контролировать государственные институты, но и выполнять функции прямой демократии, то есть непосредственной власти суверенного народа. Этот дискурс не только принимается к сведению государством, он его *обязывает*, порождая феномен, который Ю. Хабермас именует «коммуникативной властью»⁷. В результате достигается такой режим существования власти, благодаря которому предотвращается превращение власти в господство.

Общественная роль рынка

Вместе с тем ошибочно сводить публичность к критическому дискурсу общественности, формой организации которой являются свободные ассоциации, а результатом – отношения, свободные от господства. Такая дискурсивно-коммуникативная редукция публичности приводит к ошибочному и опасному отождествлению публичной сферы с политической. Опасность возникает вследствие односторонности данного взгляда, который ведет к искривлению оптики понимания социальности вообще. Политическая сфера (политика вообще) способная решать лишь один тип задач самоорганизации общества, тесно связанный с конституированием правовой нормативности.

Вместе с тем не менее важной составной частью современной публичной сферы (с начала модерна) являются отношения не политики, а собственности – не правления, а хозяйствования. Экономика, подчиненная идее рынка, служит не менее важным фактором самоорганизации общества и его публичной сферы, чем правовая нормативность. Одновременно с критическим дискурсом общественности должна действовать «невидимая рука рынка», иницилирующая и регулирующая продуктивную силу свободного предпринимательства.

Этим достигается не сугубо экономический, а всесторонний социальный эффект, определяющий для структурирования и динамики общества в целом. Пьер Розанвалон, осуществляя анализ гражданского общества как рынка, отмечает, что рынок «является чем-то большим, нежели простым механизмом управления и регулирования. Он предстает как носитель много большего стремления к децентрализованной и анонимной организации гражданского общества, выступая конкурентом демократического проекта искусственного построения полиса»⁸. Рынок решает тот класс общественно необходимых задач, которые не

способен решить критический дискурс общественности. Соответственно рынок оказывается не менее важной составной публичной сферы, чем, образно говоря, «агора».

Данное положение вещей – модерное по происхождению – радикально отличается от классической античной ситуации полиса, в котором экономический потенциал сосредоточен в домохозяйстве, и тем самым принадлежит к приватной сфере. Данное принципиальное отличие античной и модерной экономик необходимо учитывать, экстраполируя взгляды античных авторов – того же Аристотеля – на сферу публичности.

Обобщим предыдущие рассуждения в нескольких методологических требованиях к концепту публичной сферы.

1. Публичное не всегда присуще обществу, а служит его качественной характеристикой. Публичная сфера есть способ самоорганизации лишь тех обществ, краеугольным камнем которых является автономная личность. Соответственно необходимо развести культурный и социальный смысл публичности, поскольку лишь последний позволяет поставить проблему публичной сферы как конститутивного фактора особого – граждански организованного – типа социальности.

2. Публичная сфера не может быть осмыслена и определена отдельно от приватной. Приватное не только определенным образом задает публичное (как и наоборот), но и образует вместе с ним единую структуру социального поля. Приватное есть свое-иное публичного, они не существуют иначе как во взаимобусловленности.

Приватное не тождественно интимному. Для последнего определяющей является закрытость непосредственного переживания – это суть сфера того, что по природе переживается как твое внутреннее, созерцание чего его разрушает. Для первого определяющее значение имеют разделения и установление дистанции; это скорее размежевания прав и компетенций внутри социального, а не противопоставление социальному другой реальности, которую маркирует интимное.

3. Основной потестарный эффект публичной сферы состоит в предотвращении трансформации власти в господство. Суверенитет народа, с одной стороны, автономия индивида – с другой служат тому главными предохранителями. Поэтому существование и функционирование публичной сферы предусматривает автономию лица; только автономные индивиды как участники общества делают возможной публичную сферу. И, в свою очередь, публичная сфера выступает общественно необходимым топосом их конституирования.

4. Публичная сфера, участниками которой являются автономные индивиды, предусматривает право и собственность как основы собственного существования. Человек без прав и без собственности не может быть участником публичной сферы, и сама эта сфера превращается в квазифеномен.

5. Наконец, публичное не может быть понято в полноте своего смысла как политико-дискурсивный феномен. Оно предусматривает также регулятивный эффект рыночных отношений.

Квазипубличность тоталитарного общества

Акцентировав необходимые для дальнейшего анализа аспекты публичной сферы, перейдем к особенностям публичного измерения жизни постсоветских обществ. Сначала остановимся на содержании и социальном эффекте советского наследия в публичной сфере, а потом на основе этого рассмотрим специфику украинских социальных констелляций.

Категория «советского» включает в себе две смысловые нагрузки: историческую и социальную. Первая отсылает к конкретике прежнего советского общества, охватывая совокупность связанного с ним исторического опыта. Вторая задает более общий ракурс, обозначая социальный порядок «реального социализма», производный от осуществления тоталитарного коммунистического проекта «на одной шестой части суши». Здесь «советское» скорее общесоциологический концепт, чем историческая реальность. В данном тексте используется преимущественно второе значение.

В контексте рассматриваемой темы на передний план выступает вопрос о том, в каком взаимоотношении находятся публичная сфера, с одной стороны, и основы самоорганизации советского общества – с другой. Для публичной сферы в ее социальном, а не культурном смысле решающее значение имеет установление открытого, подконтрольного общественности режима существования власти, которая – в согласии с принципом суверенитета народа – сама является производной от гражданского сообщества. Уже в этом исходном пункте обнаруживается конфликт между принципом публичности и основами советского общества. Ведь в становлении последнего основополагающую роль выполняла отнюдь не воля народа и не принцип народного суверенитета, а коммунистический, тоталитарный проект: «Строить свой социализм большевики могли только в войне с собственным народом»⁹ [5, с. 51]. Именно тоталитарная утопия стала основой советской социальности.

Всецелая, глубокая и беспощадная деструкция публичной и приватной сфер является одной из главных задач конституирования тоталитарного порядка. Человеческую личность надо лишить всякой автономии, чтобы достичь состояния масс, слепо, экстатически и безоговорочно вовлекаемых в тоталитарное движение. «Все, что обеспечивает само-стоятельность человека (не говоря уже о той или иной общественной группе), – писал Ю. Давыдов, – подлежало беспощадному искоренению», вследствие чего достигалось «низведение общества в аморфное, бесструктурное состояние». Публичная сфера служила препятствием

абсолютизму тоталитарного господства и выступала его прямым врагом. Ведь ее социальное предназначение состоит в поддержании отношений, свободных от господства, а также установлении режима общественного контроля над государственными институциями. Очевидно, что выполнение подобных функций несовместимо с тоталитарной действительностью. Равным образом частная сфера, обеспечивающая автономию индивида, должна была подвергнуться тотальной деструкции.

Место элиминированных сфер публичности и частности занимает всеобъемлющее и всепроникающее *тоталитарное движение*, которое подчиняет себе каждый атом и вздох социального бытия. Оно создает всеобщую социальную тотальность, совершенно прозрачную перед тоталитарной волей и релевантную диспозициям тоталитарной утопии. По идейному критерию лояльности элиминируется и подавляется любая инаковость. Благодаря этому утверждается гомогенная тотальность как беспрекословный принцип существования. Ее, в свою очередь, поддерживает разнообразный мир мифов, фикций и всевластных ритуалов, регламентаций которых подчинена жизнь всей «человеческой массы»¹⁰.

В тоталитарном социуме публичным как будто является всё, поскольку всё без исключения и безусловно все вовлечены во всеобщее движение и действуют исключительно в пространстве всеобщих определяемых целей. Но в действительности возникает квазипубличность, поскольку она лишь открывает все сферы и ситуации жизни перед действием тоталитарного диктатора. Квазипубличность делает все прозрачным перед дремлющим оком оруэлловского «Старшего брата», и одновременно она – сплошной мрак безоговорочной покорности со стороны простых людей. Тоталитарные императивы и технологии изготавливают человека-самоотречения, который в отрицании собственной автономии заходит гораздо дальше самого безропотного подданного. Как показал Р. Редлих, проявлениями (и инструментами) этого стали «сознательность» советского человека и присущий его существованию режим активной несвободы¹¹. Можно с полным правом утверждать: публичности в советской действительности было столь же мало, как и частности.

Лишь на финальной стадии кризиса советской системы мы видим становление критического дискурса общественности, которая начинает осваивать общие дела – *res publica*, – и соответственно начинается формирование публичной сферы. Мощным проявлением этого процесса стала так называемая «митинговая демократия» 1989–1991 гг. В условиях общественного кризиса и дистрофичности форм легальной публичности митинг превратился в реальную инстанцию власти. Кульминацией этой тенденции стал митинг-оборона Белого дома в августе 1991 г. во время путча ГКЧП. Символично, что этой стихийной флуктуации общественности удалось возобладать над всей советской государственной машиной.

Обращаясь теперь к влиянию советского наследия на социальность после краха тоталитарной утопии, необходимо учесть, что нынешним так называемым постсоветским обществам предшествовал социальный строй в состоянии острого кризиса и внутренней эрозии. Определяющей особенностью последних десятилетий советской истории стало масштабное перерождение тоталитарного порядка. Образно говоря, тоталитарное движение глубоко увязло и остановилось в болоте застоя, довольно быстро разлагаясь как тип социальной динамики. Социальные эффекты, которые сопровождали это разложение и перерождение тоталитарной утопии, образовали основу советского наследия последующей общественной системы.

Общий характер данного наследия определяют два фундаментальных отчуждения – отчуждение собственности и отчуждение власти. В тесной связи с данными отчуждениями – частично обусловленное ими, частично их обобщающее – находится третье: отчуждение человека от самого себя. Этот третий вид отчуждения перечеркивает человека как самодеятельную личность и резко снижает потенциал его самоопределения.

В постсоветской действительности судьба этих отчуждений оказалась различной в зависимости от несхожих векторов развития стран бывшего СССР. В этом пункте рассуждений мы сосредоточимся прежде всего на украинском социальном опыте, в котором – решимся утверждать – наследие тоталитарного прошлого еще далеко не преодолено, в силу чего весьма самоуверенно при наличном положении дел считать советскую действительность ушедшей в небытие. Она длится и продолжает себя в наличной социальности. Нынешнее украинское общество по своим определяющим социально-экономическим характеристикам остается преимущественно *постсоветским*. Его главные социальные акторы, диспозиции и алгоритмы деятельности, система ценностей и этос тянутся с советских 1980-х и сохраняют с ними ощутимую преемственность. Это относится и к типу общества вообще.

В процессе исторических трансформаций разрушению подверглась лишь тоталитарная *утопия*. Но тоталитарная *деформация социальности* полностью сохранила свое влияние. Мы продолжаем жить в совокупном эффекте тоталитарных по происхождению факторов. Это в полной мере касается и наличной украинской действительности. Вместе с тем невозможно понять сегодняшнее украинское общество как простого наследника советского социума. Речь идет скорее о том, что тип социальных отношений и общественной динамики, который вызревал и формировался в позднесоветскую эпоху, получил в период независимости пространство для своего развития.

Теперь от данного общего утверждения перейдем к отслеживанию конкретных эффектов самоорганизации украинского общества в перспективе развития его публичной и приватной сфер.

Эффекты корпоратизации общественной жизни

Нынешнее украинское общество не подпадает под определения общепотребительных и устоявшихся социально-политических типологий. Оно представляет собой специфическую общественную констелляцию, относительно которой необходимо выработать соответствующий ее специфике словарь описания. Простое использование общих формул в этом случае скорее препятствует пониманию, чем содействует ему. Сказанное в полной мере касается и концептов гражданского общества, публичности и приватности. В деле создания адекватного тезауруса социально-философского исследования нужно опираться не столько на устоявшиеся теоретические презумпции, сколько на аналитически выделенные особенности социальной действительности, которые сложились в Украине после краха «реального социализма».

Вынесем за скобки рассмотрение *генеалогии* наличных социальных форм, чтобы четче зафиксировать результат. Последние 15–20 лет стали периодом интенсивного формирования в Украине *кланово-корпоративного общества*, которое на сегодня достигло стадии окончательной кристаллизации. Политической формой правления, которая соответствует данному типу общества, является *олигархическая республика*, в которой заинтересовано абсолютное большинство украинского политикума всех цветов. Политическая система Украины существует в режиме постоянных узурпаций власти. До 2005 г. – это узурпация власти президентом; на основе политреформы – премьером и правительством, недавно появился проект А. Мороза, в соответствии с которым власть узурпирует спикер Верховной рады и вообще в стране восстанавливается «власть Советов». Но всякий раз власть оказывается в одних и тех же руках украинских владельцев власти, так называемой «элиты». Эта элита, т.е. политикум, существует и воссоздается как закрытая властная корпорация, которая присвоила себе государство и все его институты.

Данное решающее обстоятельство – т.е. господство кланово-корпоративной системы – нужно ясно осознать, обсуждая формирование в сегодняшней Украине гражданского общества, и в частности развитие публичной сферы. Кланово-корпоративный порядок является прямой альтернативой и активным отрицанием ценностей и структур гражданского общества. При таких условиях становление гражданского общества – это не только *естественный процесс* преодоления исторического наследия, архаических форм жизни и т.п.; это процесс острой *социальной борьбы* с иным общественным строем, который сегодня стал доминирующим. Развитие гражданского общества обречено осуществляться в режиме латентного или явного конфликта с уже имеющимся и освоившим общественные отношения кланово-корпоративным порядком.

Ключевой особенностью существования в условиях кланово-корпоративной системы является *удвоение социальной действительности, амбивалентная со-*

циальность. Феномен амбивалентной социальности означает постоянное сосуществование двух реальностей: *видимой* и *скрытой*. Первая из них охватывает все формы жизни, отношения, нормы, которые имеют статус легальных, подчиненных официальным институтам на основе правоустановлений, вообще публично признанных. Другая охватывает позиции и отношения, основанные на возможностях влияния, которые становятся принадлежностью лица, его символическим и социальным капиталом.

Именно таким, амбивалентным по своему характеру, является нынешнее украинское общество. В нем сосуществуют как параллельные миры два социальных поля: видимая реальность легальных дел, отношений, нормативности – и скрытая действительность иного по природе поля взаимодействий и социальной динамики. Поэтому первой фундаментальной характеристикой украинской действительности в словаре социального описания является *удвоение социальной реальности* на декларативную (видимую) социальность, с одной стороны, и скрытую социальность – с другой.

Все, с чем имеет дело человек в амбивалентной социальности, должно постоянно переводиться из режима «вижу» в режим «имею в виду» и наоборот. Лишь прочитывание видимой социальности в соответствии с кодами скрытой реальности позволяет достигать как аутентичного понимания действительности, так и надлежащего эффекта действий в ней. Очевидно, что человек, который принимает амбивалентную социальность, по определению не является гражданином. Он не имеет ни приватной сферы, в которой принадлежит себе, ни публичной сферы, в которой достигает собственных целей во взаимодействии со всеми.

Утверждение об отсутствии публичной и приватной сфер может показаться чрезмерным, но основания для него становятся ясны из анализа скрытой социальности.

Скрытая социальность подчинена принципу корпоративной организации. Участие в корпорации становится универсальным опосредующим звеном любого действия и вообще движения в обществе. Причем вовлечение в корпоративность не ограничивается участием в организационно оформленных, институализированных корпорациях. Не меньшее значение имеют латентные *корпоративные сети*, которые существуют в виде личных отношений и связей. Личные связи составляют основу любой корпорации, но в корпоративных институтах они вписаны в систему корпоративных регламентаций и нормативности. Напротив, сеть личных связей сама по себе не подчинена единой для всех участников нормативности, а состоит из индивидуализированных ситуаций взаимной зависимости, услуг и выгоды.

Конечно, личные связи – в том числе и довольно корыстные – существуют между людьми в любом обществе. Но они образуют корпоративную сеть в том лишь случае, когда подменяют собою *правоустановленные отношения* и

нормы. И снова-таки: случаи подмены права личными предпочтениями имеют место в любом обществе. Данное явление получило хорошо известное название «коррупция». Но цивилизованное общество, с присущим ему действенным правопорядком, делает коррупционные предпочтения весьма небезопасными и рискованными. Работает весьма эффективная система их изобличения, а само изобличение влечет за собой установленное законом суровое наказание. Напротив, в корпоративном обществе личные предпочтения сами являются *законом существования*. Они суть всеобъемлющая и де-факто общепризнанная система, которая в значительной своей части приобретает даже легальный или полулегальный характер. Закон тем самым превращается в простую декларацию. Если изобличения и наказания личных предпочтений все же случаются, они, как правило, не более чем проявления той же корпоративной борьбы.

В корпоративном обществе всякое действие, желающее достичь цели, требует опосредования через корпорацию. Таково общее правило корпоративной жизни. Впрочем, учитывая чрезвычайную социальную весомость указанного фактора для нынешней украинской действительности, традиционный смысл понятия корпорации оказывается, по-видимому, недостаточным. Описание дискретных констелляций нормативности, уничтожающих единое правовое поле и само понятие права, требует, возможно, специально выработанного термина. В настоящее время прямой смысл слова «корпорация» отсылает преимущественно к экономическому словарю, но в данном случае речь идет об общесоциальном феномене.

Впреки устоявшему значению слова, корпорация – это прежде всего не сообщество людей, а *система различений и предпочтений*, благодаря которой возникает разрыв общего нормативного поля. Корпоратизация общественной жизни в конце концов полностью уничтожает право, подменяя его процессом корпоративных состязаний. Итак, корпорацию образуют не люди. Ее создает *акт разрыва* поля общей нормативности. Умножение таких разрывов превращает правовое поле в ткань из сплошных дыр. Но одновременно каждая «дыра» содержит начало собственной нормативности, что делает жизнь в обществе принципиально непредусмотримой и неурегулированной. Человека поглощает *процесс* отстаивания прав, а не цель и не собственно деятельность. В амбивалентной социальности достижение цели уничтожает самую цель. Все силы расходуется на процедуру легализации дела, а не на само дело.

Право оказывается ситуативно разорванным, открытым, отданным на откуп игре корпоративных интересов. Оно вообще не существует за пределами локальной ситуации. Это приводит к тому, что на нормативность невозможно положиться. Деятельность в ее нормативно-правовом измерении превращается в сплошную импровизацию, которой соответствует фаталистическое расположение духа заложника обстоятельств. Ведь если норма не предвидима, приходится полагаться на судьбу, на случай, поскольку из самого себя ты не можешь

быть «правильным», как ни старайся. Кантовский категорический императив здесь радикально невозможен.

Другая стратегия действия в амбивалентной социальности состоит в привлечении корпоративных схем влияния. Данный путь оказывается наиболее эффективным. Поскольку же дело может эффективно осуществляться лишь в границах корпорации, постольку обеспечение его успеха требует создания корпоративной связи между актором и инстанцией видимой нормативности. Скрытая процедура «установления связи», обеспечивающей преференции – то есть фактически образование корпорации, – составляет основу легализации дела и повышает его шансы на успех.

Вместе с тем вследствие амбивалентности социальной реальности возникает и альтернативная стратегия дел, которая состоит в избегании видимой социальности (не-легализация себя), благодаря чему актор ограждает себя от встречи со скрытой социальностью и ее корпоративными требованиями. Данная стратегия лежит в основе возникновения «теневой экономики» и вообще «теневой жизни», которые нельзя отождествлять со скрытой социальностью. Их поля пересекаются лишь частично и большей частью ситуативно, а не существенно. «Теневые» формы жизни – это ответ украинского человека на скрытую социальность. Она является той «дулей в кармане», которая служит в условиях дискретного корпоративного поля не менее грозным оружием, чем в свое время «бульжник – оружие пролетариата».

Почему теневая жизнь имеет довольно сильный эффект как противодействие корпоративности? Самым уязвимым местом каждой отдельной корпорации является ее непреодолимая частичность, невозможность дорастить себя до универсализма хотя бы в некотором измерении. Корпорация всегда локальна, и так же локальны ее влияния, что открывает возможность их избегать.

Общество, пораженное корпоративизмом, крайне трудно преобразовать. Для внешнего действия-трансформации оно почти непреодолимо. Но, одновременно, в нем – внутри – вполне возможно и даже относительно легко достичь свободы от конкретной, этой вот, корпоративной зависимости. Такую возможность предоставляет как «отход в тень», так и – главное – ставка на другую корпорацию, к которой можно не только приобщиться, а и самому ее инициировать. Правда, для общества в целом это имеет фатальные последствия. Ведь вместо того, чтобы создавать продуктивные предприятия во всех областях жизни, энергия человеческой инициативы и изобретательности уходит в песок создания корпоративных сетей. Которые в конце концов являются лишь способом обустройства человеческих отношений, а не способом создания материальных основ существования. Значение не способно заменить вещь. Символический капитал суть ничто без материального тела цивилизации.

Человек корпоративизованного общества

Остался последний сюжет. Господство скрытой социальности и принципа корпоративности как основы организации общества находит себе поддержку и опору в положении украинского человека. В постсоветской общественной констелляции его состояние определяется тройкой обездоленностью, которой полностью разрушена и перечеркнута автономия личности. Это, во-первых, обездоленность в правах, во-вторых, обездоленность в собственности, в-третьих, витальная обездоленность.

Сжатые рамки статьи не позволяют разворачивать данный сюжет, поэтому лишь проясним, что имеется в виду. Обездоленность в правах означает правовую незащищенность лица, постоянное безнаказанное нарушение его прав, которое стало нормой жизни и исходит преимущественно от государственных инстанций и административных органов. А также правовую несостоятельность самого человека, который не умеет и не способен быть участником права.

Обездоленность в собственности означает как отсутствие у лица достаточного достатка (имущества, доходов), так и негарантированность и нестабильность использования имеющейся собственности, даже весьма большой. О судьбе украинских капиталов можно было бы написать захватывающий триллер.

Наконец, в силу ряда причин как естественного и органического, так и социального и даже культурного порядка жизненные ресурсы украинского человека – его здоровье, тонус, психическое состояние и т.п. – являются предельно ограниченными. Небольшие сами по себе, эти ресурсы связаны напряжением противоречивого, нестабильного, изнурительного существования. Критический витальный минимум не позволяет человеку быть энергичным участником общества и гражданином. Вследствие этого общественная динамика, в частности процесс развития публичной сферы, лишается одного из своих основных источников.

Общество в контексте глобальных влияний

Как можно определить перспективу амбивалентной социальности? Примат и определяющий характер скрытой (т.е. корпоративизованной) социальности относительно видимой делает общество неустоявшимся, уязвимым, малоприспособленным к продуктивному самоопределению и динамичному развитию на собственных началах.

Кланово-корпоративное общество не способно существовать как мощная продуктивная целостность. Корпоративные констелляции постоянно разрушают его изнутри. Сами по себе корпорации могут быть вполне конструктивным принципом общественной интеграции. История предоставляет немало примеров этому. Но корпоративность имеет положительный эффект только

при двух условиях: во-первых, когда рядом с ней существуют мощные более общие начала социальной консолидации; во-вторых, когда корпоративная организация общества является всецело легальной и находит свое отражение в принятом обществом правовом порядке. В Украине всеобщие начала общественной консолидации или отсутствуют, или весьма слабы. Так же мало выдерживается второе условие – корпоративный принцип организации действует совершенно скрытым (хотя и хорошо всем известным) образом. Соответственно на первый план в обеспечении бытия украинского общества как целого выходят не внутренние, а внешние – геополитические – факторы интеграции.

Решимся предположить, что предоставленное исключительно стихии внутренних спонтанных сил украинское общество уже утратило бы политическую независимость (которая, впрочем, и на сегодня остается скорее номинальной – состоянием де-юре, а не де-факто). Своим существованием как целостности оно обязано не столько внутренним силам консолидации и солидарности, сколько внешним геополитическим факторам влияния.

Среди этих геополитических сил видное место занимают следующие:

- мировой рынок, прежде всего как источник прибыли для украинской крупной промышленности (в первую очередь металлургической и химической) и упрочения экономических и социальных позиций финансово-промышленной олигархии;
- геополитические интересы евроатлантического человечества, общим знаменателем которых является удержание Украины в границах европейски цивилизованного порядка;
- геополитические стремления России, которые колеблются от открытого имперского реваншизма до прагматической политики добрососедства;
- трудовая эмиграция, вследствие которой инициативная часть населения, способная в границах страны служить опорой рыночных и демократических трансформаций, практически исключена из общественной жизни. Ее труд приумножает капитал страны, который в конце концов использует для стабилизации существующего кланово-корпоративного порядка;
- евростандарт, который предлагает формы и качество жизни, служащие постоянным вызовом украинской действительности;
- роль Украины как существенного естественного и антропологического ресурса в глобальных экономических и социально-политических состязаниях.

Перечисленные геополитические факторы предопределяют существование украинского общества как целого в большей мере, чем внутренние основы интеграции. Данная констатация заключает в себе приговор украинскому политикому и так называемой «элите» и одновременно фиксирует слабость и аморф-

ность собственно украинского общества, которое в настоящее время сделало лишь первые шаги в своем становлении. Это период, который включает в себе немалый риск, но и небеспочвенные надежды на оптимизацию социальной действительности. Как и во многих ситуациях индивидуальной или исторической жизни, здесь последнее слово принадлежит времени.

Примечания

- ¹ Арндт, Х. Становище людини / Х. Арндт. Л., 1999. С. 38–42.
- ² Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 238; Пол. 1255 b 15
- ³ Сеннет, Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. М., 2003. С. 27.
- ⁴ Арндт, Х. Указ.соч. С. 38.
- ⁵ Там же. С. 52.
- ⁶ Сеннет, Р. Указ.соч. С. 60, 77.
- ⁷ Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас. М., 1992. С. 49, 52.
- ⁸ Розанвалон, П. Утопічний капіталізм: історія ідеї ринку / П. Розанвалон. К., 2006. С. 5–6.
- ⁹ Давыдов, Ю.Н. Тоталитаризм и бюрократия / Ю.Н. Давыдов // Драма обновления. М., 1990. С. 224.
- ¹⁰ Редлих, Р. Сталинизм как духовный феномен / Р. Редлих. Франкфурт, 1971. С. 58–59.
- ¹¹ Там же. С. 64, 66–68.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ: ДИСКУРСЫ, СИМВОЛИЗАЦИИ И ПРАКТИКИ В УКРАИНЕ В 2000-х гг.

Цель этого материала – обсуждение проблем постсоветской политической публичности в таких ее аспектах, как дискурсы, символизации и практики гражданских манифестаций в Украине периода 2000-х гг. Именно этот период – от взорвавших общественно-политическую ситуацию событий «кассетного скандала» осени 1999 г, последующего углубления кризиса легитимации власти, активизации протестного движения «Украина без Кучмы» 2000–2001 гг, парламентских выборов 2002 г, драматических президентских выборов конца 2004 г, переросших в «оранжевую революцию», и, наконец, сложного и противоречивого дальнейшего постреволюционного политического развития – зримо актуализировал проблемы политической публичности, обнаружил драматические трансформации ее практик и репрезентаций в стране. Сквозь призму этих трансформаций в Украине проявились также и общие характерные особенности самого понимания концепта публичности в постсоветском общественно-политическом дискурсе.

Концепция политической публичности в социокультурном контексте

Здесь и в дальнейшем рассмотрении я буду употреблять понятие *политической публичности*¹ в двух основных значениях, а именно:

1) как открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений и подотчетность властных институтов гражданам и

2) участие граждан в формировании политической повестки дня и властных решений, в частности посредством таких практик и процедур, как дебаты, обсуждения и комментарии общественно-значимых вопросов в прессе, функционирование и представительство института общественного мнения при достаточном уровне развития конструктивного социального критицизма, общественные инициативы, движения и манифестации, цивилизованный лоббизм различных групп интересов и другие практики.

Я буду стараться показать, что *политическая публичность* – это, прежде всего, качество режима взаимоотношений властных и политических институтов с общественностью, гражданами. А также это формат специфических взаимоотношений власти (как некогда всемогущего и всезнающего субъекта принятия решений) и социального знания². Политическая публичность в этом смысле представляется *определенным модусом репрезентации социального знания* (или, по М.Фуко, – исторической и социокультурно обусловленной характеристикой режима продуцирования истины³). В этом смысле политическая публичность делает возможным доступ граждан к общественно-значимой информации и тем самым обуславливает формирование особого режима функционирования социального знания, при котором оно уже не принадлежит лишь лицам, принимающим решение или профессиональной касте социальных экспертов.

Как хорошо показывает Ю. Хабермас, историческая общественная практика и нормативный идеал публичности (*Offentlichkeit*)⁴ формировались как социально-эмансипаторский проект модерна. В современном контексте политическая публичность (а также открытость и «прозрачность» политических решений) стойко ассоциируется с моделью делиберативной демократии (от англ. *to deliberate* – обдумывать, советоваться, обсуждать). В контексте своей коммуникативной теоретической модели Хабермас также подчеркивает, что политическая открытость как «высшее проявление тех условий коммуникативности, при которых может реализовываться дискурсивное формирование мнения и воли граждан государства, может рассматриваться в качестве основного понятия нормативно сформированной теории демократии»⁵. Развитие возможностей и способности граждан общаться друг с другом и дебатировать по важным проблемам общественного развития, а значит, формирование, по Хабермасу, коммуникативного разума повышает коллективные шансы общества в его достижении собственного суверенитета и реализации прав личности. В своей концепции Хабермас во многом опирается на кантовский подход к Просвещению⁶. Неоспоримым культурно-историческим достоянием последнего является, по Канту, устранение любых институциональных препятствий для *публичного использования разума*. Хабермас не только довольно активно апеллирует к этому методологическому тезису Канта⁷, равно как и к его размежеванию между частным и публичным использованием разума, но и актуализирует эти исходные позиции в своем понимании гражданского общества и делиберативной демокра-

тии. Исторический процесс институционализации коммуникативного разума в социально-философской парадигме Хабермаса реализуется в таких организационных образованиях буржуазного общества, как демократическое правовое государство и гражданское общество.

Сущностное понимание власти как средства коммуникации обосновывает также и Н. Луман. Более того, согласно Луману, власть лишь усиливается при расширении выбора и большего числа разнообразных решений при ее реализации⁸ – актуальный вывод для постсоветского контекста, о чем я буду говорить далее. В своем социально-философском анализе власти Луман (в отличие от Хабермаса) не анализирует способы и алгоритмы, позволяющие расширение альтернатив выбора для власти. Но вполне логичным будет предположить, что основным таким алгоритмом является расширение спектра альтернативных голосов, а также поля участников принятия властных решений.

В то же время в постмодерной социокультурной парадигме общественное давление в пользу расширения различных форматов политической публичности предстает не только следствием исторического развития современного демократического проекта (исторически обусловленными структурными изменениями сферы публичности, как сказал бы Ю. Хабермас), но и признанием ограниченности познавательных потенций властной бюрократической машины и проблемности управления как такового. Последнее проявляется в широком спектре смыслов – от анализа политики и расчета ее последствий до все еще лишь гипотетической возможности предупреждать техногенные и природные катастрофы, отслеживать траектории преступных транснациональных бизнесов, эффективно нейтрализовывать угрозы терроризма и т.п. Современные теоретики, включая того же Хабермаса, в своих характеристиках постмодерной социокультурной ситуации говорят о «новой непросматриваемости», «непрозрачности» смыслов, действий, решений, а главное – их последствий и результатов⁹. В этом смысле наступает «конец знакомого мира», как метафорически утверждает И. Валлерстайн¹⁰. Адекватной социокультурной реакцией на такие изменения является возрастающая субъективация социальной жизнедеятельности или, как говорят У. Бек и Э. Гидденс, развитие социальной рефлексивности, смещение и условность границ между формальной публичностью общественного и субъективной интимностью частного в понимании, например, таких современных концептов, как демократия. Гидденс в этом смысле говорит о «демократии эмоций» и демократизации частной жизни¹¹, проявляющейся в различных культурных манифестациях и современных отношениях между полами.

В постмодерных социокультурных обстоятельствах изменения или даже деформации некогда «идеального» современного типа политической публичности могут происходить и под влиянием всепроникающей власти средств массовой информации. Они являются обоюдоострым мечом для перспектив постмодерной политической публичности: современные медиа могут вполне радикально

способствовать социальной эмансипации, но в то же время способны создавать сети социальной зависимости и манипуляции. Эта угроза просматривается в возможностях мощного селективного давления в отношении выбора и способов подачи информации, а значит – и в усиливающихся очевидных рисках манипуляции массовым сознанием со стороны современных СМИ¹². И вновь трудно не согласиться с Ю. Хабермасом в том, что едва ли не единственным способом предотвращения подобных негативных побочных эффектов влияния современных медиа является сознательное культивирование и поддержка со стороны гражданского общества конкурентной среды их функционирования, культурного многоголосья и плюрализма, а также наличие и развитие в обществе институтов и структур «критической публицистики».

Таким образом, сфера реализации власти и принятия управленческих решений в постмодерных обстоятельствах становится все более сложной и неоднозначной (и в этом смысле – «непрозрачной»), государственное управление, несмотря на все попытки рационализировать и формализовать его практики, во многом остается, и даже актуализирует, свой характер культурно контекстуального знания¹³, а постмодерная публичность в силу возрастания социального влияния современных медиа, а также проявления эффектов других социокультурных факторов (в частности, развития социальной рефлексивности) обретает характер «подвижной», изменчивой структуры и отношений, а также становится уязвимой для многочисленных рисков своей деформации.

Особые нюансы проблемы политической публичности («прозрачности» *versus* «непрозрачности») обретают в постсоветском контексте. Здесь «непрозрачность» – не только новая постмодерная социокультурная характеристика, но также и *социально-политические атавизмы* авторитарного, по определению – закрытого, режима принятия решений и исторической специфики власти как *заговора и захвата* в различных постсоветских «родовых» проявлениях политического процесса. Бурные события избирательной кампании 2004 г., эйфорически-непосредственная близость к народу тогда еще оппозиционных лидеров в период «оранжевой революции» также актуализировали многие аспекты этой проблемы в ее конкретно-историческом измерении в Украине.

Более того, гражданское протестное движение «Украина без Кучмы» 2000–2001 гг. и «оранжевая революция» конца 2004 г. могут быть проинтерпретированы и поняты также как общественная реакция на существенные деформации политической публичности, отсутствия полноценной обратной связи между властью и обществом в обстоятельствах слабости медиативных институтов и структур, характерных для зрелых исторических демократий и развитых гражданских обществ, а также – очевидной неадекватности выполнения ими своих общественно-представительских функций в Украине.

«Оранжевая революция» обозначила новый формат общения власти, пусть тогда еще потенциальной, с гражданами. Впервые в новейшей украинской исто-

рии будущий президент и премьер-министр активно выступали перед многотысячными аудиториями на митингах в Киеве и других городах, делясь информацией, сетуя на трудности и прося у народа поддержки. В этот период властное знание (традиционно – прерогатива узкого круга избранных) тесно переплетается с политическим действием и с локальным практическим знанием масс. В начале протестных «оранжевых» акций в Киеве ноября 2004 г. менеджеры политических штабов демократических сил часто просто следуют народным самоорганизованным инициативам, а практическое знание «людей с улицы» иногда опережает тактические наработки политических штабов.

В то же время революционная публичность особо заострила насущные проблемы взаимоотношений власти с «широким» обществом (а не только с наиболее активным его сегментом – профессиональным «гражданским обществом», представленным политически ориентированными общественными организациями, «менеджерами от демократии» и активно развивающейся сетью неправительственных аналитических и экспертных центров). Проявились также и вполне постмодерные синтезы знания и такой формы познания истины, как вера («Верю! Знаю! Можем!» – характерный в этом отношении слоган избирательной кампании В. Ющенко). Проблемное поле взаимоотношений власти и общества в новом режиме декларируемой открытости, прозрачности и публичности обозначило актуальную потребность в поиске и апробации новых форм, репрезентаций, дискурсов и практик политической публичности.

Постсоветский дискурс политической публичности

Тема политической публичности даже в относительно чуждом ей советском контексте не является новой. В определенном смысле всю историю советской демократизации, начиная, пожалуй, с политической риторики *перестройки* и *гласности* середины 1980-х гг., можно охарактеризовать как сложную и противоречивую трансформацию традиционно авторитарного режима закрытости власти и технологий принятия решений в новые синтезы и мутации, содержащие ритуальные поправки на «глас народа», «общественное мнение», «национальные интересы» и т.п. Демократизация по-советски (инициированная сверху) и была задумана как декоративный, по сути, ритуально-популистский политический проект демократических уступок по форме, ради сохранения сути властного авторитаризма. Другое дело, что «джинн» общественного участия был «выпущен из бутылки» уже безотносительно воли инициаторов демократического косметического ремонта в бывшем СССР.

На современном этапе развития политической модернизации в Украине (как, с некоторыми оговорками, и в других постсоветских странах) просматриваются, по крайней мере, *четыре объективных обстоятельства*, заставляющих

любую власть активизировать или, по крайней мере, учитывать демократические процедуры «участия граждан в принятии решений». В Украине достаточно назвать лишь недавно принятые государственные декларации относительно этого вопроса: прежний и нынешний президентские указы «Об обеспечении условий для более широкого участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 31 июля 2004 г. и «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 15 сентября 2005 г., а также соответствующее постановление Кабмина «*Некоторые вопросы обеспечения участия общественности в формировании и реализации государственной политики*» от 15 октября 2004 г. Рассуждая о мотивах принятия этих и подобных деклараций, было бы, очевидно, наивно предполагать *добрую волю* властной бюрократии (равно как и приписывать ей качества некоей «моральности» или «аморальности»). Речь скорее идет о вынужденном характере, если угодно, «технологичности» шагов в направлении необходимой коррекции традиционной односторонне-монологичной модели общественно-политической коммуникации «*власть → народ*», а также соответствующего ей режима принятия решений, наподобие модели с обратной связью: «*власть ↔ народ*». Необходимость такой трансформации, по крайней мере в украинской ситуации, определяется следующими обстоятельствами:

1. Истощение ресурсов (экономических, политических, психологических) и возможностей (прежде всего идеологически-пропагандистских) для властного маневрирования в режиме традиционной закрытой политики, а теперь – и определенной девальвации важных политических и глубинно-этических смыслов. В нынешней суровой реальности объективного ограничения экономического популистского маневра, а в политической сфере – с возрастанием настроений общественного разочарования (также и в веберовском смысле: *разочарования*), проявлением реверсных тенденций после массового эмоционального подъема конца 2004 г., а также в связи с девальвацией многих идеологических мифологем тема пропагандистско-идеологического истощения ресурсов выглядит весьма актуальной. Ситуация для любой власти, желающей утвердить свою легитимность, создает проблему конструирования и продвижения новых политических смыслов, понятных и захватывающих общественное воображение и к тому же вряд ли уже замещаемых политическими лозунгами.

2. Тенденции развития государственной политики как «закрытого акционерного предприятия» для избранных и немногих стали угрожающими для безопасности существования большинства не инкорпорированных во власть граждан. К примеру, Чернобыльская катастрофа 1986 года и особенно политика сокрытия информации о ней и ее последствиях со стороны тогдашней центральной и республиканской власти послужили реальной дополнительной сильной мотивацией для многих граждан Украины в их политическом выборе государственной независимости. История постсоветских стран продемонстрировала взаимос-

вязь кланово-распределительной экономики с мутациями «клановой демократии» и постсоветского корпоративизма, во многом представляющего во власти интересы немногочисленных групп политического и экономического влияния. Подобные обстоятельства формируют повседневную культуру выживания для «широкого общества», реально не инкорпорированного во власть, и трансформируются в общественное давление на власть с требованием «гласности ради безопасности».

3. Трансформации постсоветской публичности обусловлены также и глобальным демократическим влиянием, а также политическим давлением стран западных демократий на постсоветскую власть в отношении расширения круга политического участия и борьбы с коррупцией. Хотя необходимо также признать, что глобальный кризис традиционных форм представительской демократии не формирует однозначно-благоприятного фона для развития постсоветской публичности. Тем не менее либеральная риторика и вынужденно-показные «разрешительные» жесты прежней украинской власти в отношении политической оппозиции, альтернативных СМИ и структур гражданского общества к началу 2000-х гг. переросли формат лишь ритуальной активности. К этому времени быстро расширяющееся поле политической и культурной свободы уже не контролировалось единым центром принятия решений, традиционно именуемым властью, а кульминационным следствием процесса стала «оранжевая революция» 2004 года. К тому же неизбежное возрастающее давление на власть как некогда единый центр лоббистских групп интересов имеет своим неизбежным следствием плюрализацию, распыление и эрозию властных механизмов единоначалия. Побочные эффекты такого процесса могут быть даже негативными. В этом отношении показательным стал кризис управления в модели новой «оранжевой власти» периода 2005 года, когда распыление центров принятия решений, некоторые непродуманные шаги административного реформирования, наложенные на отсутствие четкого законодательного регулирования компетенций и координаций управленческих институтов, привели к серьезным институциональным сбоям системы принятия решений и управления.

4. В Украине (как и во многих других национальных республиках) усиливающийся демократический прессинг на власть *снизу* часто дополнялся за счет специфических факторов национальной мобилизации. К примеру, риторика «предательства национальных интересов» в обвинениях режима Л. Кучмы его политическими оппонентами стала эффективным мобилизационным фактором разворачивающегося в стране с начала 2000-х гг. неформально стихийного и политически организованного движения гражданского неповиновения.

Речь, наконец, идет и о том, что в дополнение ко всем факторам объективного характера, перечисленным выше, достижения политической публичности в Украине периода 2000-х гг. явились результатом довольно активного гражданского давления на власть. Последняя в этих обстоятельствах была вынуждена

широко использовать различные PR-технологии «расширения общественного участия». Имплантации новых элементов политической публичности во все еще традиционно-авторитарный режим функционирования и жизнедеятельности власти (или, продолжая анатомическую метафору, в ее «тело») характеризуются неизбежной внутренней конфликтностью. Последняя проявляется в противоречивых и химерических мутационных синтезах постсоветского режима публичности.

С одной стороны, это – декларативные шаги разных субъектов власти и управления в сторону политической публичности и подотчетности своего функционирования, внедрение Интернет-технологий обратной связи в виде президентских и правительственных веб-порталов, создание отделов и департаментов «по работе с общественностью» при органах власти, расширяющаяся практика парламентских слушаний, отдельные прецеденты реальных, а не ритуальных общественных слушаний бюджетов и социальной политик местной власти, возрастание потока продукции неправительственных социальных экспертиз, предполагающих разработку альтернативных проектов и видений общественной политики, а также – бум опросов общественного мнения, впрочем, не всегда профессиональных и корректных.

С другой стороны, с начала провозглашения независимого украинского государства (как и других постсоветских государств) формируются новые институциональные особенности закрытого режима функционирования власти, рядом с которыми даже коммунистический авторитаризм иногда выглядит довольно упрощенной конструкцией. Американский политолог Кейт Дарден называет эту модель гибридного авторитаризма «шантажистским государством» (*blackmail state*)¹⁴, основой осуществления власти в которой является: 1) воспроизводство коррупции как благоприятной среды такого правления, 2) активное использование надзорного и карательного государственного аппарата и 3) выборочное применение законов для «своих» и «чужих». Понятно, что новый авторитаризм «шантажистского государства», учитывая институциональные особенности своего функционирования, не способствует публичности принятия общественно важных политических решений относительно любых вопросов от геополитических ориентаций до приватизации привлекательных экономических объектов или распределения собственности. Для такой власти до сих пор обычной практикой является политическое манипулирование социальным экспертным знанием, в том числе результатами опросов общественного мнения, клонирование «независимых» общественных практик и экспертных центров, которые претендуют на репрезентацию общественных интересов, фильтрация лоббистских инициатив с учетом политической лояльности особых групп интересов в стратегии политического выживания власти и другие проявления авторитарного политического стиля.

В Украине, похоже, институциональная память такого стиля управления оказалась значительно устойчивей, чем общественные ожидания от политических перемен конца 2004 года. Период символического снятия забора вокруг нового секретариата президента длился недолго, и спустя некоторое время ограждение вновь вернулось на привычное место. Правда, интенции «оранжевой» власти относительно внедрения основ публичной политики и даже разработки конкретных механизмов ее обеспечения были обозначены в определенных распоряжениях, в частности в упомянутом вполне конструктивном, но мало реализуемом Указе президента «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 15 сентября 2005 г., № 1276/2005. Впрочем, изменился ли существенно формат политической публичности, в особенности в постреволюционном развитии страны в период 2006-2007 годов, стала ли власть действительно более «слушающей» и «понимающей», к тому же – после создания проправительственной парламентской «антикризисной» коалиции в 2006 году – *какая* власть?

Имитационно-потенциальная модель политической публичности в Украине

Под *имитационностью* я понимаю перенос практик и процедур функциональной публичности из опыта исторических представительских демократий (в том числе «авангардных» практик, получивших свое развитие с конца 1990-х гг., в некоторых странах, в частности в Канаде) на все еще не подготовленную (культурно и институционально) почву постсоветских демократий. Однако даже формальность этих начинаний имеет значительный культурно-политический потенциал в виде хотя бы формирования законодательного поля возможностей и нарождающейся практики прецедентов их использования. Более того, культурно-политическая *tabula rasa* постсоветского развития с такими ее остаточными генетическими особенностями, как коллективизм, массовое чувство социальной справедливости, советские ритуалы народного, общественного, рабочего и другого контроля могли бы способствовать начинаниям и практикам демократического лоббирования требований публичности власти. Но все же проблем здесь пока больше, чем достижений.

Для устоявшихся представительских демократий, даже несмотря на кризисные тенденции в их развитии конца 1990-х – начала 2000-х гг. (связанные, в частности, с проблемными решениями политической дилеммы «*безопасность или открытость*»), более характерно упомянутое вначале ***первое и основное значение*** политической публичности, а именно – открытость функционирования государственной бюрократии и прозрачность принимаемых ею решений. Этот алгоритм реализуется через развитые и устоявшиеся демократические

традиции и процедуры парламентаризма, практики общественного контроля за властной бюрократией, а также обсуждения ее решений в институтах СМИ, деятельность сети надзорных (*watch-dog*) и правозащитных общественных организаций и другие механизмы системы гражданского контроля над властью. Во многом авангардные даже для Запада, элементы делиберативной демократии с ее процедурами и механизмами общественного участия в принятии решений выглядят здесь скорее исключением.

Для новых постсоветских демократий, в частности в Украине, велик соблазн доступности и кажущейся функциональной простоты (обусловленной к тому же популистской привлекательностью) в реализации **второго алгоритма** публичности, а именно – якобы «непосредственности участия общественности в практике формирования и принятия политических решений». В массовых протестных акциях начала 2000-х годов политическая публичность и притязания на власть воспринимались во многом «вещно», иллюзорно-доступно при длительно копившемся политическом зуде «*ее поиметь*». Опубличивание политики неизбежно предполагало утрату восприятия широкой публикой власти в ее ореоле оракула, отделенного от профанной повседневности. Это означало десакрализацию власти и властного действия – эффект, который стал еще более явственен и в проявлениях политического кризиса 2006–2007 гг. По признанию же одного из активистов кампании «Украина без Кучмы» 2001 г., «власть (подобно публичной девке – почти зримые в таком контексте ассоциации. – В.С.) буквально лежала на улице, и нам не хватило решимости (отчасти из-за нерешительности лидеров оппозиции) ею овладеть». Планка массовых ожиданий «эры публичности» была особо высоко поднята после непосредственного участия многих миллионов граждан в альтернативном властно-энергичном массовом действе, противопоставленном власти (ранее недоступной, ненавистной и накопившей массу грехов) в процессах политической мобилизации и активного гражданского участия в событиях «оранжевой революции».¹⁵ Феномен киевского *Майдана (Незалежності)* как политического, гражданского и культурного центра революции, а также сама практика использования физического коммунального пространства центральной площади города для массовой общественной репрезентации сформировали своеобразные ориентиры в модель организации нового режима публичности – своего рода «*майданной демократии*». Последняя, впрочем, лишь артикулировала существенные деформации функционирования публичной сферы в предыдущий, нереволуционный период. В период «оранжевой революции» практика «майданной демократии» и соответствующей ей публичности как снежный ком расширилась по многим городам страны, где появлялись свои подобные майданы независимо от их политического цвета.

Слово «*майдан*» расширило свою социальную семантику, превратившись в метафору нового свободного публичного пространства. Более того, Майдан стал наглядной *символизацией* постсоветской политической публичности и

идеализации «прямой демократии» со всеми ее достоинствами и недостатками в турбулентный период с конца 2004 г. в Украине. Многофункциональность Майдана как символа нового режима политической публичности нашла свои проявления в следующем. *Майдан* – это:

- национальная политическая трибуна, с которой политические лидеры непосредственно обращаются к народу, неизменно подчеркивая при этом репрезентативность присутствующих в их представительстве *всего народа* или, по крайней мере – *лучшей его части*;

- центр коммуникации – новая *Агора*, на которой люди общаются друг с другом получая и передавая информацию (газеты, открытки и т.п.), крупный торговый подземный центр не профанирует майданную публичность, а лишь усиливает метафору *Агоры*, по крайней в отношении киевского Майдана (Площади Независимости);

- центр информации, визуальным нервом которого является магия большого ТВ-экрана с трансляциями событий и важных сообщений «вживую», когда присутствующие на площади часто видят сами себя, а для людей, наблюдающих действо у телевизоров, создается эффект их физического присутствия;

- концертная сцена для художников, место встреч, фестивалей, общественных презентаций и отдыха для многих людей;

- с конца 1990-х годов «Майдан» как бурное развитие альтернативных и бесцензурных Интернет-порталов и свободных Интернет-форумов (в частности, одноименного, www.maidan.org.ua), формирование виртуального публичного пространства и виртуальных «майданных» общин со своими интересами, ценностями, правилами и регуляциями самоорганизации и распространения информации (например, «*copyleft*») как альтернатива *copyright*);

- бум интерактивно-«майданных» форматов на ТВ – ток-шоу «Майдан» (с его слоганом «прийди и скажи власти все, что ты думаешь о ней»), «Свобода слова», «Толока», «Я так думаю» как новые медийные экспликации метафоры «майданной публичности»;

- демократические идеалы и ценности, символизацией которых стал Майдан, – например, часто употребляемое в современном украинском общественно-политическом дискурсе понятие «идеалы Майдана»;

- и даже попытка имитационного «тиражирования» Майдана как политтехнологии в период политического кризиса весны 2007 г. (так называемый «Майдан-2») лишь подтверждает устойчивость эффекта новой символизации режима политической публичности в Украине.

Киевский Майдан как эффективная практика общественной репрезентации воплотил в себе сочетание центральности места, гражданского действия и национально-демократического дискурса публичной политики. Впрочем, апелляции лидеров революции непосредственно к народному вече, которое собралось на Майдане, обозначила также и принципиально узкие места такой модели

публичности. Политические лидеры просили граждан скорее поддержать уже принятое ими решение или декларацию, чем принимать участие в процессе их разработки. «Аргумент улицы» на самом деле оказался скорее эффективным средством массового силового давления на власть, чем формой осознанного общественного участия в принятии решений. Именно это обстоятельство спровоцировало откровенную политическую профанацию «майданной демократии» и ее наивной, впрочем, искренней публичности 2004 г., в технологические и коммерческие имитации «Майдана-2» в период политического кризиса весны 2007 г. Осознанное же общественное участие в принятии решений предусматривает всестороннее знание ситуации и видение альтернатив решения вопроса.

Политическая публичность – для кого? Проблема демократической публики

Как отмечалось, одной из важных причин «оранжевой революции» была общественная реакция на отсутствие или, по крайней мере, существенные системные деформации режима публичности функционирования власти, присущие демократическим стандартам. Именно поэтому эта революция как определенный общественно-компенсаторный механизм и характеризовалась особой коммуникативной активностью и насыщенным медийно-информационным сопровождением. Для протестной реакции с эффектом «вытолкнутой пробки» неразвитость коммуникативных механизмов власти в ее неспособности слышать и понимать общество, даже такое, в котором довольно стойко сохраняются и воссоздаются клиентелистско-патрональные отношения, должно было бы достичь критической степени (как это, собственно, и произошло во время фальсификации результатов выборов 2004 г.).

Впрочем, как ни парадоксально, украинское общество и после революционных событий 2004 г. остается в своем подавляющем большинстве довольно благосклонным к авторитарному стилю управления, которое по своей сути оставляет не слишком много места для оформления и развития любых публичных институтов и практик. Характерно, что в ежегодных мониторингах, которые Институт социологии НАН Украины проводит с 1994 г., подавляющее большинство респондентов согласны с мнением, что «несколько сильных руководителей могут сделать для страны больше, чем все законы и политические дискуссии». В 2006 г., по данным этого исследования, 65,7% украинских респондентов согласны с этим утверждением. Симптоматично, что это – наивысший с 1992 г. показатель (табл. 1). Что это – всплеск авторитарных настроений разочаровавшегося общества или общественная усталость от многословия, которым порой часто подменяют публичность?

Таблица 1

«Несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии» (N=1800, %)

	1992	1994	1996	1998	2000	2001	2005	2006
Согласны	52,3	40,5	42,0	49,3	58,7	57,9	59,6	65,7
Не согласны	30,3	17,0	17,2	14,5	21,4	22,2	22,1	18,7
Не знаю	16,9	41,7	40,8	36,1	19,8	19,6	18,2	15,6
Не ответили	0,6	0,8	0,0	0,1	0,1	0,3	0,1	0,0

Очевидно, что и другой вопрос общенационального опроса об отношении респондентов к утверждению о том, что «люди слишком много говорят и мало работают» (табл. 2), которое в авторитарных и полуавторитарных политических контекстах обычно интерпретируется как индикатор авторитарных настроений, в постреволюционный период украинского общественного развития приобретает новые социальные подтексты. Во всяком случае, к весне 2006 г. – период проведения опроса – эти подтексты во многом были связаны с наметившимися настроениями общественного разочарования и «реверсных» общественно-политических тенденций¹⁶, возрастанием скепсиса и недоверия к власти в общественном мнении. Однако такие настроения явились не только следствием высоко поднятой планки общественных ожиданий после изменения политической власти в стране в конце 2004 г. Они также отразили объективные сложности практического воплощения декларированного «оранжевого» проекта общественного обновления, усугубленные межгрупповыми разногласиями, личными амбициями, но главное – непоследовательностью властной реализации реформаторской политики, в частности в отношении развития режима демократической политической публичности¹⁷.

Таблица 2

«Согласны ли Вы с тем, что главная проблема сегодня в том, что люди слишком много говорят и мало работают» (N=1800, %)

	1999	2000	2001	2004	2005	2006
Согласны	64,8	70,3	68,9	65,5	69,3	73,7
Не согласны	25,8	19,6	22,3	25,6	22,6	18,6
Не знаю	9,0	9,7	8,6	8,9	8,1	7,7
Не ответили	0,4	0,4	0,2	0,0	0,1	0,0

К тому же симптоматичное возрастание общественного согласия относительно существующего «многословия вместо работы» актуализирует вышеупомянутую проблему в новых условиях актуального политического выбора, возрастания степени свободы слова и политического плюрализма – едва ли не единственного зримого достижения «оранжевой» политики. Ведь, по своей

сути, демократия предусматривает политическое «многоголосие», переговорный, иногда продолжительный, процесс, консенсусную практику принятия решений и внимание к процедурам их принятия. Другое дело, что общественно-политическая риторика, переговоры и демократическое «многоголосие» в демократии имеет определенную черту, определяемую необходимостью реальных шагов и действий, без которых риторика легко превращается в «многословие» – своего рода имитационный ритуал, который часто никого ни к чему не обязывает и не предусматривает программу реальных действий.

Впрочем, подмена реальных действий декларациями – это не только еще один аспект имитации публичности в постсоветском контексте, но и социокультурное следствие предыдущего и поныне институционализированного разрыва между словами и жизненными практиками. Историческим культурным фоном формирования такой диспозиции «циничного разума» (*говорим одно, думаем о другом, а делаем часто третье*) был, конечно, социализм с его официально декларируемой общественно-политической теодицеей «рая на земле». Немецкий социальный философ П. Слотердайк в своих фундаментальных исследованиях культуры цинизма справедливо отмечает, что при социализме «связь между “словами” и “вещами” нарушена, но из-за недостатка контролирующих это дискуссий такое нарушение утверждает себя, превращаясь в новую норму»¹⁸. Таким образом, риторика «идеального» общества в ее отношении к действительности формирует расщепленность и амбивалентность общественного сознания, которые устойчиво фиксируются социологическими исследованиями в Украине и других постсоветских странах. Очевидно, что чем более значительным является это расхождение, тем более благоприятной оказывается социальная почва для формирования «двойной морали» и общественного цинизма. Идеологический антипод социализма капитализм и буржуазное общество выглядят в этом отношении «честнее», ведь либеральная идеология, которая их сопровождает, не оперирует измерениями трансцендентной теодицеи, а апеллирует ко вполне «прозаичным» правилам повседневной морали, уважения к другому и инаковости, к принятию отличий и способности к компромиссам. А формальным регулятором последовательности слова и дела здесь остаются гражданские отношения права, закон и контракт. Отсюда утверждение новых, последовательных в соответствии между словом и делом ориентаций в трансформирующемся обществе неминуемо предусматривает одновременный процесс *деинституционализации* прежнего уклада имитационной публичности во всех ее проявлениях, включая разрыв идеологических, вербальных практик и общественной жизнедеятельности. Очевидно, что такие общественно-психологические и культурные изменения являются более сложными и инертными, чем любые политические изменения в организации и репрезентации власти.

Разрыв деклараций и общественной практики, который в особенности проявляется в отсутствии действенного верховенства права, довольно легко может

компенсироваться в обществе массово-психологическим упованием на авторитеты и «сильных руководителей», которые якобы обычно нарочито немногословны, но всегда знают, что и как делать. Не удивительно, что такая ситуация формирует вполне благодатную почву для развития авторитарных настроений, которые, как показывают социологические исследования 2006–2007 гг., несколько возросли в стране. Ирония «посторанжевого термидора», проявившаяся в политическом успехе партии регионов на выборах 2006 г., образовании «антикризисной» коалиции без основных политических сил Майдана и в продолжительном парламентском кризисе 2006–2007 гг., подтверждает это.

Необходимо признать также, что неблагоприятным общественным фоном для формирования культуры и практик политической публичности является также стабильно **низкий уровень общественного доверия** к институтам власти и политики. Тенденции делегитимации власти и основных государственных учреждений в особенности усилились в период политического кризиса весны – лета 2007 г. К тому же украинское общество даже после политических изменений и массовой общественной активности 2004 г. и ныне демонстрирует очевидный *синдром правового бессилия* касательно возможности защиты своих законных прав и интересов перед центральной и местной властями (табл. 3, 4).

Таблица 3

«Если бы правительство Украины утвердило решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли ли бы Вы что-либо сделать против такого решения?» (N=1800, %)

	1994	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Нет, ничего не смог бы сделать	65,1	67,6	66,2	63,9	65,8	70,7	69,0	57,1	63,2
Трудно сказать	28,6	28,2	29,7	31,0	26,9	23,4	24,7	33,4	28,6
Да, смог бы что-то сделать	5,6	4,1	4,0	5,1	7,3	5,6	6,2	9,4	8,2
Не ответили	0,7	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,1	0,1

Приведенные данные выявляют системные деформации подотчетности власти, ее по-прежнему слабой (если и вовсе не отсутствующей) обратной коммуникативной связи с обществом, а отсюда – очевидные проблемы публичности и прозрачности отечественного политического процесса. Эти проблемы проявляются также в таких индикаторах, как оценка эффективности демократических механизмов выбора элит и выборных институтов власти (в упомянутом мониторинге Института социологии на вопрос «Можете ли Вы сказать, что избранный от Вашего округа депутат способен выразить Ваши инте-

Политическая публичность в трансформации

рессы?» лишь до 13% респондентов дали утвердительный ответ в 2005–2006 гг.) и отсутствие действенных системных механизмов влияния граждан на власть в периоды без выборов.

Таблица 4

«А если бы аналогичное решение постановила местная власть, могли ли бы Вы что-либо сделать против такого решения?» (N=1800, %)

	1994	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Нет, ничего не смог бы сделать	56,1	58,8	60,1	56,3	55,8	56,4	54,9	46,2	50,3
Трудно сказать	30,4	31,8	32,5	34,2	32,9	31,1	31,7	36,6	32,9
Да, смог бы что-то сделать	2,3	9,2	7,3	9,5	11,2	12,3	13,3	17,2	16,7
Не ответили	1,2	0,3	0,0	0,0	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1

Собственно, выборы в украинской политической ситуации были и остаются единственным реальным рычагом контроля граждан за властью (не отсюда ли жесткость политической борьбы, разгоревшейся в стране с весны 2007 г., по вопросу о самом даже прецеденте досрочных выборов). Как результат этих системных деформаций «имитационная», «вынужденная», часто «ритуальная» публичность является и ныне определяющей политической средой выработки и принятия многих общественно-значимых решений («непрозрачный» характер договоренностей и условий транспортировки и поставок газа с Россией конца 2005 г., отсутствие внятной аргументации и общественного обсуждения политики новых жилищно-коммунальных тарифов 2006–2007 гг. – лишь отдельные примеры этому).

Вместе с тем проблемы защиты своих прав гражданами одновременно с вновь приобретенным ими опытом эффективной политической мобилизации создают для любой власти новые вызовы. В постреволюционный период зримо усиливается протестный потенциал гражданского общества в Украине. По сравнению с 2004 г. в 2005 г. почти в два раза (до 34,2%) выросла доля респондентов, считающих законные митинги и демонстрации наиболее эффективным способом отстаивания своих прав и *готовых непосредственно принять в них участие*.

Впрочем, наши исследования показывают, что для подавляющего большинства украинских граждан присуще и вполне оправданное, вполне цивилизованное желание быть услышанными и понятыми в традиционных и устоявшихся для демократии формах публичной политики (табл. 5).

Таблица 5

«Какие формы влияния общественности на принятие решений институтами власти Вы считаете наиболее эффективными?» (2004, N= 1800, %) (отметьте не более 3 позиций)

Изучение общественного мнения	32,7
Обсуждение проектов решений власти в СМИ	27,0
«Горячие» телефонные линии органов власти	23,3
Общественные слушания общественно-значимых проблем	19,5
Парламентские открытые слушания	14,8
Консультации органов власти с независимыми экспертами	11,2
Интернет-страницы органов власти для запросов и предложений граждан	3,8
Не знаю, трудно сказать	40,4

Как свидетельствуют вышеприведенные данные, в мониторинговом опросе 2004 г. среди наиболее эффективных и «нереволюционных» форм гражданского участия респонденты отметили такие недоступные для сенситивной власти формы, как опросы общественного мнения (33% респондентов) и публичные обсуждения проектов (именно *проектов*) решений власти в СМИ (27% респондентов).

Эти и другие упоминавшиеся факторы и индикаторы постсоветского развития в Украине позволяют с оптимизмом обсуждать перспективы развития стандартных параметров демократической политической публичности. Впрочем, было бы наивностью уповать на добровольные властные инициативы в этом направлении без постоянного корректного гражданского прессинга и без формирования целостной системы гражданского контроля за властью. Это также предполагает демократическую трансформацию социальных качеств самой публики – граждан, народа, нации – словом, того субъекта, ради которого и призвана функционировать полнокровная политическая публичность.

В одном из своих интервью, подытоживая первые впечатления от «перестроенных реформ» в бывшем Советском Союзе середины 1980-х гг., Ю. Хабермас вполне в духе своей теории коммуникативного действия считал важнейшей их стороной относительную либерализацию коммуникативной сферы и свободу высказываний, которые стали известными под лозунгами «гласности»¹⁹. Именно такая политика, по образной метафоре Хабермаса, способствовала «оживлению пересохшей было политической общественности (*Offentlichkeit*)»²⁰. Перефразируя эту мысль для Украины периода постреволюционной публичности, эпохи Интернета, новых средств массовой коммуникации, массовой рекламы и развитых, хотя и большей частью все еще несвободных и подконтрольных медиа, практика общественных коммуникаций, дабы не «пересохнуть», должна найти

свою собственную логику развития, утверждая демократический режим политической публичности.

В украинском, да и в другом постсоветском контексте, это развитие предполагает укрепление институциональной самодостаточности гражданского общества и расширение его инициатив, направленных на развитие независимой сферы публичных коммуникаций, на утверждение общественного мнения как института контроля за властью, на плюрализацию и диверсификацию независимых от власти средств массовой коммуникации, а также – на формирование общественной потребности в свободных медиа через возрастание критической массы мыслящих и небезразличных граждан – «демократической публики» в терминах Хабермаса.

Выводы

Не ограничиваясь констатациями о том, что единственными надежными основами формирования режима публичной политики в Украине является развитие гражданского общества с такими его неотъемлемыми составными, как независимые медиа и реализация принципа верховенства права, а также – институционализация общественной мысли как контролера власти, очерчу также направления развития политики публичности, которые, на мой взгляд, являются актуальными для демократической (а значит, «понимающей» и «слушающей») власти и демократической публики:

- повышение уровня гражданской компетенции, которая предусматривает необходимую стадию информирования общественности о характере и альтернативах решения общественных проблем;
- «золотое правило» общественных обсуждений твердит – не вступай в них, если не готов принять во внимание мнение другой стороны;
- развитие демократической гражданской культуры и информирование граждан о возможных законных способах их участия в обсуждении и принятии важных для общества решений. Граждане имеют крайне слабое представление о формах своего цивилизованного влияния на власть и ее политику. Симптоматично, что большинство респондентов (свыше 40%) не знает или имеет слабое представление об эффективных способах влияния на принятие властных решений (табл. 5);
- адаптация (без горячечного фанатизма, который легко перерождается в модную ритуальность) лучшего опыта и практик гражданского участия в принятии решений делиберативной демократии;
- оптимизация нового формата взаимоотношений в треугольнике «власть – профессиональная социальная экспертиза – общество», где профессиональные социальные эксперты должны стать представителями обще-

ственных интересов и гражданского общества в Украине, тем самым усиливая его креативный потенциал. Роль социальных экспертов и интеллектуалов также состоит в сохранении социальной памяти, которая во многом предполагает способность постановки четких и артикулированных вопросов и возможных ответов в отношении нерешенных общественно-значимых проблем и формулирование новых, актуальных запросов, касающихся общественных интересов;

• зримой является проблема расширения круга участников публичного обсуждения политики, формирование благоприятной ситуации аналитического многоголосия и переориентация от *политических технологов* (необходимых в период борьбы за власть) и *интерпретаторов* к *аналитикам-конструктивистам*.

Примечания

- ¹ В этом тексте я сосредоточу внимание на теме публичности властных институтов, о проблемах публичности и общественной репрезентативности «третьего сектора» (см.: Степаненко, В. Громадянське суспільство в Україні: від практик «агенцій впливу» до політики громадянської участі / В. Степаненко // Національна безпека України. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США. 16–19 вересня 2004 року. Київ, 2004. С. 106–121.
- ² См.: Степаненко, В. Публичность власти как модус социального знания: миф или возможность постсоветской демократии / В. Степаненко // Соціологічне знання та влада. Київ, 2005. С. 19–36.
- ³ Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Часть 1. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко. М., 2002. С. 206.
- ⁴ Многозначное немецкое понятие *Offentlichkeit*, используемое Ю. Хабермасом, может переводиться на русский как «публичность» или, как это сделано в украиноязычном переводе его работы (Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості / Ю. Габермас. Львів, 2000), – «открытость». Я буду употреблять термин «публичность», сохраняя, однако, употребление взаимозаменяемого понятия «открытость» в прямых цитированиях этой работы в украинском переводе.
- ⁵ Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. С. 32.
- ⁶ Schmidt, J. Civility, Enlightenment, and Society: Conceptual Confusion and Kantian Remedies / J. Schmidt // The American Political Science Review. Vol. 92. No 2. June 1998. P. 419–427. Детальный анализ развития посткантовской традиции немецкой коммуникативной философии см. в: Єрмоленко, А. Комунікативна практична філософія / А. Єрмоленко. Київ, 1999.
- ⁷ См., в частности: Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. СПб., 2001. С. 119–157.
- ⁸ Луман, Н. Власть / Н. Луман. М., 2001. С. 20.

- ⁹ Ионин, Л. Подступы к новой магической эпохе / Л. Ионин // Постмодерн: новая магическая эпоха. Харьков, 2002. С. 10.
- ¹⁰ Wallerstein, I. The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century / I. Wallerstein. Minneapolis, 1999.
- ¹¹ Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. М., 2005. С. 585-586.
- ¹² Проблемы манипуляции сознанием, создание «альтернативных» и виртуальных реальностей, а также информационного оружия, которые делает возможным современное развитие средств массовой коммуникации, являются ведущей темой постмодерной социологии и культурологии (см., например: Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио. М., 2002.
- ¹³ Fukuyama, F. State-Building. Governance and World Order in the 21-st Century / F. Fukuyama. Ithaca, New York, 2004.
- ¹⁴ Darden, K. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma / K. Darden // East European Constitutional Review . 2001. Vol. 10. No 2-3; См. также: Рябчук, М. Чи можна змінити «шантажистську державу»? / М. Рябчук // Агора. 2005. Вип. 1. С. 61–71.
- ¹⁵ Об особенностях гражданской политической активности этого периода см. три детально: Степаненко, В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности / В. Степаненко // Вестник общественного мнения. Ноябрь – декабрь 2005 г. С. 25–39; Степаненко, В. Помаранчева революція: логіки колективних дій та паростки громадянського етосу / В. Степаненко // Цінності громадянського суспільства і моральний вибір: український досвід. Київ, 2006. С. 171–192.
- ¹⁶ Паніна, Н. Демократизація в Україні та помаранчева революція у дзеркалі громадської думки / Н. Панина // Дзеркало тижня. № 19. 20 травня 2006.
- ¹⁷ См.: Степаненко, В. Слова і справи: проблеми інституціоналізації суспільних ідеалів в Україні / В. Степаненко // Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг. Київ, 2006. С.324-337.
- ¹⁸ Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. Екатиленбург, 2001. С. 277.
- ¹⁹ Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас. М., 1995. С. 84.
- ²⁰ Там же.

«ИНТИМИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОСТИ» – ПОСТСОВЕТСКИЙ ПУТЬ «РАСКОЛДОВЫВАНИЯ» ПОЛИТИКИ В УКРАИНЕ

Попытка осмыслить процессы и «структурные трансформации» (Ю. Хабермас), происходящие в сфере публично-политической жизни современного украинского общества, наталкивается на серьезные методологические трудности. Во-первых, это проблема периодизации. В каких хронологических рамках рассматривается та «современность», о которой идет речь? Возможно ли провести четкую и надежную «демаркационную линию» между качественно иным прошлым и спецификой нынешней отечественной «современности»? Во-вторых, какими концептуальными средствами и методологическими подходами можно воспользоваться для того, чтобы адекватно эксплицировать эту современную украинскую «публичность»?

Ответ на первый вопрос как бы напрашивается сам собой. Очевидно, речь стоит вести о периоде последних 16 лет, времени восстановления государственности Украины, формирования ее собственных общественно-политических институтов и традиций. Не отказываясь от этих «исторических рамок» исследования, все же нельзя не заметить существенной зависимости процессов, происходящих в нашей стране в период 1991–2007 гг., от глубинных общественно-политических трансформаций, произошедших во второй половине 80-х гг. прошлого века в бывшем СССР.

Специфику методологического подхода, задействованного в данном исследовании, я бы рискнул назвать герменевтикой доминирующего общественного дискурса о политике и политиках в Украине. Мы попытаемся реконструировать те базисные очевидности, тот смысловой горизонт, в категориях которого подавляющее большинство «маленьких украинцев» (В. Ющенко) пытается объяснить для себя, что происходит в

«политике». При этом предметом исследования будут не только общепризнанные и повсеместно распространенные убеждения и оценки рядовых граждан, но и способ подачи и истолкования происходящего со стороны отечественных политиков и СМИ.

Стоит сразу же заметить, что понятия «публичный» и «частный» будут использоваться нами в том смысле, как их описывает Х. Арендт в своей ставшей знаменитой работе «*Vita activa*». При этом мы используем эти понятия как «продуктивные идеализации», способные тематизировать принципиальные феномены, и никоим образом не претендуем на то, чтобы четко, однозначно и неизменно фиксировать фундаментальные регионы человеческого бытия. Под «частной» мы понимаем сферу *oikos* – домашнего очага, где происходит витальное жизнеобеспечение в виде ведения самостоятельного домашнего хозяйства. «Публичное» же выступает сферой того, что «имеет отношение ко всем» (*res-publica*), *polis* – открытый форум для общего обсуждения и принятия решений. И если «частная» жизнь толковалась преимущественно жизнью «хозяйственной» (следы чего до сих пор несет в себе макроэкономическое понятие «домашнее хозяйство»), «царством необходимости», то «публичная» сфера предстает как «царство свободы», место, где происходит автономное разумное самоопределение воли граждан, формирующих свою общую судьбу.

Очевидно, что границы этих сфер всегда были скорее условны, нежели реальны. Более того, границы эти постоянно «передвигались», а регионы «публичного» и «частного» бытия претерпевали радикальные трансформации. В истории был даже период, когда казалось, что обе эти сферы окончательно слились в некую качественно иную реальность – «социальную» (где воспроизводство частной жизни становится предметом государственной заботы), и «царство свободы» окончательно восторжествовует над проклятием «необходимости». Но, как свидетельствует последующий опыт осмысления современных общественно-политических реалий, разделение сфер «публичного» и «частного» далеко не исчерпало своего эвристического потенциала.

Собственно «публичная сфера» стала достоянием относительно свободного общественного внимания и обсуждения в СССР только в эпоху горбачевской «перестройки». Курс на «гласность» ознаменовал собой процесс своеобразного «расколдовывания» (М. Вебер) публичности, своего рода десакрализацию политики. Она перестала восприниматься как сфера забот узкого круга «руководителей партии и правительства», а обсуждение проблем государственного управления покинуло тесные рамки кухонных стен и переместилось в СМИ и горячие публичные дискуссии. Как известно, результатом такой детабуизации дискурса о политике стала проблематизация в общественном мнении «той страны» самих основ существования СССР (монополии общенародной собственности и существования союзного государства), что и привело, в конце концов, к его краху. Казалось бы, что во вновь возникших на руинах СССР национальных государ-

ствах горбачевская политика «гласности» продолжится созданием эффективных институтов и традиций общественного участия в общественно-политической жизни страны. Но этого так и не произошло. Вместо этого, как нам представляется, мы становимся свидетелями прогрессирующей деградации общественного дискурса о политике.

Прежде чем приступить к характеристике сути современного украинского дискурса о политике и описанию различных форм его проявлений, необходимо обратить внимание на те структурные изменения сферы «публичного» и «частного», которые произошли в эпоху «развитого социализма» и во многом обусловили собой последующие посттоталитарные трансформации общественного понимания политики как таковой. Опыт социалистического строительства в бывшем СССР привел, среди прочего, к двум примечательным явлениям.

1. Превращение граждан в «клиентов государства». СССР воплотил в жизнь идеалы социального государства – обеспечение всех нужд частной жизни стало делом государства, и оно, под диктатом идеологических норм об упразднении частной собственности, превратилось в монопольного производителя материальных благ и поставщика услуг своим гражданам. Советский человек получал практически все от государства, оно, за редкими исключениями, было единственным источником его жизненных благ: жилья, еды, одежды, транспорта, связи, безопасности, образования, здравоохранения, рабочего места и т.д., – превращаясь тем самым в его «клиента». Вместо статуса гражданина – автономного распорядителя общественного ресурса, люди стали всесторонне зависимыми получателями «государственных благ». При этом товаров и услуг «каждому по потребности» социалистическое государство предоставить не могло. Ограниченный государственный ресурс был причиной тому, что люди – «клиенты государства» в корне изменили свое отношение друг к другу.

«Другой» постепенно начинает предстать как «конкурент» в доступе к социальным благам, распределяемых государством. Относительно «Другого» начинает доминировать подозрение, ему а priori приписывается желание «урвать себе побольше», обхитрить и тем самым существенно ухудшить его шансы на получение доступа к ограниченному источнику всеобщих социальных благ. Постепенно формируется тот общий невысказанный консенсус, который можно обозначить как своеобразную «презумпцию недоверия к Другому», в людях повсеместно начинает преобладать боязнь в силу собственной наивности быть использованным Другим в его корыстных целях («оказаться “лохом”»). Именно сюда растут корни индивидуалистической «атомизации» отечественного социума, отсутствие веры в эффективность общих солидарных усилий (неразвитость институтов гражданского общества) и ностальгический поиск утраченной «субстанциональной нравственности» (Гегель), общего объединительного начала в виде «национальной идеи».

Политик как «Другой» не составляет исключения. Скорее наоборот, фигура политика концентрирует на себе доминирующее настроение недоверия. В обществе «само собой разумеющимся» является убеждение, что политики – это те, кто «рвется к кормушке», пытается воспользоваться общественными ресурсами в собственных меркантильных целях, обманывая при этом наивно-верящих им избирателей «сладкими», но не реальными к выполнению обещаниями (популизм). Вполне возможно, что недоверие к политикам постепенно формировалось уже во времена «позднего» СССР: ведь именно борьба с привилегиями «партноменклатуры» во многом обусловила всплеск гражданской активности во второй половине 1980-х. Но в то время граждане верили в наличие своеобразной «кадровой альтернативы» и в возможность более честных и альтруистически ориентированных на «общее благо» политиков «демократического призыва». Сегодня же от такой веры не осталось и следа. По результатам регулярного опроса аудитории популярной телепрограммы «Свобода слова», аудитории, которая подбирается по критериям «репрезентативной выборки», количество тех, кто «никому не верят», колеблется от 34 до 42% граждан Украины. Любая же политическая активность «Другого» воспринимается как подозрительная сама по себе и свидетельствует об очередной попытке «рвущихся к корыту» устроить «лохотрон» для своих сограждан. Отсюда часто звучащие призывы игнорировать выборы как таковые, с весьма специфической аргументацией: «...у тебя не осталось ничего кроме твоего голоса? Не отдавай его ИМ...».

В среде политиков взаимное недоверие начинает приобретать гротескные формы. Украинская история последних 10 лет богата на яркие примеры этому: «спикериада» (избрание председателя Верховного Совета Украины) 1998 г., длившаяся без малого 2 месяца; «коалициада» (создание «демократической» коалиции парламентского большинства) 2006 года, длившаяся практически 5 месяцев. В обоих случаях политики поутру отказывались от договоренностей, достигнутых ими же накануне вечером. Поскольку о последних постоянно публично сообщалось гражданам как о «историческом соглашении», то ничего кроме настроений раздражения и нескрываемой иронии упоминания о «политических договоренностях» в обществе, похоже, уже не вызывают. Последний кризис 2007 г., связанный с досрочным прекращением полномочий Верховного Совета Украины и назначением президентом даты внеочередных парламентских выборов, похоже, довел ситуацию взаимного недоверия в среде отечественных политиков до степени высшего абсурда. Так, переговоры о выходе из кризиса ключевые стороны переговоров президент Виктор Ющенко и премьер-министр Виктор Янукович проводили в присутствии послов западных стран (США, ФРГ) как «гарантов» выполнения обязательств, достигнутых в процессе этих переговоров!

Но «презумпция недоверия» распространяется отнюдь не на любого «Другого», а только на незнакомца, анонима, того, с кем не сложились «личные» эмоционально окрашенные отношения. «Другой» же «ближнего круга» – член семьи,

родственник, кум, сват, друг, сосед, одноклассник, знакомый и т.п. – наоборот есть тот, с которым можно установить полноценные отношения сотрудничества, взаимной поддержки и кооперации. Прежде чем приступить к объяснению природы этого феномена, который напрямую связан со вторым «структурным сдвигом», на этот раз – в сфере «частного», отметим, что именно «доверие к незнакомцу», как это убедительно засвидетельствовали исследования Френсиса Фукуямы, образует то, что именуют «социальным капиталом», без наличия и приумножения которого общество обречено и на экономическое прозябание, и на всевозможные социальные катаклизмы.

2. Деэкономизация и «интимизация» частной жизни. «Частная жизнь» тоже оказывается сферой, в которой происходят фундаментальные структурные преобразования. Их общую суть вкратце можно сформулировать в виде тезиса о том, что семья со временем перестает быть сферой непосредственного воспроизводства жизни. Эта тенденция была хорошо описана в тофлеревской «Третьей волне»: постепенно отмирает экономический смысл домашнего хозяйства (деньги зарабатываются вне семьи), семья играет все меньшую роль в сфере социализации детей и их профессиональной ориентации (эту функцию берут на себя учебные заведения, и уже нет необходимости унаследовать профессию родителей как необходимое условие продолжения семейного бизнеса), помощи больным и старикам (пенсионное обеспечение, больничный уход) и т.д. Социалистическое государство, пытавшееся хозяйственные аспекты семейного быта свести к минимуму благодаря централизованному предоставлению соответствующих услуг: общественного питания (иначе как можно объяснить существование квартир, так называемых «гостинок» с общим «метражом» кухни 4 кв.м?), банно-прачечных комбинатов и т.п. – этой тенденции всемерно способствовало.

Постепенно деэкономизируясь, отношения в семье все более сводятся к индивидуализированным персонально-окрашенным эмоциональным связям. Семья становится синонимом «тихой гавани» в море социальных катаклизмов, в мире «войны всех против всех», в котором «никому нельзя верить». Современные же, связанные с восстановлением института частной собственности попытки внести рационально-прагматический момент в логику семейных отношений в виде «брачного договора», неодобрительно воспринимаются и негласно осуждаются большей частью общества как попытка меркантилизировать «священный союз любящих сердец». «Диктат искренней чувственности», фетиш «семьи по любви», сыграл злую шутку с этим общественным институтом в эпоху социализма. Семья стала непрочной. Нестабильность эмоциональных отношений («любовь прошла», «полюбил(-а) другую / другого») вместе с гарантированным минимумом жизненных благ со стороны социального государства («разведусь, квартиру все равно рано или поздно “дадут”») привели к угрожающему числу распавшихся браков.

«Интимизация» частной сферы, ее требования открытого и благожелательного личностного приятия существенным образом повлияли на изменения смыслового восприятия «Другого» и отношения к нему. «Другой» – это либо принадлежащий к сфере персонально эмоционально окрашенного опыта (член семьи, родственник, кум, сват, друг, сосед, одноклассник, знакомый, который заслуживает доверия и с которым возможна продуктивная взаимовыгодная кооперация), либо анонимный «Другой» – тот, кто ни перед чем не остановится в конкурентной борьбе за жизненные блага. Представления о необходимости морального отношения к «Другому» (что бы под этим ни имели в виду) распространяется только на «Другого» частной сферы. Тем самым закладываются предпосылки к формированию антипода «гражданского общества» – «народа частных лиц», конгломерата «личностей», объединенных родственными или эмоциональными связями, своеобразной «недобровроною взаимностью», социальное взаимодействие которого отмеряется меркой «privacy».

Собственно, сутью постсоветской трансформации «публичной сферы» стало **«открытие» для общественного дискурса проблем публичной политики и осмысление происходящего там в горизонте интимизированного опыта повседневной частной жизни.** Иными словами, хорошо известную им логику частных отношений граждане экстраполируют в сферу публично-политическую. Такая структурная трансформация «частной» и «публичной» сфер имеет множество проявлений.

Прежде всего происходящее в публично-политической жизни общества интерпретируется сквозь призму персонифицированно-личных взаимоотношений. Так, *в «политиках» видят в первую очередь ЛЮДЕЙ, пусть и публичных.* Интерес к ним мотивирован не предметом их деятельного участия (предложений, решений, оппонирования и т.п.) в решении проблем государственного управления. В политиках как «публичных людях» видят более успешных конкурентов по доступу к общественным ресурсам. С одной стороны, это провоцирует у граждан недоверие и моральное осуждение по отношению к ним («политика – грязное дело», где всегда доминирует узкокорыстный расчет, манипулятивный по отношению к «Другому»), с другой – пробуждает любопытство к тем личностным моральным и психологическим качествам, которые обеспечили их «успех» как более удачным «клиентам государства». Украинский теле- и радиоэфир, газетные, журнальные и www-площадки переполнены всевозможными интервью с политиками, которые посвящают попыткам пролить свет на «тайну политиков», особенности их личных вкусов, чувств, оценок, биографических особенностей. Здесь можно найти информацию и о любимых блюдах, и об обстоятельствах знакомства с будущей супругой, и о том, одежду каких марок предпочитает тот или иной политик, вопросы же собственно «политики», как правило, сводятся к одному: «Насколько далеко распространяются (на какие высшие государственные должности) Ваши амбиции?».

В общественном «дискурсе о политике» вместо перманентного критически-аргументативного обсуждения вопросов государственного управления присутствуют главным образом обывательские рассуждения о достоинствах и недостатках узкого круга «публичных людей». Похоже, уже все ностальгируют по возможности «голосовать за человека», призывая реанимировать мажоритарную систему выборов или хотя бы ввести так называемые «открытые списки» (механизм определения очередности депутатов в избирательном списке за результатами личностных результатов кандидатов). Первая кампания парламентских пропорциональных выборов была изящно «адаптирована» под «лично ориентированного» избирателя: появились «именные блоки» (блок Юлии Тимошенко, блок Владимира Литвина, блок Костенка – Плюща, блок Олійныка – Сыроты и т.п.); и политики «разъяснили» электорату, что пропорциональные выборы – это не что иное, как «выборы канцлера» (Юлия Тимошенко). Похоже, что желание «голосовать за человека» в обозримом будущем делает невозможным отказ от прямого, общенародного избрания президента Украины, к чему, в принципе, подталкивает логика трансформации Украины к парламентской республике (при тех полномочиях, которыми обладает президент в парламентской республике его всенародное избрание выглядит «излишней» легитимацией).

Персонафицированное восприятие событий в публичной сфере нынешней Украины, превратили политику в бесконечную «мыльную оперу» личных отношений с участием «узкого круга ограниченных людей». Политики вместо того, чтобы объяснять суть происходящего в тех или иных сферах государственного управления и соответственно предлагать свои «ноу-хау» относительно того, как решать общественные проблемы, все чаще прибегают к мелодраматическому описанию собственных чувств. Из трехмесячного опыта вхождения представителей «Нашей Украины» в состав коалиционного правительства Януковича в 2006 году общество смогло услышать только соображения с обеих сторон, кому с кем было «комфортно» работать и насколько «комфортно» было нашим «публичным людям» общаться со своими бывшими и нынешними политическими оппонентами.

Следствием этого становится *тотальная «психологизация» общественного дискурса о власти*. Во-первых, главными экспертами в политике становятся психологи. В Украине создан специальный академический институт «политической психологии». Так, главными комментаторами дебатов между кандидатами в президенты Украины в 2004 г. (В. Януковичем и В. Ющенко) были психологи, которые в прямом эфире сразу же по окончании дебатов анализировали жестикуляцию, мимику, произвольные движения тела участников дебатов, по-видимому, таким образом объясняя гражданам, что их ждет после выборов в случае победы одного из кандидатов. Собственно, психологи объясняли, КТО придет к власти, кем является политик на самом деле как «человек», пребывая в

«Интимизация публичности»

полной уверенности, что это способно спрогнозировать будущее направление государственной политики.

Похоже, персонально-психологическая интерпретация происходящего в политике окончательно восторжествовала в общественном мнении. Оно, в принципе, не видит институциональных и процессуальных проблем принятия и осуществления государственной политики, господствует всеобщая уверенность, что проблемы государства укоренены в том, что «не те управляют». Сталинский лозунг «Кадры решают все!» окончательно вытеснил вопрос, поставленный в свое время К. Поппером: «Как создать институты власти, которые бы эффективно работали, даже если их возглавляли черти?». Соответственно, все заняты поиском «достойных» людей, которые, придя к власти, чудесным образом решат все проблемы. При этом «достойность» этих людей два противостоящих лагеря определяют по-разному: «высокоморальные патриоты» (оранжевые), «незаполитизированные профессионалы» (бело-голубые). Общим все же остается убеждение, что «все дело в людях».

Это умонастроение накладывает на низкую степень кадровой ротации нынешних элит и обуславливает собой поиск «новых лиц», а не новых идей и подходов к решению вопросов государственного управления. Опыт же прихода в правительство, по результатам сначала президентских (2005 г.), а затем и парламентских (2006 г.) выборов, нового состава госчиновников проиллюстрировал простой факт, что их энтузиазм создать «новое качество государственной политики» вдребезги разбивается о правовые, институциональные и процедурные рифы «реальной политики». Неминуемый провал их благих намерений общество воспринимает как очередное разочарование в этих «людях». Казалось бы, «сама жизнь» опровергает логику персонифицированного решения проблем государственной политики. Но «лично-ориентированная» матрица общественного сознания продуцирует новый фетиш – ожидание пришествия «нового поколения политиков». Одна политическая группировка на парламентских выборах 2002 г. сознательно эксплуатировала эти электоральные ожидания. Похоже, единственным лозунгом «Команды озимого поколения» (чуть-чуть недобравшей голосов до попадания в парламент) или, во всяком случае, назойливым лейтмотивом было «Мы не такие, как ОНИ, мы – другие, новые...». Вопрос же «В чем же, собственно, “новизна” и “инаковость”?», неоднократно адресованный «новым», так и оставался без ответа.

Вообще игнорирование институциональных аспектов государственной политики и чрезмерная гиперболизация личностного фактора привели к утверждению в Украине в корне порочной практики «государственного строительства» – создания новых институтов власти, не предусмотренных Конституцией и законами должностей, существенного «перекраивания» полномочий, ресурсов, статуса и степени влияния в зависимости от личности их руководителя. Так, президент Украины Виктор Ющенко, по горячим следам сентябрьского 2005 г.

кризиса в «оранжевом лагере», публично признался, что наделил свои указом Совет национальной безопасности и обороны Украины, когда назначил его Секретарем своего ближайшего соратника и кума Петра Порошенко, «неконституционными полномочиями».

Похоже, признаком «передовой» отечественной журналистики стала новомодная тенденция в заглавии информационных материалов описывать правительственные решения как личные отношения руководителей органов власти. К примеру: «Лавринович (министерство юстиции) не позволит Черновецкому (Киевскому городскому совету) поднять цены ...» или же «Азаров (министерство финансов) отказывается удовлетворить Николаенко (бюджетные запросы министерства образования)» и т.п. Таким образом, в общественном мнении окончательно утверждается мнение, что политика – это динамический процесс личностного противостояния, своеобразного «имиджевого агона» 6–7 харизматических лидеров и членов их команд. Понимая абсурдность этой ситуации, общество постоянно твердит о своей «усталости от политики», ратует за прекращение «политиканства», за «отказ от политики во имя экономики и решения социальных вопросов» и во всех своих повседневных проблемах винит излишнюю «политизацию».

В то же время «политики» озабочены поиском лидеров с особыми личными качествами, способными мобилизовать электорат («харизматических») и обеспечить высокий уровень общественной поддержки и, воспользовавшись его «рейтингом», представлять во власти. Всеобщие поиски «новых харизматов» и одержимость рейтингом придают особую популярность и авторитет в этих кругах всевозможным «практическим политологам», «политтехнологам», «политическим маркетологам», «PR-консультантам», которые своими хитроумными манипуляциями могут создать виртуальную харизму «публичного человека», обеспечивающую ему выход в царство «высокой политики». Политики же, как «публичные люди», по выражению одной журналистки, «пытаются очаровать и влюбить в себя избирателя». Персонификация доходит до того, что то или иное решение в сфере государственного управления интерпретируется как «средство позиционирования», более или менее удачный «PR-ход» и оценивается с точки зрения рейтинговой динамики.

Персонификация осмысления событий в публичной сфере имеет своим следствием также отказ от критически-рационального обсуждения содержания государственной политики в пользу эмоционально окрашенных отношений к «харизматическим лидерам». Политикам «верить» либо «не верить» во всем, не утруждая себя критическим анализом их отдельных решений. Каждый гражданин в своем интересе к политике занят не чем иным, как поиском того, кому всецело «можно верить», и, наоборот, – тотально осуждает любые действия оппонента своего «избранника». Собственно, и политическая структуризация общества происходит вокруг 6–7 харизматических лидеров. Возглавляемые

ими политические партии являют собой не что иное, как «фан-клубы» своих нынешних лидеров. Отсюда и общепризнанная риторика: об отношениях «в команде», «верности» и «предательства» (в чем звучит само собой разумеющийся императив безусловной лояльности к лидеру), требование введения императивного мандата с целью наказать «вероломных отступников». О внутрипартийной демократии, системе, где позиция партии вырабатывается в результате широкой партийной дискуссии, а не политически-конъюнктурным соображениям лидеров, иначе как с легкой иронической улыбкой сегодня в Украине и не вспоминают.

Такая же логика личностных эмоционально окрашенных отношений явно доминирует и в восприятии международных реалий. Вопросы геополитики подаются как частная проблема: «с кем лучше дружить?», часто перерастая в смежную – «против кого дружить?». От международных отношений ждут того же, что и в сфере межличностных связей: благожелательной открытости и безусловно искреннего притягия. Дебаты о целесообразности членства в таких международных организациях, как Всемирная торговая организация, Европейский союз, Единое экономическое пространство и др., ведутся в терминах: «ждут ли нас там?», «будут ли нам там рады?». Осознавая свой незначительный геополитический вес, Украина находится, по выражению бывшего председателя Верховного Совета Владимира Литвина, в поисках того, «к кому бы прильнуть?».

Другой стороной «неразличимости» приватной и публичной сфер является иллюзорная уверенность граждан, что *общественные проблемы* (плохое образование, ненадлежащее медицинское и коммунальное обслуживание) *можно решить благодаря индивидуальным усилиям*. Плохое качество работы общественных институтов и государственных учреждений воспринимается как личные проблемы граждан и интерпретируется как такая проблема, которая может быть решена исключительно индивидуальными усилиями. Плохое качество образования компенсируют «репетиторами», ненадлежащий уровень медицинского и коммунального обслуживания – взятками в надежде на личное благорасположение тех, кто предоставляет соответствующие услуги. Эта установка приводит к следующим последствиям:

Во-первых, огромная часть жизненных усилий идет на то, чтобы «выкручиваться» (решать общественные по своей природе проблемы личными сверхусилиями). При этом граждане даже могут воспринять всерьез формулирование требования к политикам решить проблему качества предоставления услуг хотя бы со стороны государственных организаций. У людей господствует неверие в саму возможность добиться изменений в публичной сфере благодаря солидарным, консолидированным усилиям «маленьких украинцев». События, происходящие в общественно-политической жизни, воспринимаются сквозь призму собственного бессилия как стихия, как плохая погода, которую надо «пережить», «перетерпеть», дожидаться наступления «лучших времен», ведь «невозможно,

чтобы так было всегда». Неверие в эффективность солидарных усилий, которое, в свою очередь укоренено в подозрении к «Другому», приводит к неартикулированности общего интереса разных общественных групп, неразвитости их объединений (институтов гражданского общества) и, как следствие – непредставленности их на общественно-политической арене. Даже широко известные события «оранжевой революции» как проявление гражданской солидарности стали возможны, по нашему мнению, лишь как своеобразный «жест отчаяния» экстремально запуганных людей. Людей, которых во время президентской кампании убедили, что победа «не своего кандидата» угрожает основам их индивидуального повседневного бытия («за русскую речь на улицах будут отрезать пальцы», «православных московского патриархата лишат храмов», «донецкие бандиты силой отберут твой бизнес» и т.п.), что и выразилось в главном лозунге Майдана: «Вместе нас много, нас НЕ СЛОМИТЬ...».

Во-вторых, граждане пытаются образовать личные отношения с поставщиками этих услуг. В общественном мнении господствует убежденность, что «Другой», с которым Тебя, непосредственно или опосредованно (через знакомых, родственников, сослуживцев и т.д.), связывают личные отношения, не станет «обманывать». Еще в социалистическую эпоху эта установка на налаживание персональных связей лежала в основе широко распространенного феномена «блата». Но если тогда речь шла о доступе к товарам и благам как таковым, то сейчас посредством неформальной сети личностных взаимодействий решается проблема их надлежащего качества. В-третьих, именно здесь укоренена так называемая «традиционная коррупция», когда взятка воспринимается, в первую очередь ее «дающим», как личная благодарность конкретному персонифицированному «Другому» за проявленную им личную благосклонность. Иначе говоря, «Другой» тут тоже выступает в лично-персональной особенности, а не воспринимается как анонимный носитель определенной социальной роли, функционально обязанный совершать определенные действия.

Также одним из следствий экспансии логики межличностных отношений в сферу публичности является определенная *«раздвоенность» сознания украинского обывателя: жесткая прагматичность в частной сфере* (жизненного воспроизводства в условиях конкурентной рыночной реальности) удивительным образом *совмещается с эмоционально-окрашенным не рациональным отношением к публичной сфере*. С одной стороны, традиционно (а с развитием и расширением сферы рыночных отношений эта тенденция лишь усиливается) украинец является очень рационально-расчетливым в сфере собственного *oikos*-а (что нашло свое отражение в народной поговорке: «когда украинец родился – еврей заплакал...»), с другой – он проявляет полную эмоциональную иррациональность, как только дело касается вещей, не имеющих непосредственного отношения к его дому, семье, родне. Относительно реалий публичной сферы господствуют эмоции тотального приятия или неприятия («верю/не

верю»), и не только по отношению к политикам, но и к общественным институтам. Как-то «само собой разумеющимся» у отечественных социологов стало опрашивать граждан об их отношении к общественным и государственным институтам не в терминах оценки эффективности их работы и целесообразности тех или иных решений, а в категориях «доверяю / не доверяю». Как будто бы можно доверять / не доверять всем 450 депутатам парламента, или «доверять» армии в том же отношении, что и церкви?

Такой внутренний конфликт гражданина как целерационального, прагматически ориентированного homo economicus, «буржуа» с его представлениями о себе как homo politicus, citizen порождает новые апории. С одной стороны, постепенно формируется запрос на рациональную государственную политику (констатируется отсутствие у политиков стратегических планов развития страны), с другой, – надежды на его осуществление снова связывают не с попыткой критически обсудить и самостоятельно решить вопросы эффективности организации и работы институтов государственного управления. Вместо этого господствует мессианское ожидание «новых политиков», которые чудесным образом ответят на этот «вызов современности».

Не менее разрушительны последствия «интимизации» публично-политической сферы и в реальной практике государственного управления Украины. Наиболее радикальным следствием «приватной» логики восприятия политики является понимание государства как большой семьи. «Правительство это как семья...» – так весной 2005 г. в интервью одному из украинских телеканалов выразился президент Украины Виктор Ющенко. Соответственно, руководитель государства – отец семьи (в «ближнем круге» бывшего президента Украины Леонида Кучму так и называли «Папа»), главной функцией которой является попечительство над своими «маленькими» членами. Отсюда – непрекращающаяся гонка за увеличение доли социальных выплат и фетиш «социального бюджета», которым в глазах общественного мнения власть имущие легитимируют проводимую ими политику. Другим следствием отождествления государства с семьей является регресс к античному пониманию государства как педагогической институции, которая несет ответственность за надлежащее «воспитание граждан». Именно этими соображениями мотивирована инициатива главы государства по введению в систему среднего общегосударственного образования уроков «христианской этики».

Естественным образом семейная логика рассмотрения происходящего в политической жизни делает невозможным рациональный, критически-аргументированный дискурс о государственном управлении, его целях и формах осуществления. Государство как семья – нечто «естественное», само собой разумеющееся, проблематизация этого социального института возможна лишь как обсуждение личных качеств его руководителей и членов. Отсюда – ряд существенных пороков государственного управления, низкое качество которого

поставило Украину в 2006 г. на 104 место в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума в Давосе:

Во-первых, в украинском обществе практически полностью *отсутствуют дискуссии о сфере, целях, инструментах, целесообразности тех или иных отраслевых программ государственной политики*. Вместо этого доминируют размытые цели, хорошо понятные «клиенту государства» – «обеспечить достойную жизнь граждан», о путях же достижения такого обеспечения хранится полное молчание. Господствует молчаливое предположение, что ответы на этот вопрос «даст наука», она сможет предложить единственно правильные решения, способные удовлетворить всех и обеспечить максимальный прирост «общего блага». Странно, но общество, долгое время жившее в условиях диктата марксистской идеологии, напрочь отказывается признавать простой факт того, что политика – это, прежде всего, борьба за ограниченный государственный ресурс между организованными группами интересов, а качество демократической политики зависит от способности политических институтов выразить эти интересы и достичь определенного баланса между ними. Сциентистская иллюзия делает ненужным то, что составляет суть демократических дискуссий – определения направления государственной политики. Персонифицированная логика восприятия публичной сферы диктует «правозащитное» понимание политики как сферы реализации индивидуальных прав и свобод человека и гражданина, а не как арену противоборства организованных групп интересов.

Во-вторых, отсутствие дискуссий о целях и инструментах политики *фокусирует общественное внимание на «выбивании ресурса» и его перераспределении*. Такие ресурсы могут быть разными: бюджетное финансирование, приватизация или аренда имущества, право управления госпредприятиями и т.п. Главным законом, вокруг которого «ломаются копыя», является Государственный бюджет Украины (его положениями приостанавливается действие многих статей других законов). «Удельный вес» члена правительства определяется тем, какой размер бюджетных средств распределяет его ведомство, министерство финансов самостоятельно решает, для каких целей, в каком объеме и когда именно выделит бюджетный ресурс тому или иному министерству или иному органу центральной власти. Цели же политики, для которых якобы должен ассигноваться соответствующий бюджетный ресурс, в виде закона «О социально-экономическом развитии Украины» из года в год утверждаются *post factum* и прописываются «под» уже принятый бюджет.

В-третьих, это *порождает нестабильную государственную политику*. О преемственности политики, а значит, возможности осуществления средне- и долгосрочных программ приходится только мечтать. Новое руководство правительства или министерства пытается действовать «с чистого листа», часто игнорируя обязательства, взятые своими предшественниками. Изменение политической конъюнктуры у парламентских лоббистов приводит к тому, что

даже при действующем составе правительства в следующем году не существует никаких гарантий осуществления принятых ими решений. Это превращает в сущую бессмысленность принятие политических документов, определяющих ту или иную отраслевую стратегию государства (всевозможные национальные программы, концепции, доктрины, стратегии и т.п.). По официальным данным, в 2001 г. государством финансировалось только 3% от общенациональных программ, принятых в качестве закона, и это не считая тех, которые были утверждены указами президента, правительственными постановлениями, приказами министров и т.п.

В-четвертых, следствием этого становится *несогласованность действий правительства в разных отраслях государственной политики*. Воистину «одна рука не ведает, что творит другая!» Действия правительства в смежных сферах государственного управления часто противоречат и нейтрализуют друг друга. Для лишенного стратегических целей и действующего в режиме «пожарной команды» правительства невозможно последовательно проводить единый системный курс государственной политики. Заведомо невыполнимые программы утверждаются с целью получения благосклонности части общества («Уголь Украины», «Дети войны») либо для того, чтобы «произвести приятное впечатление» и симитировать сотрудничество со всевозможными международными организациями.

Причины этих пороков государственной политики, как нам представляется, следует искать в том, что господствующее эмоционально-персонифицированное восприятие публичной сферы не предоставляет возможности увидеть две фундаментальные проблемы современной украинской политики. Первая – *наше общество напрочь лишено полемики концептуального характера о задачах, целях, границах и формах государственного регулирования общественных процессов*, иначе говоря, о модели государственности. Вторая – *отсутствие размежевания между публичной политикой и государственным управлением*. Если первая порождает «идеологическую» размытость и программный эклектизм нынешних политических партий, из которой вырастает всеобщая убежденность в отсутствии различий между ними и в том, что «все они обещают одно и то же», и разочарование в этих институтах демократического общества, то последствия другой хоть и менее очевидны, но в силу этого намного существеннее. Ведь отсутствие различия между политикой и госуправлением имеет двойные далеко не безобидные последствия.

В первую очередь имеет место так называемая «политизация администрирования». Печально известны массовые кадровые «зачистки» по итогам очередных выборов госаппарата (после президентских выборов 2005 г. в Украине было уволено больше 10 тыс. госслужащих), соответственно – деление государственных служащих на «своих» и «чужих». И это при том, что введение института «профессиональной государственной службы» было призвано стабилизиро-

вать государственное управление, сделать его максимально независимым от «эгоизма партийных политиков» – явления, грозящего парализовать работу органов власти. Сюда же можно отнести горячие политические разборки вокруг рутинной процедуры согласования той части проектов указов президента, которые требуют «контрассигнации» ответственного за его реализацию министра и председателя правительства. Другой стороной медали неразличимости публичной политики и госуправления является своеобразная «деполитизация политики», когда проблемы целей и способов достижения государственной политики провозглашаются делом «профессионалов», а оппозиции и обществу в целом адресуется призыв «не мешать правительству работать». Тем самым нивелируется само понимание политики как сферы общих интересов (*res-publica*), она объявляется делом «профессиональных управленцев», любые же попытки широкого общественного обсуждения клеймятся как «дилетантизм» и расцениваются в качестве средства дискредитировать нынешних власть имущих.

Подводя итог сказанному, хотелось бы заметить, что дальнейшее развитие описанных нами «структурных преобразований публичности» в Украине имеет достаточно незавидную перспективу. Тотальное эмоционально окрашенное восприятие и персонифицированно-личностное истолкование происходящего в публичной сфере вместе с неопределенностью целей государственной политики, отданной на откуп закрытому обществу «профессиональных управленцев», не только угрожает будущему демократическому развитию страны, но и существенно понижает «политическое качество» ее граждан. Мы бы рискнули назвать эту тенденцию своеобразной «идиотизацией граждан», если, конечно, при этом иметь в виду античное понимание «идиота» – человека, имеющего возможность, но субъективно не способного к полноценному участию в процессах управлению государства...

**РАЗДЕЛ 2.
АСПЕКТЫ МЕДИАТИЗАЦИИ
ПУБЛИЧНОСТИ**

WWW КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

В самом общем виде политическая публичная сфера может быть описана как сфера, объединяющая многочисленные мини-публики, представленные эпизодическими дискуссиями, «организованным присутствием» и медиа-средой. Хотя новые информационно-коммуникационные технологии порождают ряд противоречивых тенденций в организации публичной коммуникации, общепризнанным является тот факт, что www создает условия для расширения традиционных и формирования новых публичных пространств. Потенциальные возможности, предоставляемые www, особенно важны в контексте современной белорусской ситуации, где онлайн-овая публичная сфера может восполнить дефицит свободной политической коммуникации хотя бы для части граждан.

На современном этапе развития теоретической мысли кажется совершенно ненужным и избыточным критиковать как технологический детерминизм, так и наивный инструментализм. Ведь, с одной стороны, технологии в определенной степени меняют поведение человека, общество «адаптируется» к использованию тех или иных механизмов. С другой – конфигурация технологической системы, как правило, отражает организационные и экономические интересы разного рода акторов, а технологический результат может быть понят как набор находящихся в свернутом состоянии социальных интересов. Технологические артефакты могут быть сконструированы как тексты, которые, в сущности, запечатлены в своих интерпретативных контекстах (и в то же время конституируют их), а компьютерные системы могут реструктурировать соци-

альные отношения, изменяя формы предоставления и способы получения информации, а также типы зависимости от доступа к ключевым ресурсам¹. Более того, «возможности» или «эффекты» внедрения той или иной технологии определяются в значительной мере способами ее репрезентации и интерпретации, убедительностью риторики. Идеология влияния технологии, в свою очередь, обуславливает возможности осуществления организационных изменений, при этом отношение людей может зависеть от приписываемых технологиям социальных характеристик так же, как и от их формальных параметров².

Другими словами, источник технических инноваций находится не только и не столько во внутренней, невоплощенной, внеличностной «логике», сколько в «социальных влияниях»³. Социальный контекст, в котором разворачивается инновация, в значительной степени определяет специфические формы технологических изменений и использования изобретений⁴.

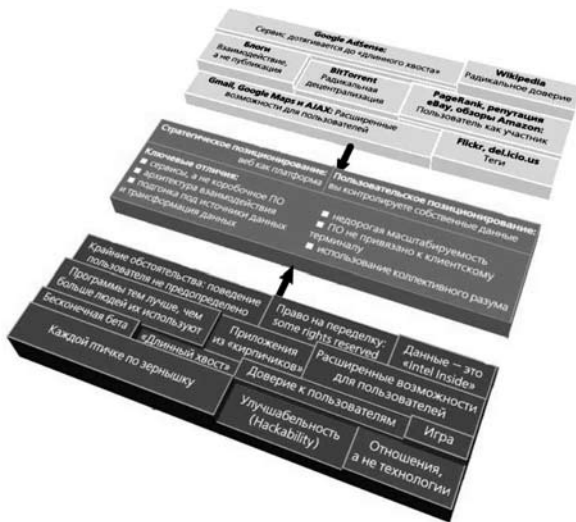
Можно, конечно, согласиться со скептической позицией Б. Барбера, когда он обращает внимание на недостаточную обоснованность уверенности членов Electronic Frontier Foundation (<http://www.eff.org>)⁵ в том, что новые технологии демократичнее старых. Однако при этом не следует забывать, что руководителями и членами этой организации являются создатели ряда сервисов Интернета Д. Фарбер, Дж. Гилмор, Б. Кале и др. Уместно было бы здесь вспомнить и имя Филиппа Циммермана, члена совета директоров организации «Компьютерные профессионалы за социальную ответственность» (Computer Professionals for Social Responsibility), создавшего «для защиты прав человека» программу шифрования электронной почты Pretty Good Privacy (PGP). Консорциум Всемирной паутины (World Wide Web Consortium, W3C <http://www.w3.org/>)⁶, организацию, разрабатывающую и внедряющую технологические стандарты для World Wide Web, возглавляет Тим Бернерс-Ли, создатель HTTP, HTML и автор множества других разработок в области информационных технологий, который активно выступает, в частности, за принципы сетевой нейтральности⁷, универсальности⁸ и Royalty-Free патентной политики⁹.

И если Интернет, как любят напоминать скептики, был создан в рамках военных программ, то World Wide Web создавался в совершенно ином контексте. В 1989 г. Т. Бернерс-Ли, сотрудник Европейской лаборатории физики элементарных частиц (CERN) в Женеве, обратился к руководству с идеей создания распределенной информационной системы обмена результатов исследований, которая объединит информационные ресурсы CERN и позволит легко переходить от одного документа к другому посредством гиперссылок. По замыслу Бернерса-Ли, сеть должна была облегчить человеку две возможности – публиковать написанное и прочитать то, что его интересует: «Я хотел, чтобы пользователи могли сами создавать нужные ссылки и документы в любом количестве, не видя при этом кода, форматирующего документ. Это должно было стать новым универсальным средством фиксации текста – возможно, www могла

бы заменить бумагу. В континууме гипертекста, простирающемся от страницы президента до страницы школьника, люди создавали бы общее поле знаний»¹⁰. Эта задача, казавшаяся еще в середине 1990-х гг. слишком амбициозной, была решена с созданием «второго поколения» сервисов, так называемого WEB 2.0 (программного обеспечения для формирования социальных онлайн-сетей, технологий вики, инструментов генерирования контента пользователями и т.п.), явившихся результатом накопления опыта разработок различных приложений www и их использования.

Основные характеристики сервисов WEB 2.0

Источник: <http://www.computerra.ru/>

Теоретики, доказывающие утопизм ожиданий «энтузиастов Интернета», реже обращают внимание на тот факт, что последние подчеркивают важность целенаправленных усилий для реализации ценностей, «встроенных» в новые информационные технологии. Так, целями организации «Компьютерные профессионалы за социальную ответственность» (Computer Professionals for Social responsibility), созданной в 1981 г., являются среди прочих: критика убеждения, что технология сама по себе способна разрешить социальные и политические проблемы, с одной стороны, и содействие использованию информационных технологий для повышения качества жизни – с другой¹¹. Чрезвычайно показательной в данном контексте является также заключительная фраза речи, произнесенной В. Серфом, одним из «отцов» Интернета, в 1999 г.: «Интернет принадлежит всем – но он не станет всеобщим, пока мы не добьемся этого»¹².

Проект «Публичная сфера» на веб-сайте общественной организации «Компьютерные профессионалы за социальную ответственность»

Источник: <http://www.cpsr.org/>

Кроме того, ряд исследователей отмечает взаимное влияние идеологии «сообщества Интернета» и «новых социальных движений», поскольку в обоих случаях акторы ориентируются на задачи изменения окружающего мира¹³. М. Кастельс показал, например, что либертарианский дух новых социальных движений «во многом повлиял на движение к индивидуализированному, децентрализованному использованию технологий»¹⁴. Так, «компьютерные профессионалы» стремятся воспользоваться исторической возможностью участия в совместной работе по возрождению гражданской культуры¹⁵, содействовать разрушению властных иерархий и информационных монополий¹⁶. Здесь следует упомянуть также движение разработчиков свободного программного обеспечения, различные объединения, формировавшиеся на основе компьютерно опосредованной коммуникации, а также использование такой коммуникации гражданскими движениями, проекты, разработанные для местных сообществ (community informatics)¹⁷. Интересно, что первая общественная система обмена сообщениями BBS – «Community Memory» – была создана в 1973 г. в США и стала информационной сетью, объединившей ряд представителей контркультурных движений, образовательных учреждений и т.п. С 1980-х гг. широкое распространение получило движение «сетей местных сообществ» (community networks)¹⁸.

Терминал Community Memory, одной из первых BBS, Беркли 1973.

Источник: <http://www.well.com/~szpak/cm/index.html>

В 1990-х гг. были созданы PeceNet¹⁹, EcoNet²⁰, GreenNet²¹, ConflictNet²², LabourNet²³ и ряд других сетей, которые позже вошли в международную Ассоциацию прогрессивной коммуникации (Association for Progressive Communication. Internet and ICT for Social Justice and Development)²⁴. Члены подобных организаций, ответственные за «пришествие Интернета», считали, что дешевые компьютерные коммуникации станут в руках граждан мощным ресурсом демократии и оружием борьбы с правительством и бизнесом.

Было бы, конечно, наивным не замечать, что описанным выше тенденциям и стремлению «пионеров Интернета» влиять на реализацию демократизирующего потенциала новых информационно-коммуникационных технологий противостоят процессы коммерциализации Интернета, расширение области использования новых ИКТ с целью усиления корпоративного и бюрократического контроля и т.п. Однако не следует недооценивать и тот момент, что в основе культуры Интернета и www лежит представление об освобождающем влиянии технологии, основанной, в частности, на таких принципах (или, если угодно, ценностях), как децентрализация; обратная связь; социальный контроль через самоорганизацию; активная роль получателя информации, который одновременно является потенциальным ее передатчиком и производителем. Не удивительно поэтому, что теории демократической делиберативной публичной сферы часто используются для концептуализации влияния Интернет-технологий на социально-политическую структуру различных обществ. Интернет и www

рассматриваются при этом как средства расширения неформальной публичной сферы и как инструменты для обеспечения прозрачности публичной власти.

В соответствии с «классической» хабермасовской концепцией в самом широком смысле публичная сфера определяется как условия, при которых индивиды могут рационально обсуждать «как равные» проблемы, имеющие общественный интерес. Такое свободное обсуждение приводит к формированию общественного мнения, способного повлиять на политику через артикуляцию общественных интересов, публичный контроль деятельности властных структур, а также участие в обсуждении и формировании публичной (государственной) политики. Институционально публичная сфера опирается на формальные и неформальные каналы и институты, обеспечивающие процесс коммуникации.

Агонистические и неомарксистские подходы концентрируют внимание на том, что «публичная сфера» в реальности представляет собой сложную сеть, охватывающую множество пересекающихся, накладывающихся друг на друга и конкурирующих между собой международных, национальных, региональных, локальных и субкультурных арен²⁵. Разнообразные факторы дифференциации «арен» или «мини-публичных сфер» включают, в частности, функциональные характеристики, тематику дискуссий, области политики, диспозиции в системе властных структур и отношений и пр. Так, Н. Фрэйзер выделяет контрпублики (counterpublics) – «параллельные дискурсивные арены, где подчиненные социальные группы изобретают и распространяют контрдискурсы для формулирования оппозиционных интерпретаций своих идентичностей, интересов и потребностей»²⁶. Такие контрпублики формулируют свои интересы и цели не через апелляцию к универсальной «буржуазной» публичной сфере, а через утверждение специфичности расы, гендера или другого²⁷. Ряд исследователей считают, что, принимая во внимание разнообразие противоречивых проблем, которые обсуждаются публично, корректнее использовать термин «критическая публика». В соответствии с таким толкованием критический характер публик измеряется их способностью узнавать доминирующие дискурсы или идеологии, которые часто навязываются социальными или экономическими силами, сопротивляться им или добиваться консенсуса. Определяющим элементом здесь служит способность субъекта справляться с различными ограничениями, чтобы изменить среду в соответствии со своими потребностями²⁸. Делиберативный процесс может осуществляться эффективно только при наличии различных дискурсивных арен и постоянных взаимодействий между такими дискурсивными аренами²⁹. Процесс же дискурсивного формирования общественного мнения носит анархический, фрагментированный характер и «сопротивляется организации»³⁰. Кроме того, публичные сферы приобретают различные модальности в зависимости от плотности коммуникации, организационной сложности и размера. Это могут быть эпизодические обсуждения (повседневные разговоры) в

сообществах, «организованное присутствие», основанное на формальных процедурах обсуждения, абстрактная публичная среда изолированных читателей, слушателей и зрителей масс-медиа³¹.

Совершенно очевидно, что качество и эффективность коммуникации между формальной и неформальной публичной сферой, между мини-публиками и является основой функционирования публичной сферы. Очевидно также, что появление новых способов коммуникации по определению расширяет возможности организации широких публичных дебатов. В частности, доступ к услугам и приложениям сети Интернет обеспечивает возможность быстрого получения и обработки больших объемов информации, способствует появлению новых форм интерактивной и децентрализованной коммуникации при одновременном снижении затрат. Однако можно ли утверждать, что на основе таких приложений Интернета, как электронная почта, usenet-группы, www и пр., возможно формирование неких виртуальных публичных сфер, которые обеспечивают условия для «идеальной речевой ситуации», содействуют вовлечению граждан в процесс принятия политических решений, помогают различным акторам (мини-публикам, контрпубликам) стать увиденными и услышанными в публичном диалоге, способствуют трансляции «общественного мнения» в политические решения? Анализ работ, в той или иной степени затрагивающих перечисленные выше проблемы, позволяет выделить три основные теоретические позиции.

Одна из них основывается на пессимистических утверждениях о том, что в современных условиях публичная сфера, т.е. совокупность арен сопоставления разнообразных интересов и воззрений и формирования общественного мнения, превращается в объект манипуляций и поэтому не может выполнять роль форума, на котором граждане могут «свободно пользоваться своим разумом». Электронные средства коммуникации позволяют власть имущим создать аппарат «промывания мозгов», а «цифровой разрыв», элитарность доступа ограничивают круг участников публичного дискурса. Невозможность открытого, продуктивного обсуждения связана и с проблемами идентичности. Кроме того, хаотические дискуссии, низкие барьеры вхождения в сообщества приводят к поляризации и «балканизации» публичной сферы. Коммодификация информации и коммерциализация Интернета, корпоративный контроль и цензура также снижают эффективность и качество онлайн-политических дебатов³².

«Кибероптимисты» отмечают такие преимущества онлайн-публичной сферы, как отсутствие географических и временных барьеров, наличие множества площадок для обсуждения. Новые средства коммуникации, по их мнению, побуждают людей, обычно индифферентных к политике, принимать участие в обсуждении общественных проблем, помогают «мелким» акторам стать увиденными и услышанными. А возможность скрыть «лицо» обеспечивает более свободное обсуждение. Письменный и, что более важно, асинхронный характер

обмена сообщениями позволяет вести более рациональные аргументированные дискуссии. Кроме того, новые средства коммуникации предоставляют дополнительные возможности для политической социализации³⁵. Ряд исследователей придерживаются точки зрения на *www* как на автономное пространство, управляемое собственной логикой, отделенное как от реального мира, так и от национальных государств и создающее особую культуру со специфическими кодами и нормами поведения, формами идентичности и социальности³⁴.

Сторонники упомянутых подходов стремятся выявить и обосновать (эмпирически или в рамках определенных теорий) господствующую, определяющую тенденцию. Однако большей эвристической ценностью, на наш взгляд, обладает позиция, основанная, во-первых, на допущении «равноправия» упомянутых выше противоречивых процессов и, во-вторых, на убеждении в том, что вместо выделения «основного вектора» необходимо понять, как место различные процессы пересекаются и взаимодействуют. В этом случае место дихотомий типа плюрализм пересекающихся публичных сфер – фрагментация», «новые группы – подавление голосов и ограниченный доступ», «отсутствие посредников – манипулятивность», «качественная симметрия – концентрация власти», «расширение участия – потребительская позиция», «свобода слова – усиление контроля», «идеальная речевая ситуация – искажение коммуникации» займет комплексное и объемное видение взаимосвязанных процессов³⁵.

Однако сложность реализации такого проекта обусловлена, прежде всего, слабой связью между теориями публичной сферы и программами эмпирических исследований *www*³⁶. Последние позволяют проверить и скорректировать многие теоретические предположения. Так, например, по предположению Ю. Хабермаса, «горизонтальное и ставшее менее формализованным образование коммуникативных сетей одновременно выхолащивает достижения традиционных публичных сфер. Ведь их функция заключалась в том, чтобы в рамках политических сообществ концентрировать внимание анонимной и рассеянной аудитории на неких избранных сообщениях, так чтобы граждане в один и тот же момент могли быть заняты одними и теми же критически отфильтрованными темами и высказываниями в их связи»³⁷. Эмпирические исследования, однако, показали высокий уровень концентрации внимания онлайн-аудитории с точки зрения внимания к общественно значимым проблемам он-лайн³⁸.

Кроме того, наличие множества толкований таких концептов, как сообщество, политическое участие и т.п., приводит к тому, что анализ этих феноменов он-лайн чаще всего вращается вокруг попыток более точного их определения. С другой стороны, при анализе, например, онлайн-публичной сферы в рамках различных теоретических парадигм затушевывается ее специфика и, как и другие феномены *www*, она становится всего лишь иллюстрацией, усиливающей позиции той или иной теории. Так, например, политико-экономический анализ системных возможностей актуализации публичной сферы посредством

различных сервисов и приложений Интернета традиционно (и справедливо) акцентирует внимание на проблемах исключения из дискурса, социального неравенства, колонизации онлайн-пространства³⁹ и недооценивает очевидный потенциал новых технологий.

Дополнительные сложности создает и отсутствие «исторических» и сравнительных (по странам) работ релевантных обсуждаемой проблематике онлайн-новых проектов⁴⁰.

Тем не менее совокупность наличных исследований онлайн-публичной сферы позволяет, хотя и с большой осторожностью, предполагать, что онлайн-«организованная публичная сфера» создает новые предпосылки для организации идеальной речевой ситуации⁴¹, на основе использования возможностей www возникают гибридные организации, которые могут действовать как партии, группы интересов и как социальные движения одновременно⁴², онлайн-новые публичные сферы в большой степени содействуют процессу трансляции общественного мнения в политические решения⁴³, приложения www (блоги, вики) создают предпосылки для демассификации медиа⁴⁴.

Потенциальные возможности, предоставляемые www, особенно важны в контексте современной белорусской ситуации, где онлайн-публичная сфера может восполнить дефицит свободной политической коммуникации хотя бы для части граждан. В этой связи интересно проанализировать сложившуюся к настоящему моменту «структуру» онлайн-публичности Беларуси, «места» киберпространства (сайты, форумы, блоги), которые в состоянии формировать повестку дня и формы коммуникаций между ними.

Как известно, онлайн-публичная сфера Беларуси начала формироваться с 90-х гг. прошлого века⁴⁵ в результате коллективных усилий частных лиц, компаний, общественных объединений, фондов, государственных учреждений. «Одни были просто самыми первыми. Они сделали первые сайты ...Другие – организовали Интернет-конференцию, первый реальный доступ десяткам, а затем и сотням пользователей. Третьи фактически открыли белорусскую информацию Западу. Четвертые создали первые значимые линк-листы и каталоги. Пятые открыли белорусской прессе Интернет и сделали эту периодику доступной для пользователей Сети. Шестые открыли и закрыли “Диван”. Седьмые обеспечили доступ к Сети белорусским ученым. Восьмые сделали первые образцы приличного и стильного дизайна. Девятые сделали первый каталог с поиском. Десятые создали первый групповой проект на английском и белорусском. Одиннадцатые собрали деньги с помощью Интернета на лечение белорусских детей. Двенадцатые развили конкурентоспособные с Рунетовскими ресурсы. Тринадцатые установили первый мегабитный канал. Четырнадцатые обеспечили возможность использовать Интернет-почту. Пятнадцатые провели первый заметный Интернет-семинар для бизнесменов. Шестнадцатые создали первые значимые

каталоги белорусских ресурсов...», – писал один из «пионеров Интернета» в Беларуси⁴⁶.

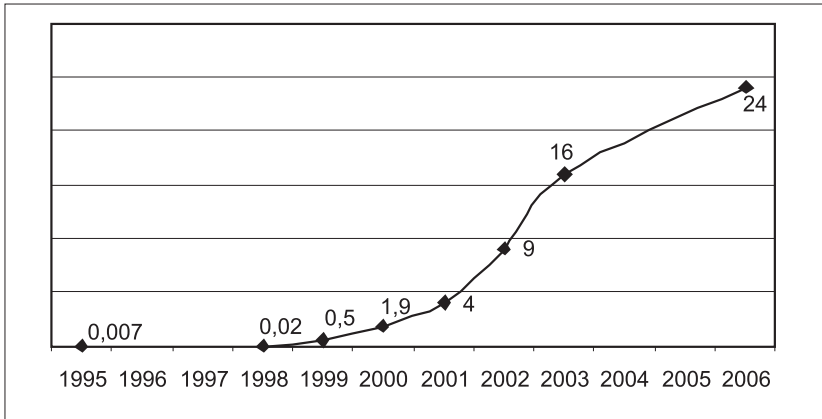
В середине 1990-х гг. в Беларуси была создана первая Usenet-группа soc.culture.belarus (модераторы П. Касаты и др.), а также первые минские чаты «Каюта» (<http://www.bas-net.by/~tk/divan/cabin.htm>) и «Диван» (www.gis.minsk.by). В конце 1990-х гг. особой популярностью пользовались форумы на сайтах «Минский слон» (<http://slon.nsys.by/>) и «Компьютерные вести он-лайн»⁴⁷. С 1994/1995 г. стал функционировать сайт «Virtual Guide to Belarus / Віртуальны гід па Беларусі» (создатели А. Арцюхович и В. Серка). А в 1997 г. были созданы ресурсы www.data.minsk.by и www.home.by. Первый предоставлял хостинг для страниц социально-культурной направленности, а второй предлагал хостинг и почтовые ящики белорусским общественным организациям. В 1999 г. появились и белорусские каталоги br.gis.com.by, akavita.kryvia.net, www.09.open.by. В 2000 г. был создан один из наиболее посещаемых белорусских ресурсов – портал tut.by⁴⁸. Первыми белорусскими газетами, создавшими онлайн-версию, стали «Minsk Economic News» (май 1996 г.) и «Вечерний Минск» (июль 1996). Позже в том же году появились «полноценные электронные версии» «Белорусской деловой газеты», газеты «Имя» и «Бюллетеня Национального пресс-центра Республики Беларусь»⁴⁹. Онлайн-версии газет появились в этот период по инициативе и при поддержке компании ГИС (GIS), созданной при государственном провайдере Интернет-доступа – Белпак в 1996 г. Именно ГИС осуществлял проект press.net, направленный на «формирование эффективной системы поиска электронных версий СМИ и информационных источников среди сетевых ресурсов, а также полнотекстовый поиск по их содержанию», обеспечение «доступа к электронным версиям центральных и региональных белорусских средств массовой информации посредством каталога, систематизированного по характеру и специализации». Разработчики проекта убеждали, что «размещение на сервере press.net выгодно белорусским изданиям, которые из-за ограниченности средств пока не способны “раскрутить” себя самостоятельно, то есть популяризировать индивидуальный сайт в Internet»⁵⁰. В течение 1998 г. компания ГИС (GIS) создала электронные версии 14 (из 29 представленных на тот момент он-лайн) СМИ Беларуси⁵¹. Еще один проект вывода периодики он-лайн (гранты на «Интернет-издания» и электронную почту для журналистов) осуществляло с 1997 г. в Беларуси Представительство Совета по международным исследованиям и обмену (IREX). В 1999 г. в каталог сайта IREX ProMedia (www.irex.minsk.by) вошло 58 сайтов белорусских СМИ, т. е. 5,8% от всего количества зарегистрированных периодических изданий⁵². В 1999 г. на портале open.by появилась первая полностью онлайн-газета⁵³.

Инфраструктура Интернета развивалась государственными органами и предприятиями в рамках программы информатизации Республики Беларусь. В 1998 г. Совет Министров Республики Беларусь принял постановление «Об офи-

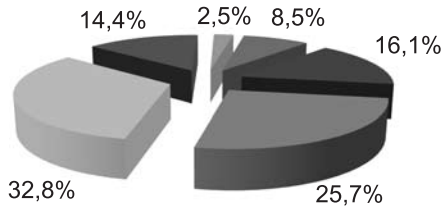
циальной информации в глобальной компьютерной сети Интернет». В том же году был создан один из первых официальных сайтов – сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь (<http://www.ncpi.gov.by/>).

Таким образом, к 2000 г., когда Интернет-пользователи составляли всего лишь 0,5% населения страны, основные структурные элементы публичной сферы (организованное присутствие, эпизодические дискуссии, масс-медиа) в той или иной степени были представлены он-лайн.

Процентный рост числа Интернет-пользователей в Беларуси⁵⁴

Распределение ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы Интернетом?» (опрос 2006 г.)⁵⁵

32,8% – нет, так как нет возможности	8,5% – да, постоянно
14,4% – не знаю, что такое Интернет	16,1% – да, время от времени
2,5% – нет ответа	25,7% – нет, так как нет необходимости

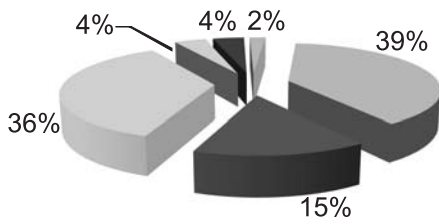
При этом правительство занимало проактивную позицию, а экономические и бюрократические интересы были одним из преобладающих стимулов реализации онлайн-проектов⁵⁶. В 2002 г. была разработана Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь», которая среди прочего включала и

разработку проектов электронного правительства⁵⁷. В 2003 г. на основе разработок Межпарламентского союза были составлены методические рекомендации для создания сайтов Парламента Республики Беларусь, и в 2004 г. состоялась официальная презентация сайта Палаты представителей www.house.gov.by⁵⁸. К концу 2004 г. большинство (70%) республиканских правительственных органов имели свои веб-страницы, а в 2005 г. Совет Министров утвердил постановление «Об информационном правительственном сайте»⁵⁹.

Что касается ассоциаций, то, по данным обзора, проведенного в 2004 г., из 539 НГО, вошедших на тот момент в список портала ngo.by, только 64 (12%) были представлены он-лайн⁶⁰. А из 18 официально зарегистрированных политических партий только 7 (39%) имели веб-сайты⁶¹. «Онлайновая тактика» независимых средств массовой информации и политических партий носила, как правило, реактивный характер: только в результате осложнения политической ситуации они почувствовали «вкус» присутствия в www. Так, с 2002 г. стала выходить «Интернет-газета» «Беларускія навіны» (<http://www.naviny.by>). В онлайн-новые издания превратились закрытые властями «Салідарнасць», «БДГ. Деловая газета». С 2006 г. активно стала работать в www «Наша Ніва», редакция которой рассматривает онлайн-версию как «запасную площадку» на случай репрессий. В настоящее время онлайн-медиа составляют примерно 10% от всего объема средств массовой информации страны, причем 6% из них – это онлайн-версии оффлайновых ресурсов⁶².

Структура белорусских онлайн-медиа. 2006 г.

Источник: <http://www.e-belarus.org/article/onlinemedia2006.html>

39% – национальные онлайн-газеты и новостные сайты
15% – региональные онлайн-газеты и новостные сайты
36% – специализированные издания
4% – интернет-радио
4% – синдикаторы новостей
2% – индимедиа

Самый популярный способ «обратной связи» для онлайн-изданий – комментарии читателей. Только немногие издания дают читателям воз-

возможность комментировать блоги журналистов, публиковать свои собственные истории⁶³.

Использование элементов гражданской журналистики

<http://www.e-belarus.org/article/onlinejournalism2007.html>

В целом потенциал онлайн-журналистики недооценивается и часто сводится исключительно к большей оперативности информирования, экономии средств и возможности в определенной степени избежать давления властей⁶⁴.

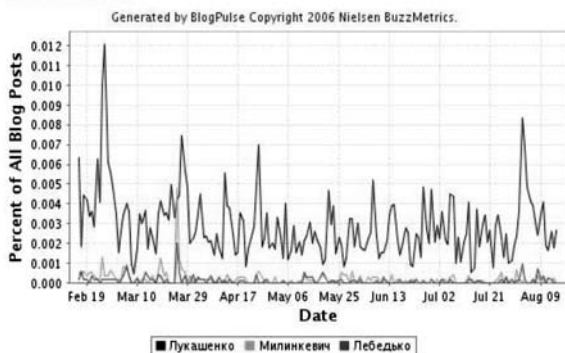
Так же узкотехнически понимаются возможности www и политиками. Как известно, первое активное использование Интернета в избирательной кампании относится к 2001 г., когда информация о ходе предвыборной кампании стала регулярно размещаться на сайтах Министерства иностранных дел (www.mfa.gov.by), Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (www.rec.gov.by), Администрации президента (www.president.gov.by), Национального центра правовой информации (www.ncpi.gov.by)⁶⁵, гражданской инициативы «Независимое наблюдение» – www.vybor.org, избирательной кампании «Выбирай» <http://www.vybiraj.org>, независимого проекта <http://election-by.narod.ru>. К первому туру местных выборов 2001 г. информационная компания БелаПАН создала специализированный ресурс «Выборы в Беларуси». <http://elections.belapan.com>, поставив задачу превратить его в полноценный архив всех избирательных кампаний и референдумов, проходивших в Беларуси с 1991 г.⁶⁶ 4 из 22 кандидатов в президенты создали персональные сайты. Политические партии также становятся заметными в онлайн-публичной сфере⁶⁷. В период парламентских выборов 2004 г. 199

кандидатов (49,8% из 400 зарегистрированных на 4 октября 2004) имели сайты или веб-страницы. Важно отметить, что все эти проекты предоставляли только отрывочную информацию о кандидатах, сосредоточившись на новостях, часто дублируя информацию других источников, и практически не предполагали «обратной связи» даже в рамках партийных структур⁶⁸.

В период президентской кампании 2006 г., когда 4 из 5 претендентов создали свои персональные страницы⁶⁹, оппозиционные кандидаты активно использовали онлайн-возможности для того, чтобы компенсировать ограничение доступа к средствам массовой информации. Однако ни один из сайтов не предполагал опросов общественного мнения или выяснения позиции аудитории, слабо использовалась также «стратегия внешних ссылок». Оппозиционным кандидатам не удалось установить онлайн-диалог с заинтересованными группами, различными слоями общественности и друг с другом⁷⁰.

Не удивительно поэтому, что белорусские политики даже в условиях практического отсутствия цензуры в www⁷¹ практически не заметны он-лайн по сравнению с действующим президентом страны, становясь «героями» новостей только в период массовых акций (см., например, данные автоматической системы мониторинга блогов Blog Pulse за период с 19 февраля до 9 августа 2007 г.).

Trend Results

Основной дискуссионной площадкой для пользователей Интернета, которые составляли в тот момент 14% населения страны, стали форумы. На портале tut.by в декабре 2003 – сентябре 2004 г. было 350 форумов, заявивших себя как «политические»⁷². Несмотря на то что в этот период только 10% посетителей портала tut.by, например, интересовались политикой⁷³, владельцы портала ввели цензуру при обсуждении политических проблем. Аргументация сторонников этого ограничения настолько одиозна (и, вероятно, показательна для белорусского общества), что хотя бы одно из высказываний стоит привести полностью:

«Политические дискуссии, как правило, тоже не несут никакой смысловой нагрузки: чаще всего они переходят в некие виртуальные разборки, а люди, обсуждающие политические вопросы в виртуальных форумах, очень редко трезво оценивают ситуацию. Политика – это тема, в чем-то схожая с религией, а эти вещи не принято обсуждать в приличном обществе. Правилами ограничивается обсуждение политики. Это не связано с каким-либо давлением властей. Просто политика в любом случае порождает столкновения и оскорбления. Большинство людей, участвующих в политических дискуссиях на форумах, слабо представляют суть происходящих процессов и руководствуются эмоциями. Как правило, все сводится к оскорблениям и перепалкам»⁷⁴.

Подобные запреты привели к оттоку пользователей на другие ресурсы, среди которых необходимо, прежде всего, упомянуть блогговую платформу LiveJournal (Живой Журнал, ЖЖ). Рост интереса к ЖЖ в Беларуси начался с 2004 г., когда число ежемесячно регистрирующихся в нем белорусов дошло до 150 в месяц. В 2005 г. в ЖЖ уже создавалось 300 новых белорусских дневников в месяц⁷⁵. В настоящее время эта самая популярная в Беларуси блогговая платформа насчитывает 19383 пользователя⁷⁶, из них около 70% – в возрасте до 25 лет, более 20% – в возрасте от 25 до 35 лет и менее 10% старше 35 лет. Число сообществ, созданных на этой платформе, превысило 300⁷⁷. По крайней мере, 17 из них можно считать политическими⁷⁸.

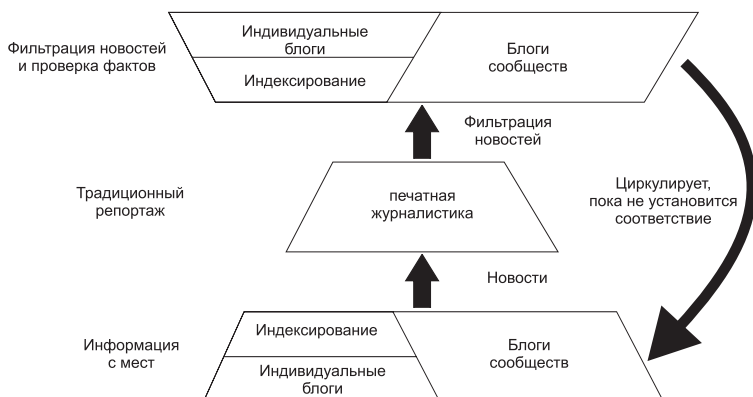
Многие исследователи отмечают оперативность, конкурентоспособность, «плотность ссылок» блогов, в том числе и читательских. Блогеры «выступают в роли старателей, просеивающих тонны руды в поисках золотых самородков»⁷⁹, и не боятся рисковать, публикуя информацию, которую предпочитают не замечать осторожные традиционные средства массовой информации. Один из ярких примеров – события 2006 г., когда белорусский livejournal стал первым источником информации о драке в электричке Минск – Пуховичи в сентябре того же года. Общественный резонанс и активные дискуссии на форумах привели к тому, что о происшествии вынужден был рассказать и белорусский общенациональный канал БТ⁸⁰.

В. Мартинович, приведя еще ряд подобных примеров в статье «Трудно быть с блогом. Закрыть еще трудней», заметил, что «газеты в этих ситуациях играли принципиально новую для себя роль – они не сообщали новости и не комментировали их». Это уже было сделано блогерами; «единственной функцией традиционной прессы был рассказ не имеющей доступа к Интернету публике о том, что обсуждается в блогах»⁸¹. Смещение независимого информационного поля в область гражданских инициатив является одной из наиболее заметных тенденций в сфере функционирования продемократических онлайн-информационных ресурсов. Как справедливо заметил Игорь Трафимович, обладатель интернет-премии «Титаник Байнета» (<http://tiba.by>), «урегулировать эту но-

вую модную форму общения» чрезвычайно сложно, так как блогер сам является хозяином своего ресурса»⁸².

Интернет и публичная сфера. Блоги.

Источник: <http://www.microcontentnews.com/articles/blogosphere.htm>

К этому необходимо добавить и то, что, по мнению ряда профессиональных белорусских журналистов, асимметричная и дисперсная коммуникация является сегодня единственно эффективной и что «контрвещание» должно вестись «неправильными» с точки зрения сформированной медиа-системы средствами массовой информации»⁸³. Тем не менее журналисты не торопятся включать «гражданскую самодеятельность» в свои проекты.

Не спешат это делать и политики, хотя президентские выборы 2006 г. показали, что блоги, форумы, дискуссии в онлайн-обществах, онлайн-информационные ресурсы стали заметной чертой кампании. Сформировалось даже мнение, что блоги могут стать более важным фактором в публичной политике, чем «какой-нибудь откровенно оппозиционный сайт, где все новости и оценки понятны и предсказуемы»⁸⁴. Белорусские же политики, как справедливо заметил журналист онлайн-газеты «Ежедневник» Сергей Иванов, демонстрируют «коммуникационный консерватизм и не желают плести свои кружева в глобальной информационной сети»⁸⁵. Список белорусских политиков и политологов, ведущих блоги, короток: бывший спикер Совета республики академик Александр Войтович, заместители председателя Партии БНФ Алексей Янукевич и Александр Михалевич, заместитель председателя Объединенной гражданской партии Александр Добровольский, аналитики Александр Федута, Юрий Шевцов, Виталий Силицкий⁸⁶.

Показателен в этом смысле тот факт, что белорусские политики и общественные деятели предпочитают иметь сайты, а не блоги. Личный блог Алек-

сандра Милинкевича, планировавшийся к запуску на сайте www.milinkevich.org во второй половине августа 2007 г., не предполагает комментирования, а форум вообще не планируется, поскольку «убирать нелицеприятные характеристики определенных посетителей Милинкевичу не с руки, он ведь за свободу, в том числе от политической цензуры. С другой – распространять бред и хамство, пусть даже в сторону власти, на своем ресурсе политик не считает целесообразным»⁸⁷.

Итак, ни онлайн-медиа, ни сайты политических партий и госучреждений не предполагают публичного диалога. Граждане комментируют статьи, но журналисты не задают им вопросов. Граждане посещают сайты политиков и политических партий, но политики не интересуются их мнением. Например, журнал «Новая Европа» открыл читательский блог «Размышления о будущем Беларуси» <http://n-europe.eu/blogs/futur/>. Но обратят ли на это внимание белорусские политики? Или это останется так же не услышанным, как и проект «Візія Беларусі» (czalex.livejournal.com/282770.html)? Госорганы «разъясняют» свою политику он-лайн⁸⁸, но не приглашают граждан к участию в принятии решений, ограничиваясь, как правило, «ответами на вопросы».

В общем, www в Беларуси, несмотря на множество онлайн-политических, медийных и т.п. проектов, не стал ни сферой демократической публичной делиберации, ни местом дискурсивной борьбы между доминирующим и оппозиционными («исключенными») дискурсами, представляя собой, в сущности, совокупность изолированных от граждан и друг от друга онлайн-«мест». Данная тенденция пока остается преобладающей, несмотря на реализацию таких инициатив, как [bel.biz](http://www.bel.biz) (www.bel.biz), представляющей собой «эмбрион» гибридной онлайн-организации, или сетей, созданных по образцу сетей сообществ 1980-х гг. («Белорусская женская сеть» (<http://belwomnet.iatp.by>), Белорусский экологический портал (www.priroda.org) и т.п.).

Для концептуализации онлайн-деятельности в данной ситуации скорее подходят автономистские модели, трактующие www как средство реализации радикальной политики, оппозиционной деятельности, «обходящей» централизованные иерархические структуры. Достаточно упомянуть широко известные белорусские флэш-мобы, организаторы и идейные вдохновители которых активно сопротивлялись инкорпорации в движение А. Милинкевича, акцию «Подари Лукашенко его Лунет!» (www.fromlu.net) и многие другие «автономные свободные зоны» в www.

Таким образом, хотя потенциальные возможности, предоставляемые www, породили в контексте белорусской ситуации надежды на то, что политическая делиберативная публичная сфера будет (ре)конструирована он-лайн, институциональный застой «демократической оппозиции», нелиберальная и патриархальная культура лидеров не позволяют им увидеть потенциал децентрализованной, индивидуализированной коммуникации, возможности новой

«демократической субкультуры» и новых форм «существования в свободе»⁸⁹, встроены в новые технологии.

Обсуждение реформы административных реформ для бизнеса на сайте (www.bel.biz)

Киберпространство поэтому рассматривается гражданами активистами и критическими интеллектуалами прежде всего как сфера автономных альтернативных политических, культурных и т.п. практик, противостоящих авторитарной власти. Понимание публичной сферы как коммуникативного/делиберативного процесса стало вторичным по отношению к автономистским моделям. В результате *www* предстает белорусской публике как резервуар политических идей, как сеть неких автономных зон и практик. Коммуникация между публиками, контрпубликами, формальной и неформальной сферами, которую Интернет теоретически (и во многих странах практически) облегчает и стимулирует, остается слабым местом белорусского сегмента Сети. А потому и трансляция общественного мнения в политические решения при помощи новых коммуникационных технологий остается для Беларуси делом будущего. Вопросы же, поставленные в одной из дискуссий 2005 г. – как возможно публичное пространство в белорусском контексте и какую роль может сыграть Сеть в развитии белорусского публичного дискурса, – до сих пор остаются без ответа⁹⁰.

Примечания

¹ Woolgar, S. Computers and the Transformation of Social Analysis / S. Woolgar, K. Grnt // Science, Technology and Human Values. 1991. V.16. № 3. Русский перевод доступен через: <http://www.v-lab.unn.ru/texts/Woolgar_Grnt.htm> (цит. от 2007.08.28)

- ² Kling, R. Computerization and social transformations / R. Kling // Science, Technology, & Human Values. 1991. V. 16. P. 342–367; Woolgar, S. Computers and the Transformation of Social Analysis / S. Woolgar, K. Grint // Science, Technology and Human Values. 1991. № 3. P. 368–378.
- ³ Edge, D. The Social Shaping of Technology / D. Edge // Information Technology and Society. London, 1995. P. 14–32. Русский перевод доступен через: <http://www.v-lab.unn.ru/texts/Edge_Social_Shaping_of_Technology.htm> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴ The Social Construction of Technological System. London, 1987.
- ⁵ Electronic Frontier Foundation основана в 1990. Цель организации – «обеспечить всеобщий доступ к недавно появившимся технологиям связи, позволяющим принимать активное участие в событиях, происходящих в мире» через разработку законопроектов, защищающих основные конституционные гражданские права пользователей новых коммуникационных технологий; стратегии общих требований цензуры для всех служб сети, чтобы любые высказывания, даже если они спорны, не подвергались какой-либо дискриминации; создание многообразных сообществ, которые дают возможность всем гражданам иметь свой голос при достижении “информационного” возраста» (EFF’s Guide to the Internet, v.2.22). Русский перевод: Руководство по глобальной компьютерной сети Internet. 1994. Доступно через: <http://www.citforum.ru/internet/inet_tut/index.shtml> (цит. от 2007.08. 28).
- ⁶ Консорциум Всемирной паутины (World Wide Web Consortium, W3C <http://www.w3.org/>)
- ⁷ Сетевая нейтральность – равноправие любого трафика независимо от его источника. Например, VoIP-трафик одного оператора не может быть приоритетным по отношению к VoIP-трафику другого оператора, даже если этому оператору принадлежат каналы связи. Попытки отказаться от этого стандарта вызвали широкий общественный резонанс в США (доступно через: <<http://www.savetheinternet.com/>> (цит. от 2007.08.28)). Интересно отметить, что в Европе эта проблема практически не обсуждается.
- ⁸ По словам самого Бернерса-Ли, уже в 1992 г. он почувствовал, что от популяризации www пора переходить к контролю за сохранением принципов универсальности. Так, World Wide Web Consortium (W3C) работает над тем, чтобы все то новое, что появляется в Сети, было общедоступно независимо от компьютерного оборудования, программ, провайдеров и культурных особенностей самого пользователя. На сегодняшний день W3C довольно далеко продвинулся в разработке самих стандартов. Например, сейчас там занимаются приложениями, до реального применения которых еще очень далеко. Другое дело, что поддерживать даже гораздо более низкие общие стандарты компании-разработчики соглашаются все неохотнее (Алексеев, А. Сеть, которая умнее людей / А. Алексеев // Нетоскоп/Тема/29.12.2001. Доступно через: <<http://www.netoscope.ru/theme/2001/12/29/4467-print.html>> (цит. от 2007.08.28).

- ⁹ В 2003 г. Консорциум *www* (W3C) объявил о введении официальной политики, которая обеспечивает возможность использования ключевых веб-технологий на бесплатной основе даже в том случае, если они запатентованы. Особый упор делается также на реализацию принципов общедоступности (*accessibility*) – обеспечение доступности ресурсов *www* для людей с ограниченными физическими возможностями; аппаратной независимости (*Device Independence*) – программы не должны быть рассчитаны на конкретное физическое оборудование, а должны работать на любой аппаратуре; интернационализации (*Internationalization*) – доступности информации на всех языках мира, а не только на английском (см. также предыдущую ссылку).
- ¹⁰ Цит. по: Семенов, А. Бернерс-Ли – отец *www*. Доступно через: <<http://www.i2r.ru/article.shtml?id=5785/>> (цит. от 2007.08.28).
- ¹¹ Доступно через: <<http://www.cpsr.org/>> (цит. от 2007.08.28).
- ¹² «Internet IS for everyone – but it won't be unless WE make it so» (Serf, V. The Internet is for Everyone / V. Serf. Speech to the Computers, Freedom and Privacy Conference, April 7, 1999. Доступно через: <http://www.wallonie-isoc.org/Documents/Internet_is_for_everyone_Vint_Cerf.htm> (цит. от 2007.08. 28). См. также: Brody, H. Of bytes and rights: Freedom of expression and electronic communications / H. Brody // *Technology Review*. 1992. № 8. P. 22.
- ¹³ Gamson, W. The strategy of social protest / W. Gamson. Belmont, 1975; Aronson, N. Science as a claims-making activity: Implications for social problems research / N. Aronson // *Studies in the Sociology of Social Problems*. Norwood, NJ, 1984. P. 1–30; Computer Professionals for Social Responsibility. Action-oriented research // *The CPSR Newsletter*. 1992. № 1–2; Computer Professionals for Social Responsibility. Serving the community: A public interest vision of the National Information Infrastructure // *The CPSR Newsletter*. 1994. № 4 . P. 1–10; Dunlop, Ch. Computerization and Controversy: Value Conflicts and Social Choices / Ch. Dunlop, R. Kling (eds.). San Diego, 1999; Kling, R. The mobilization of support for computerization: The role of computerization movements / R. Kling, S. Iacono // *Social Problems*. 1988. № 3. P. 226–243; Schuler, D. Community networks: Building a new participatory medium / D. Schuler // *Communications of the Association of Computer Machinery*. 1994. № 1. P. 39–51.
- ¹⁴ Кастельс, М. Информационная эпоха / М. Кастельс. М., 2000. С. 495–496.
- ¹⁵ Schuler, D. Computer Professionals and the next Culture of Democracy / D. Schuler // *Communications of the ACM*. № 1. P. 52–57. Доступно через: <<http://www.scn.org/commnet/cacm-2001.html>> (цит. от 2007.08.28); Его же. New Community Networks: Wired for Change. Доступно через: <<http://www.scn.org/ncn>> (цит. от 2007.08. 28].
- ¹⁶ Iacono, S. Computerization Movements and Tales of Technological utopianism / S. Iacono, R. Kling // *Computerization and Controversy: Value Conflicts and Social Choices*. Academic Press, 1995. Доступно через: http://www.eff.org/Net_culture/Infotopia/tech_utoopia.paper (цит. от 2007.08.28).
- ¹⁷ 'The Information Gap'. Special Issue // *Journal of Communication*. 1989. № 3.

- ¹⁸ Schuler, D. *New Community Networks. Wired for Change* / D. Schuler. Wesley, 1996. Доступно через: <<http://www.scn.org/ncn/>> (цит. от 2007.08.28); Feenberg, A. *Community in the Digital Age: Philosophy and Practice* / A. Feenberg. Rowman & Littlefield Publishers, 2004; Shepherd, J., Rothenbuhler E. *Communication and Community* / J. Shepherd, E. Rothenbuhler. LEA, 2001.
- ¹⁹ Доступно через: <<http://www.jca.apc.org/~y-okada/igc/peacenet/about.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ²⁰ Доступно через: <<http://www.jca.apc.org/~y-okada/igc/econet/>> (цит. от 2007.08.28).
- ²¹ Доступно через: <<http://www.gn.apc.org/>> (цит. от 2007.08.28).
- ²² Доступно через: <<http://www.jca.apc.org/~y-okada/igc/conflictnet/>> (цит. от 2007.08.28).
- ²³ Доступно через: <http://www.jca.apc.org/~y-okada/igc/labornet/> (цит. от 2007.08.28).
- ²⁴ Доступно через: <<http://www.apc.org/english/index.shtml>> (цит. от 2007.08.28).
- ²⁵ Benhabib, S. *Toward a deliberative model of democratic legitimacy* / S. Benhabib // *Democracy and difference: contesting the boundaries of the political*. Princeton, 1996; Bohman, J. *Public deliberation: pluralism, complexity and democracy* / J. Bohman. Cambridge, 1996; Cooke, M. *Five Arguments for Deliberative Democracy* / M. Cooke // *Political Studies*. 2000. V. 48. P. 947-969; Dryzek, J. *Deliberative democracy and beyond: liberals, critics and contestations* / J. Dryzek. Oxford, 2002; Gutmann, A. *Democracy and disagreement* / A. Gutmann, D. Thompson. Cambridge, 1996; Fishkin, J. *Debating deliberative democracy* / J. Fishkin, P. Laslett. Oxford, 2003; Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* / J. Habermas. Cambridge, 1998; Calhoun, C. *Habermas and the public sphere* / C. Calhoun (ed.). Cambridge, 1992; Хабермас, Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / Ю. Хабермас. СПб., 2000.
- ²⁶ Fraser, N. *Rethinking the Public Sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy* / N. Fraser // *Habermas and the public sphere* / C. Calhoun (ed.). Cambridge, 1992.
- ²⁷ Asen, R. *Counterpublics and the state* / R. Asen, D. Brouwer (ed.). New York, 2001. P.7.
- ²⁸ Cooke, M. *Five Arguments for Deliberative Democracy* / M. Cooke // *Political Studies*. 2000. V. 48. P. 947-969.
- ²⁹ Mansbridge, J. *Everyday talk in deliberative system* / J. Mansbridge // *Deliberative politics: essays on democracy and disagreement* / M. Macedo (ed.). Oxford, 1999; Conover, P. *The Deliberative Potential of Political Discussion* / P. Conover [et al.] // *British Journal of Political Science*. 2002. V.32. P.21-62; Hendriks, C.M. *Integrated deliberation: reconciling civil society's dual role in deliberative democracy* / C.M. Hendriks // *Political Studies*. 2006. V. 54. P. 486-508.
- ³⁰ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* / J. Habermas. Cambridge, 1998. P. 307.

- ³¹ Ibid. P. 373–374.
- ³² Norris, P. The Minnesota E-Democracy Project: Mobilizing the Mobilised? / P. Norris [et al.] // *The Internet and Politics. Citizens, Voters and Activists (Democratization Studies S. v. 2)*. London, 2005.
- ³³ Lusoli, W. The Internet and Youth Civic Engagement in the United States / W. Lusoli [et al.] // *The Internet and Politics. Citizens, Voters and Activists (Democratization Studies S. v. 2)*. London, 2005.
- ³⁴ См., например: Morley, D. *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries* / D. Morley, K. Robbins. London, 1995; а также ресурсы habermas@yahoogroups.com and habermas@lits.village.virginia.edu
- ³⁵ Agre, P. Real-Time Politics: The Internet and the Political Process / P. Agre // *The Information Society*. 2002. № 18. P. 311–331.
- ³⁶ Heng, M. From Habermas’s Communicative Theory to Practice on the Internet / M. Heng, A. de Moor // *Information Systems Journal*. №.13. P. 331–352; Klein, H.K. Tocqueville in Cyberspace: Using the Internet for Citizen Associations / H.K. Klein // *The Information Society*. 1999 № 4. P. 213–220; Ranerup, A. Factors affecting discussions in online forums in local governments / A. Ranerup // *ACM SIGGROUP Bulletin*. 1999. № 2. P.11–13.
- ³⁷ Из речи, произнесенной Юргеном Хабермасом 9 марта 2006 г. по случаю вручения ему Премии им. Бруно Крайски. Доступно через: <<http://www.politizdat.ru/outgoung/46/>> (цит. от 2007.08.28).
- ³⁸ Bimber, B. The Internet and Political Fragmentation. Paper prepared for presentation at the “Democracy in the 21st Century” conference, University of Illinois, Urbana-Champaign, October 24–26, 2004. Доступно через: <<http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/bimber/polfragexcerpt.htm>> (цит. от 2007.08.28).
- ³⁹ Benkler, Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom* / Y. Benkler. Yale Press, 2006. Доступно через: <http://en.wikipedia.org/wiki/The_Wealth_of_Networks> (цит. от 2007.08.28); Benkler, Y. Freedom in the Commons, Towards a Political Economy of Information / Y. Benkler. Lecture at Duke L.J., 2003. Доступно через <<http://www.law.duke.edu/shell/cite.pl?52+Duke+L.+J.+1245>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁰ Vedel, T. Political Communication in the Age of Internet / T. Vedel // *Political Communication in a New Era: A cross-national perspective* / P.J. Maarek, G. Wolfsfeld (eds.). London, 2003. P. 41–59.
- ⁴¹ Froomkin, M.A. [Habermas@discourse.net](mailto:habermas@discourse.net): Toward a Critical Theory of Cyberspace / M.A. Froomkin // *Harvard Law Review*. 2003. No. 3. January 2003. Доступно через: <<http://ssrn.com/abstract=363840>>, <10.2139/ssrn.363840> (цит. от 2007.08.28); Coleman, S. *Online Public Engagement in Policy Deliberation* / S. Coleman, J. Gotse. London, 2001; Ferguson, R. *Digital Dialogues/Interim Report (December 2005 – August 2006)* / R. Ferguson. London, 2006.
- ⁴² Chadwick, A. *Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies* / A. Chadwick. New York, 2006.

- ⁴³ Bimber, B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Populism / B. Bimber // *Polity*. 1998. №. 1. P. 133-160; Becker, B. Wehner J.J. Wehner ologies.). *Electronic Media and Civil Society* / B. Becker, J. Wehner // *Towards an Intercultural Global Village* / Ch. Ess (ed.). New York, 2001. Berdal, S. R. B. Public deliberation on the Web: A Habermasian inquiry into online discourse. Hovedfag Thesis. Dept. of Informatics. University of Oslo, 2004. Доступно через: < <http://heim.ifi.uio.no/~simonb/Studier/hfag/FERDIG/CD/thesis.pdf>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁴ Benkler, Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom; Media. Technology. Society. Opportunity for Impact. Key Findings.* The American Press Institute. The Media Center / Y. Benkler. N.Y., 2005. Доступно через: <<http://www.mediacenter.org/05/harvard/MTS-FullwithSummary.pdf>> (цит. от 2007.08.28); Stiler, J. *Blogosphere: the Emerging Media Ecosystem* / J Stiler // *Microcontentnews.com*. 2002. May 28. Доступно через: <<http://www.microcontentnews.com/articles/blogosphere.htm>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁵ Первая белорусская компьютерная сеть обмена данными BAS-NET, объединившая 10 научных институтов, была создана в 1991 г. В 1991–1995 гг., в период создания инфраструктуры Интернет, основным доступным сервисом была электронная почта. Частью глобальной сети Интернет белорусские сети обмена данными стали в середине 1990-х, когда начал функционировать внешний канал Минск – Варшава с подключением по TCP/IP-протоколу и Беларусь стала членом NSFNET (Doroshevich M. Review 1996. Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/review/review1996.html>> (цит. от 2007.08.28); Doroshevich, M. Review 2000. <<http://www.e-belarus.org/review/review2000.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁶ Обсуждение интервью с Алексом Дробышем // *Компьютерные вести on-line. Форум.* Доступно через: <<http://www.kv.by/forum/forum1000000533.htm&infirst=-10>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁷ Неумержицкий, В. «Минский слон» коннектит пипл. Доступно через: http://www.ttb.by/community/articles/vladimir_neumerjicky.htm (цит. от 2007.08.28); Накіды кароткай гісторыі беларускага інтэрнэту. 1991 — 1997. Доступно через: <<http://l-z.livejournal.com/15425.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁸ Дмитриев, С. Внутренняя кухня Интернет-проекта – от идеи до реализации / С. Дмитриев // 2007-07-30 BYBANNER.com. Доступно через: <<http://analytics.bybanner.com/article/5493.html>> (цит. от 2007.08.28); История. Доступно через: <<http://tutby.com/about/history>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁴⁹ Накіды кароткай гісторыі беларускага інтэрнэту. 1991 — 1997; Яровенко, М. Новое измерение для белорусской прессы. Доступно через: < http://bdg.press.net.by/1998/98_06_29.479/internet.htm> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁰ Яровенко, М. Новое измерение для белорусской прессы.

- ⁵¹ Яровенко, М. Новое измерение для белорусской прессы.; Накіды кароткай гісторыі беларускага інтэрнэту. 1991–1997.
- ⁵² Количество периодических изданий в Беларуси составляло в 1998 г. 1000 (Орлова, Т. Сотрудничество редакции с аудиторией / Т. Орлова // Основы творческой деятельности журналиста. Доступно через: <http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=42&bid=471> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵³ Марголин, Д. Байнет девятнадцать девяносто девять / Д. Марголин // Компьютерные вести онлайн. 1999. Доступно через: <<http://www.kv.by/index1999510601.htm>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁴ Дорошевич, М. ИКТ инфраструктура в Беларуси. Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/docs/by-infrastructure.ppt>> (цит. от 2007.08.28); Институт социологии. Сектор социологии средств массовой коммуникации и информационных технологий. Интернет. 2006 г. Доступно через: <<http://sociology.by.org/structure/Inet.html>> (цит. от 2007.08.28); Секлицкий // Компьютерные вести. 2001. № 6. Доступно через: <www.inter.net.by/news/november3.html> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁵ Институт социологии. Сектор социологии средств массовой коммуникации и информационных технологий. Интернет. 2006 г. По данным этого опроса, среди руководителей высшего звена почти половина, а именно 45,3%, постоянно пользуются Интернетом. Второе место здесь занимают учащиеся и студенты, среди которых 34,6% постоянно пользуются сетью Интернет.
- ⁵⁶ См., например: Внутренняя кухня интернет-проекта – от идеи до реализации Интервью с Сергеем Дмитриевым об истории TUT.by. Доступно через: <<http://analytics.bybanner.com/article/5493.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁷ Sokolova, M. The Place of Civil Society Actors in E-Gov programming / M. Sokolova. Budapest, 2006. P. 12-13. Доступно через: <http://www.policy.hu/sokolova/sokolova_research_april.pdf> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁸ Белорусский парламент вышел в Интернет-пространство // Новости ПРООН в Беларуси. Доступно через: <<http://un.by/ru/undp/news/belarus/29-06-04-2.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁵⁹ Sokolova, M. The Place of Civil Society Actors in E-Gov programming.
- ⁶⁰ Doroshevich, M., Sokolova, M. Human Rights Organisations and the Internet in Belarus 2004. Доступно через: <http://www.e-belarus.org/article/hro.html> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶¹ Sokolova, M., Doroshevich, M. Belarus: Human Rights Organizations and Internet.
- ⁶² Belarusian Media Online 2006. Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/docs/onlinemedia2006.pdf>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶³ Belarusian Online Journalism: Citizens' Generated Content And Web 2.0 (a survey of 21 most popular Belarusian news web-sites). Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/article/onlinejournalism2007.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶⁴ Класкоўскі, А. Уводзіны ў інтэрнэт-журналістыку. Доступно через: <<http://www.baj.by/belkalehium/lekyji/zhurnalistyka/klaskouski01.htm>> (цит. от 2007.08.28); Анціпенка, А. Беларуская медыя-сітуацыя: у якіх кірунках яна

- мога мянцаца? / А. Анціпенка // Беларуская асацыяцыя журналістаў. Навіны. 22.02.2007. Доступно через: <<http://www.baj.by/news/?id=656&page=4>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶⁵ См.: <http://belaruselections.info/archive/2001/chronicle/0031820/>
- ⁶⁶ См.: <http://belaruselections.info/archive/2003/chronicle/0032148/>
- ⁶⁷ Шурочкин, А. MILINKEVICH.BY – имидж с бородой. 20 октября 2005 г. Доступно через: <<http://www.ucpb.org/?lang=rus&open=1390>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶⁸ Doroshevich, M., Sokolova, M. Belarusian Parliamentary Elections in the Internet. Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/article/elections2004.html>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁶⁹ Хотя реально сайты были у всех претендентов, поскольку официальный сайт освещал деятельность действовавшего и участвовавшего в выборах Президента Беларуси.
- ⁷⁰ Online Campaigning in Presidential 2006 Presidential elections in Belarus. Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/docs/epolitics2006.pdf>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁷¹ Хотя государственная компания Белтелеком является монополистом, можно назвать только несколько случаев явных ограничений доступа к определенным сайтам. Прежде всего, это касается блокирования ряда оппозиционных ресурсов во время президентских избирательных кампаний 2001, 2005 и 2006 гг., а также блокирование сайта gay.ru. Среди фактов цензуры можно упомянуть также «корпоративные фильтры» государственных учреждений и университетов. Как правило, такие фильтры вводятся под предлогом ограничения трафика (скачивания больших файлов – музыка, кино), борьбы с порнографией и т.п. Несмотря на высказывания некоторых официальных лиц, в настоящее время законодательно контролируются только некоторые аспекты деятельности, связанной с Интернетом (например, Интернет-магазины, сайты знакомств, компьютерные клубы и т.п.). В настоящее время белорусский парламент обсуждает проект «Закона об информации, информатизации и защите информации», первое слушание которого состоялось весной 2007 г. Этот проект содержит некоторые предпосылки для усиления контроля в области онлайн-деятельности, которые, однако, могут быть реализованы только при условии разработки соответствующей нормативной базы.
- ⁷² Источник: <<http://forums.tut.by/postlist.php?Board=socleader>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁷³ Исследования Интернета. Доступно через: < <http://tut.by.com/publications/analysis/> > (цит. от 2007.08.28).
- ⁷⁴ Живлов, Г. Байнет: NET или DA? / Г. Живлов // Белгазета. 2005. № 16 [484]. Доступно через: <<http://www.belgazeta.by/20050425.16/320044412>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁷⁵ Реальность и перспективы Байнета. Интервью с Федором Короленко // Компьютерные вести on-line. 2007. № 24. Доступно через: <www.kv.by/index2007004300.htm&first=20> (цит. от 2007.08.28).

- ⁷⁶ Данные на 25 июля 2007 г. (источник: <<http://www.livejournal.com/stats.bml>> (цит. от 2007.08. 28)). Беларусь, кстати, входит в 15 стран, где эта блогговая платформа является наиболее популярной.
- ⁷⁷ В данной статье речь идет только о приложениях www, поэтому не учитывается информация о usenet-группах и т.п.
- ⁷⁸ <http://community.livejournal.com/by_politics> (Беларуская палітыка); <http://community.livejournal.com/mir_belarusi> (Беларусь. Белая Русь. White Russia); <http://community.livejournal.com/plac_2006> (Пляц Кастуся Каліноўскага – 2006); <http://community.livejournal.com/int_relations> (Международные отношения); <<http://community.livejournal.com/pbpf>> (ЖЖ сучполка Партыі БНФ); <http://community.livejournal.com/by_mf> (Сеціўная сучполка Маладога Фронту); <http://community.livejournal.com/by_monarchist> (Беларускія манархісты); <http://community.livejournal.com/by_nacyjanalizm> (Беларускі нацыяналізм); <http://community.livejournal.com/by_mob> (Общественный флэш-моб. Беларусь); <http://community.livejournal.com/by_babilon> (Бабілон); <http://community.livejournal.com/truba_by> (Коммьюнити про беларускую трубу и не только); <http://community.livejournal.com/socialism_by> (Социалисты Беларуси); <http://community.livejournal.com/dialog_by> (Сообщество национального диалога); <http://community.livejournal.com/novaja_belarus> (Паспортный стол Новая Беларусь); <<http://community.livejournal.com/scientia>> (Scientia); <http://community.livejournal.com/svoja_strana> (Белорусское виртуальное государство); <http://community.livejournal.com/public_sphere> (Публичная сфера). Доступно через: <<http://www.e-belarus.org/links/lj.html>> (цит. от 2007.08.28). См. также: Места трепа в БелНете. Доступно через: <<http://ip251-244.17.dsl.minsktelecom.by/index.php?mode=onl>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁷⁹ Drezner, D., Farrell, H. The Power and Politics of Blogs. 2004. Доступно через: <<http://www.utsc.utoronto.ca/~farrell/blogpaperfinal.pdf>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁸⁰ Мартинович, В. Трудно быть с блогом. Закрывать ещё трудней / В. Мартинович // Белгазета. 2006. № 39 [558]. Доступно через: <<http://www.belgazeta.by/20061002.39/010090141/>> (цит. от 2007.08. 28).
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Живлов, Г. Байнет: NET или DA?
- ⁸³ Костюгова, В. Проблемы и перспективы независимых СМИ (II) / В. Костюгова [и др.] // Наше мнение. 24.10.06. Доступно через: <<http://www.nmnbu.org/pub/0610/24d.html>> (цит. от 2007.08.2).
- ⁸⁴ Там же; Мартинович, В. Трудно быть с блогом. Закрывать ещё трудней.
- ⁸⁵ Иванов, С. Милинкевич станет блоггером / С. Иванов // Ежедневник. 24.07.2007. Доступно через: <<http://news.tut.by/politics/91578.htm>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁸⁶ Иванов, С. Милинкевич станет блоггером.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Doroshevich, M., Sokolova, M. Government in Belarus - interactivity lacking

- ⁸⁹ Сіліцкі, В. Памятаць, што дыкататуры руйнуюцца / В. Сіліцкі // *ARCHE*. 2006. № 7–8. Доступно через: <<http://arche.bymedia.net/2006>> (цит. от 2007.08.28).
- ⁹⁰ Миненков, Г., Ролёнок, А. Интеллектуалы: между «единицей» и массой». Дискуссия. Доступно через: <<http://www.belintellectuals.eu/discussions/?id=25>> (цит. от 2007.08.28).

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В БЕЛОРУССКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

В данной работе наш исследовательский интерес будет касаться не столько общественной роли публичности и вопроса о том, можно ли вообще говорить о существовании публичной сферы в Беларуси, сколько того, каким образом и почему в официальных белорусских медиа-текстах происходит смещение границ частного и публичного дискурсов. Кроме того, в работе будет предпринята попытка выявления элементов идеологического интердискурса в социально-политических медиа-текстах¹.

Сразу следует уточнить, что именно понимается под дихотомией публичное/частное в данной работе. Используемая трактовка публичного/частного восходит к работам представителей «критического анализа дискурса», в частности к работам Н. Фэйрклафа, Г. Кресса и др.

В книге «Медиа-дискурс» ее автор Норманн Фэйрклаф указывает на две особенности современных медиа-дискурсов:

- 1) наличие дихотомии информирование/развлечение с тенденцией сдвига к развлечению;
- 2) наличие дихотомии публичное/частное с тенденцией сдвига к частному.

Первая тенденция проявляется в том, что медиа-тексты, заведомо манифестирующие свою принадлежность к информационным жанрам – новости, документальные фильмы и т.п., обнаруживают все больше черт, присущих развлекательным жанрам (мыльным операм, сериалам и т.п.). С точки зрения Н. Фэйрклафа, это есть результат усиливающейся коммерциализации медиа и рассмотрения членов аудитории в качестве потребителей медиа-продукции: законы рынка предписывают создание таких медиа-текстов, которые были бы в наибольшей степени привлекательными для потребителей.

Вторая тенденция проявляется в том, что медиа-тексты (в данном случае имеются в виду социально-политические медиа-тексты) тяготеют к приобретению черт, присущих приватным дискурсам. Н. Фэйрклаф обозначает данную тенденцию как «конверсациализацию» (от англ. conversational – разговорный): в нормативный, литературный язык, свойственный таким медиа-жанрам, как новости, документалистика и т.п., все больше проникают элементы разговорной речи. Данная тенденция также является следствием коммерциализации медиа.

Обе тенденции, по мнению Н. Фэйрклафа, вообще ставят под вопрос существование публичной сферы: в обществе потребления члены медиа-аудитории являются не столько политически сознательными гражданами, сколько потребителями: «С учетом маркетинга, конструирование членов аудитории в качестве потребителей, принимающее все больший размах, и усиливающееся подталкивание производителей в сторону развлекательности могут рассматриваться как часть нормализации и натурализации потребительского поведения и потребительской культуры, которая также включает рекламу и репрезентацию людей через целый ряд программ (викторины, мыльные оперы, спорт, новости и т.д.). Также, поскольку маркетинг подрывает медиа как публичную сферу, <...> имеет место отвлечение внимания и энергии от политических и социальных проблем, что позволяет оградить существующие отношения власти и доминирования от серьезных упреков – люди сконструированы, скорее, в качестве зрителей событий, нежели в качестве участвующих граждан»².

Прежде чем приступить к основной теме работы, остановимся на некоторых понятиях, которые мы будем использовать при анализе белорусских медиа-текстов. Эти понятия были введены в обиход двумя направлениями анализа дискурса – «критическим анализом дискурса» и «французской школой анализа дискурса». Несмотря на независимость этих двух направлений и ряд различий между ними, нам представляется возможным и даже уместным воспользоваться, в нашем собственном исследовании, обоими подходами.

1. *Коммуникативное событие*. Согласно Н. Фэйрклафу, в случае масс-медиа мы имеем дело не с единичным событием, а с последовательностью коммуникативных событий. Эта цепочка коммуникативных событий, в целом составляющая коммуникативное событие в масс-медиа, может включать в себя довольно большое количество звеньев: начиная, например, с публичного выступления политика, затем создания телерепортажа и заканчивая его потреблением членами аудитории. Основным отличием коммуникативного события в медиа от ситуации межличностного общения является пространственно-временная дистанцированность производства и потребления медиа-текста. Характерной чертой данного коммуникативного события является также то, что медиа-текст производится в публичной сфере, а потребляется в сфере приватной. Между тем следует указать и на иного рода цепь коммуникативных событий, когда медиа-текст сам становится предметом публичных дискуссий в средствах массовой

коммуникации (примером может послужить дискуссия в прессе вокруг сюжета программы «В центре внимания» о латышском гражданине – распространителе порнопродукции)³.

Здесь сразу же следует отметить, что граница между публичной и приватной сферами в случае массовой коммуникации является достаточно проницаемой. С одной стороны, сюжетом для масс-медиа может послужить эпизод частной жизни высокопоставленного лица: так, например, довольно сложно определить грань между публичным и частным в репортаже о посещении Путиным одного из регионов России – в этом репортаже Путин предстал обнаженным по пояс на берегу озера с удочкой в руке.

С другой стороны, и это особенно характерно для телевидения, имеет место употребление разговорной лексики, местных диалектизмов и пр. в речах ведущих телепрограмм, репортеров, а также политиков: широко известное выражение Путина «мочить в сортире» или употребление Лукашенко таких инвектив, как «подонки» или «отморозки» в отношении белорусской оппозиции в одном из выступлений⁴.

В первом случае мы имеем дело с ситуацией, когда масс-медиа делают приватное в публичном, во втором – публичное (официальное) подвергается конвельсациализации, приобретает черты приватного.

2. *Категории участников.* Коммуникативное событие в масс-медиа предполагает наличие, по крайней мере, трех категорий участников: репортеры (источник сообщения), члены аудитории (получатель), «третья сторона». Здесь представляется уместным сделать некоторое уточнение: Н. Фэйрклаф говорит о коммуникативном событии в масс-медиа как о цепи коммуникативных событий. Между тем, возможно, корректнее было бы говорить не столько о цепи (т.е. последовательности событий), сколько о макро- и микрокоммуникативных событиях, последнее из которых оказывается встроенным в первое. Тогда станет ясно, в чем роль «третьей стороны», о которой говорит Н. Фэйрклаф: интервью журналиста с «третьей стороной» – экспертом, политиком, ученым или же с рядовыми гражданами – это микрособытие.

Макро-событием здесь будет коммуникативный акт между репортером (журналистом) и членами аудитории. Разумеется, репортер, в данном случае, может рассматриваться лишь как псевдоисточник коммуникации – на самом деле он является лишь одним из тех, кто участвует в производстве медиа-текстов, которое как раз и может быть представлено как ряд коммуникативных событий⁵.

3. *Понятие дискурса.* Следует учитывать, что данное понятие не вполне отвечает критериям научности – оно полисемично, что, с одной стороны, может рассматриваться как существенный недостаток, а с другой – как определенное достоинство. В настоящее время существует довольно много определений понятия «дискурс», причем все эти определения являются вполне операциональными⁶. Проблема может возникнуть тогда, когда в рамках одной работы ис-

пользуется сразу несколько определений. В данной статье в качестве одного из ключевых будет использоваться определение дискурса, предложенное Н. Фэйрклафом, однако, при необходимости, будут задействованы и другие определения, о чем будет оговорено специально.

Итак, Н. Фэйрклаф определяет дискурс как «письменное или устное использование языка» и, одновременно, как «форму социальной практики». Язык, с точки зрения Н. Фэйрклафа, является сформированным социально и сам формирует социальное, т.е. является социально конститутивным. В этом смысле любое использование языка конституирует социальные отношения, социальные идентичности и системы знаний и убеждений (репрезентации). Использование языка, в зависимости от социального контекста, может быть конвенциональным (т.е. сохранять и воспроизводить существующие отношения, идентичности и репрезентации) либо креативным (т.е. преобразовывать отношения, идентичности, репрезентации).

4. *Тип дискурса*. В определенном смысле дискурс может быть конкретизирован только как совокупность различных типов дискурса. Типы дискурса – это конвенционально принятые нормы и правила производства высказываний в конкретной социальной ситуации. Так, в качестве примеров дискурсивных типов можно привести политическое интервью, дружескую беседу, визит к врачу, церемонию бракосочетания и т.п. Вместе с тем Фэйрклаф указывает на существование двух категорий типа дискурса, которые он обозначает как дискурсивные жанры и дискурсы. Примерами первых могут служить уже упомянутые выше интервью, визит к врачу и пр. (производство высказывания + социальная ситуация). Дискурсы же представляют собой использование языка для репрезентирования определенных социальных практик с конкретной точки зрения (т.е. производство высказывания + точка зрения). Примерами могут служить политические дискурсы различного толка – лейбористские, марксистские и т.п.

5. *Порядок дискурса* – иерархически упорядоченная совокупность типов дискурса, характерных для определенного социального института. Так, например, для некоторой организации могут быть характерны такие типы дискурса, как совещания, переговоры, но также и дружеские беседы. Порядок дискурса будет определяться тем, какой из типов дискурса занимает более высокое положение в иерархии, а также тем, насколько указанные типы дискурса производятся в соответствии с ситуациями, т.е. разграничиваются, а не смешиваются между собой.

6. *Интердискурс*. Это одно из ключевых понятий французской школы анализа дискурса. В определенном смысле можно провести параллель с введенным Ю. Кристевой понятием интертекстуальности. С этой точки зрения интердискурс подразумевает присутствие в дискурсе следов других дискурсов, а точнее, дискурса Другого. Следует иметь в виду, что это присутствие отнюдь не нейтрально, – напротив, оно является доминантой. Интердискурс, по

определению классика французского анализа дискурса М. Пешё, это «сложное целое с доминантой» дискурсных формаций, которое «подчиняется закону неравенства-противоречия-зависимости». В «Словаре анализа дискурса», вышедшем во Франции в 2002 г. под редакцией П. Шародо и Д.Мэнгено, мы находим следующее определение интердискурса: «В узком смысле интердискурс – это дискурсивное пространство, совокупность дискурсов (одного и того же, или же различных дискурсивных полей), которые взаимно ограничивают друг друга. <...> В широком смысле интердискурсом называют совокупность дискурсивных единиц (относящихся к предшествующим дискурсам того же жанра или же к существующим одновременно друг с другом дискурсам различных жанров), с которыми отдельный дискурс вступает в явное или скрытое отношение. <...> Во французской школе, в частности у М.Пешё, дискурсивная формация осуществляет идеологическое подчинение субъекта дискурса только в той мере, в какой любая дискурсивная формация, в действительности, управляется интердискурсом – структурированной совокупностью дискурсивных формаций, в которой конституируются объекты и отношения между этими объектами, за которые субъект берет на себя ответственность в процессе речи»⁷.

В настоящей работе мы будем использовать понятие интердискурс как в узком, так и в широком смысле – т.е. и как определенный жанр, который налагает ограничения и устанавливает правила произнесения высказываний в определенной коммуникативной ситуации, и как совокупность механически транслируемых идеологических смыслов, представляющихся в качестве «само собой разумеющихся» для субъекта высказывания. В этой связи мы также будем использовать и понятие «топосов», или общих мест аргументации, отсылающих к доксе, общепринятому мнению.

7. Преконструкт. Это следы иных дискурсов в речи индивида. Данное понятие тесно связано с понятием интердискурса и призвано разрушить эффект очевидности, вследствие которого субъекту традиционно приписывалось порождение смысла. Именно признание факта существования преконструкта – «заготовки», «полуфабриката» – дает возможность понять, каким образом «индивиды в качестве “говорящих субъектов” воспринимают как очевидность смысл того, что они слышат и говорят, читают и пишут (что они хотят сказать и что им хотят сказать)»⁸. Понимание этого позволит избежать «субъективной иллюзии», или, как называл ее Пешё, «эффекта Мюнхгаузена» (речь идет о знаменитом эпизоде вытаскивания самого себя за волосы), признавая «субъект источником субъекта, иными словами, <...> признавая субъект дискурса источником дискурса»⁹.

Как уже отмечалось выше, к основным тенденциям, характеризующим современное состояние дискурсивных практик масс-медиа, Н. Фэйрклаф относит постепенное проникновение в приватную сферу и постепенное смещение от информирования к развлечению. На наш взгляд, указанные тенденции проявля-

ются и в текстах белорусских средств массовой коммуникации, хотя и в достаточно специфическом виде. Следует иметь в виду, что официальные масс-медиа Беларуси, находящиеся под жестким идеологическим контролем и экономическим давлением со стороны государственных структур, в полной мере функционируют в качестве идеологического государственного аппарата. Каким образом, в таком случае, можно говорить о проникновении приватного в публичное пространство и о тенденции к развлекательности?

Прежде всего, обратимся к дихотомии публичное/приватное. Смещение в сторону приватного объясняется спецификой образа целевой аудитории, на который опираются официальные белорусские масс-медиа: это преимущественно сельское население с низким уровнем образования, ностальгией по советскому прошлому и отсутствием доступа к альтернативным медиа-источникам. Основным медийным персонажем новостных телепрограмм является Лукашенко – выходец из народа, «батяка», всегда появляющийся там, где он особенно нужен, и говорящий на понятном простому народу языке. Любопытно, что частная жизнь главы государства практически не освещается в масс-медиа, что в ответ порождает массу слухов и сплетен. В данном случае частное ограничивается показом Лукашенко в неформальной обстановке, когда он участвует в спортивных мероприятиях. Вместе с тем можно говорить о тенденции к конверсациализации: речь Лукашенко, одна из составляющих его популизма, – это речь человека не слишком образованного, зато «своего» среди «простых» людей. Это не русский и не белорусский язык, а так называемая «трасянка», на которой говорит большинство сельского населения. Что, пожалуй, особенно интересно, это игнорирование Лукашенко порядка дискурса, причудливое смешение дискурсивных жанров в рамках одного высказывания. Например, в транслировавшейся по телевидению *официальной беседе* с одним из представителей российских властей, Лукашенко следующим образом высказался по поводу С. Милошевича: «Я ж его знаю, нормальный мужик». Большой резонанс в масс-медиа получило и недавнее высказывание Президента по поводу еврейского населения белорусского города Бобруйска¹⁰. Такое смешение дискурсивных жанров настолько характерно для высказываний Лукашенко, что, пожалуй, можно говорить о специфически ином, новом порядке дискурса, для которого нормой является, собственно, отсутствие этого порядка, неразличение ситуации формального и неформального общения, что находит отражение в речевом поведении – официальный стиль «гармонично» сочетается с просторечием.

Анализ языка медиа-продукции, по мнению Н. Фэйрклафа, может дать ответ на три вопроса: как репрезентируется мир в медиа-текстах? как устанавливаются идентичности участников? какие отношения устанавливаются между участниками? В этом плане анализ выступлений главы государства дает пример тому, как репрезентации, идентичности и отношения изменяются в пределах одного выступления. В случае Президента это, собственно, часть его популистской по-

литики – представлять себя отцом нации, то добрым, то строгим, не стесняющимся в выражениях. Анализ текстов выступлений показывает, что Лукашенко предстает: как Президент, как отец нации, как строгий начальник, как «свойский мужик». Соответственно, члены аудитории в каждом отдельном случае – это граждане государства (или же дипломаты, или же иностранные журналисты), домочадцы, подчиненные, приятели. В каждом случае меняются и отношения между участниками коммуникативного акта: это официальные, либо отношения родители – дети, либо отношения начальник – подчиненные, либо отношения приятельские. Вся сложность классификации заключается в том, что в рамках одного текста (например, в выступлении перед журналистами) Лукашенко может несколько раз менять идентичность, что, соответственно, приводит и к моментальной переустановке отношений между участниками.

Вместе с тем уместно поставить вопрос о том, в какой степени высказывания самого Президента являются источником идеологического интердискурса, который впоследствии может быть выявлен в других медиа-текстах.

В качестве примера проанализируем его выступление на III Всебелорусском народном собрании, которое состоялось 3 марта 2006 г., незадолго до президентских выборов. В начале выступления глава государства придерживается официально-делового стиля. Однако очень быстро он переходит на разговорный стиль, начинает использовать просторечие, а иногда и брань. В целом текст выступления – это расхожие лозунги, восходящие к советской эпохе (преконструкты советского политического дискурса)¹¹ плюс довольно корявые репрезентации мира и событий, воплощенные в просторечных языковых формах.

Особый интерес представляют те фрагменты выступления Лукашенко, в которых он предлагает свои репрезентации ситуации в Беларуси (политической, экономической, культурной)¹².

Остановимся на нескольких примерах. При анализе данных фрагментов внимание будет обращено: на репрезентацию событий, характеристику коммуникативной ситуации, выявление прекоконструктов, выявление элементов просторечия, выявление топосов (общих мест аргументации).

Ex. 1: О росте цен.

«Люди беспокоятся, не получится ли так, что весь запланированный прирост зарплаты будет съеден за счет роста цен. Думаю, что это в принципе невозможно. Невозможно потому, что цены сегодня достигли того потолка, выше которого они подняться не могут, ибо продукция наша просто не будет реализована на рынке.<...> Наше счастье и наша беда в том, что мы не можем проводить закрытую экономическую политику в своем государстве. Поэтому ценам расти некуда, даже если бы мы и захотели этого. Что такое повышение цены, реализуется ли продукция на внутреннем или на внешнем рынке? Это

благосостояние того предприятия, которое продает тот или иной товар. Выше цена – больше доходов. А кто повышает цены? Трудовые коллективы».

Картина событий, связанная с ростом цен и представленная в данном фрагменте, может быть кратко сформулирована следующим образом: глава государства гарантирует, что роста цен не будет, аргументируя это тем, что цены и так достигли максимального уровня, а повышение цен приведет к тому, что никто не сможет купить. Однако если рост цен все же будет иметь место, то виноваты в этом будут не Президент или правительство, а сами трудовые коллективы, так как именно они и повышают цены.

Между тем вопрос стоял о *связи роста зарплаты с ростом цен*.

Коммуникативная ситуация: адресант – Лукашенко-Президент. Адресат с трудом поддается определению, так как, по идее, данное сообщение – это ответ на вопрос журналистов, однако вопрос задан от имени всех тех, кто обеспокоен ростом цен, т.е. фактически всех жителей белорусов. Тем не менее в ответе Лукашенко из числа обеспокоенных исключаются трудовые коллективы, которые, как оказывается, напротив, заинтересованы в росте цен.

Теперь посмотрим, как Лукашенко строит свою аргументацию. Для доказательства своей позиции он довольно часто использует топосы.

Аргумент 1. *Невозможно потому, что цены сегодня достигли того потолка, выше которого они подняться не могут, ибо продукция наша просто не будет реализована на рынке.*

Аргумент 2. *Наше счастье и наша беда в том, что мы не можем проводить закрытую экономическую политику в своем государстве. Поэтому ценам расти некуда, даже если бы мы и захотели этого.*

Топосы, или общие места аргументации, обычно непосредственно связаны с суждениями здравого смысла. Довольно часто им можно найти соответствия в пословицах и поговорках. Это, по удачному выражению Ж.-Э. Сарфати, «prêt a penser»¹³ – готовые мыслеформы, в которые укладываются любые оценки любой ситуации. Характерной чертой топосов является их амбивалентность – в зависимости от ситуации они могут использоваться в противоположных смыслах.

Так, в первой фразе можно распознать выражение «выше потолка не прыгнешь».

Во второй фразе мы вообще имеем дело сразу с двумя взаимоисключающими оценочными суждениями – «наше счастье и наша беда» – в отношении невозможности проведения закрытой экономической политики. Кстати, это как раз весьма характерно для высказываний Лукашенко и, как можно предположить, соответствует его популистской политике – в рамках одного высказывания сопоставлять противоположные оценки ситуации. Между тем можно попытаться реконструировать топос – «нет худа без добра».

Преко́нструкты, которые можно обнаружить в данном фрагменте и которые являются элементами иного дискурса, интердискурса, – это устойчивые выражения «*проду́кция наша́ просто не будет реализована́ на́ рынке*», «*запланированный при́рост зарплат*», «*закры́тая эконо́мическая поли́тика*», «*благосо́стояние предприя́тия*», «*трудовые коллективы*». Этот интердискурс можно обозначить как советский экономический дискурс.

Наконец, что касается элементов разговорного стиля, то они выявляются на лексическом уровне («*при́рост зарплат будет съеден*»), а также на синтаксическом уровне («*трудовые коллективы*» – неполное предложение, характерное для разговорной речи). Разумеется, указанные элементы можно выявить и на фонетическом уровне, однако в данном случае мы проводили анализ письменного текста, а не аудиозаписи выступления.

Ex. 2. Распределение выпускников вузов.

«Мы же этим самым гарантируем первое рабочее место человеку.

Все хотели бы, может быть, работать в Минске, особенно те, кто закончил вузы в Минске. Столько рабочих мест нет! Что, они на стометровке, извините меня, будут стоять, девочки, а мужики будут спиваться, ходить с бутылками на оппозиционные митинги или ботинки им чистить?

И самое главное – они нас на Запад тащат. Так на Западе формула одна – не работа идет за человеком, как у нас было принято в советские времена, а человек бежит туда, где есть рабочее место, человек идет за работой! Это же не моя формула, она цивилизованным Западом выработанная.

А что, в имперской России, в которой мы жили, лучшие условия были для врачей? Никаких не было. А врачи считали нужным поехать и работать на село. И попробуй не поедь! И деньги платили. И правительство посылало. Так и в других государствах: если надо, мобилизуют все».

Итак, репрезентация ситуации: распределение выпускников – это гарантия рабочего места, в противном случае все девушки будут заниматься уличной проституцией, а все юноши – спиваться и ходить на оппозиционные митинги. Между тем такая репрезентация событий является весьма уязвимой, поскольку делает возможным следующее заключение: высшее образование в Беларуси находится на столь низком уровне, что выпускники вузов годны лишь на то, чтобы заниматься проституцией, пить пиво и чистить ботинки представителям оппозиции.

Рассмотрим, что представляет собой аргументация, используемая Лукашенко в данном фрагменте:

- использование топоса «*не работа идет за человеком, а человек идет за работой*»;

- использование клише («цивилизованный Запад» vs «как у нас было принято в советские времена»);
- упоминание об имперской России, в которой «мы жили»(?!), и самоотверженности врачей того времени (*врачи считали нужным поехать и работать на село*). Топос, используемый в данном случае, предположительно, такой: «врач при любых обстоятельствах должен следовать клятве Гиппократата». Между тем следующими фразами Лукашенко просто уничтожает данный тоpos: *«И попробуй не поедь! И деньги платили. И правительство посылало»;*
- антономасия – *«так и в других государствах: если надо, мобилизуют все»*. Как видим, уничтожив предыдущий аргумент, Лукашенко плавно переходит к следующему.

Попробуем разобраться, какую именно позицию и почему занимает в данном случае адресант. Так, Лукашенко противопоставляет цивилизованный Запад и имперскую Россию советским временам. С одной стороны, можно предположить, что это – отголосок ухудшения отношений между Москвой и Минском. С другой стороны, и это представляется даже более вероятным, Лукашенко, как всегда, использует «подручные» аргументы, которые, на самом деле, не являются отражением его собственного мнения (если таковое имеется), а просто кажутся уместными в конкретной ситуации. Этим можно объяснить и одиозные высказывания Лукашенко по поводу роли Гитлера и о еврейском населении Бобруйска. Как уже отмечалось в связи с предыдущим примером, иногда в пределах одной фразы Лукашенко соединяет взаимно противоположные оценки.

Что касается интердискурса, то в данном фрагменте можно выделить следующий преконструкт – *«мы гарантируем первое рабочее место человеку»*, отсылающий к советскому политико-экономическому дискурсу. Но в данном фрагменте мы обнаруживаем и присутствие иного интердискурса, невероятным образом соединенного с первым: *не работа идет за человеком* (советский политический дискурс), *как у нас было принято в советские времена* (постсоветская критика советской эпохи), *а человек бежит туда, где есть рабочее место, человек идет за работой* (советский политический дискурс). В результате мы имеем дело с ситуацией использования советского политического дискурса с позиции критики советской эпохи.

Наконец, элементы разговорного стиля представлены в данном фрагменте весьма широко: *Что, они на стометровке, извините меня, будут стоять, девчата, а мужики будут спиваться, ходить с бутылками на оппозиционные митинги или ботинки им чистить?*

И самое главное – они нас на Запад тащат. Это же не моя формула, она цивилизованным Западом выработанная. И попробуй не поедь!

Здесь и использование жаргона (*стоять на стометровке*), и разговорный стиль, и просторечная лексика (*тащат*), и грамматические формы, характерные для просторечия (*поедь*).

Ех. 3: О развитии предпринимательства.

«У предпринимателей сознание повернулось туда, куда надо. И нам их сегодня не бояться надо, а отпустить эти бразды, отпустить тиски, в которых мы прижимали их, чтобы они криминал сюда не подбросили. И пусть свою инициативу развивают, пусть более свободно начинают работать.

Но контроль все равно нужен, смотреть мы за ними будем все равно. Теперь меня никто не убедит, спустя 10 лет, что частник – это в любой стране счастье для государства. Чепуха полная! 20–30 хороших, а среди них 5 найдется таких, которые этим 20–30 жить не дадут.

И потом, знаете, я все-таки жил, как и вы, в советской экономике. Много было плохо. Гвозди делили. Но более справедливой экономики в мире никогда не было! Потому что вы еще с частной экономикой по-настоящему не сталкивались. Я приводил пример – свой разговор с конкретным олигархом. Он сказал, что из 700 миллионов годового дохода 350 миллионов чистой прибыли он на свой счет перевел в соответствующий банк. А в это время в этом государстве 90 процентов населения – нищие! Он все делает правильно – по рыночным законам европейских государств. Но из 700 миллионов 350 он вывозит и где-то размещает, то есть один человек это получает. Ну ладно бы он создал это предприятие, но это предприятие было приватизировано за гроши в свое время. Вот она – справедливость.

<...> Эту страну, пока мы живы, мы не имеем права никому отдать, чтобы над ней издевались».

Репрезентация ситуации: предприниматели в основном ведут себя правильно (?), поэтому им следует дать большую свободу. Между тем полной свободы они не получают, так как еще не все из них недостаточно сознательны, так что над ними требуется контроль.

В данном фрагменте основной тезис – *Но контроль все равно нужен, смотреть мы за ними будем все равно*. Рассмотрим, какую аргументацию использует Лукашенко:

1) личное убеждение в том, что *частник – это в любой стране счастье для государства, это чепуха полная* (подмена аргумента апелляцией к частному мнению);

2) апелляция к общему советскому прошлому: *я все-таки жил, как и вы, в советской экономике. Много было плохо. Гвозди делили. Но более справедливой экономики в мире никогда не было*. В данном случае в качестве аргумента просто используется преконструкт советского политического дискурса (*более справедливой экономики в мире никогда не было*). Этот пример интересен также и тем, что в нем мы обнаруживаем противоречие по отношению к аргументации, используемой в предыдущем фрагменте (негативное *как у нас было принято* в

советские времена уступает место положительному более справедливой экономики в мире никогда не было);

3) апелляция к авторитету – *потому что вы еще с частной экономикой по-настоящему не сталкивались.* То есть никто из адресатов не знает, что такое настоящая частная экономика. Поэтому в данном вопросе следует доверять авторитетному мнению главы государства;

4) Аргументация при помощи примера – типичная ошибка аргументации, когда частное выдается за общее (резюме – *вот она, справедливость* – выводится на основании одного-единственного примера);

5) апелляция к постоянно присутствующей внешней угрозе (*Эту страну, пока мы живы, мы не имеем права никому отдать, чтобы над ней издевались*). Здесь можно обнаружить преконструкт советского патриотического дискурса. Кроме того, интерес представляет и местоимение «мы», поскольку в данном случае референтом являются не все жители Беларуси, а лишь те, кто разделяет позицию Лукашенко. То есть можно предположить, что речь идет и о внешней, и о внутренней угрозе.

Что касается элементов разговорного стиля, то они, как и в предыдущих примерах, довольно многочисленны. Это не только отдельные слова и выражения (*частник, чепуха полная*), но и целые синтаксические конструкции: у *предпринимателей сознание повернулось туда, куда надо, чтобы они криминал сюда не подбросили.* В данном фрагменте также можно заметить и некорректное использование устойчивых словосочетаний (*отпустить эти бразды, отпустить тиски*).

В проанализированных фрагментах мы попытались выявить репрезентацию ситуаций, аргументацию, интердискурсивные элементы и элементы разговорного стиля в выступлении Лукашенко. Проведенный анализ продемонстрировал:

1) наличие интердискурса (его можно в общем виде обозначить как «советский политический дискурс»), проявляющегося в виде лозунгов и языковых клише;

2) наличие топосов (общих мест аргументации), базирующихся на доксе. Характерной чертой лукашенковской аргументации является также ее амбивалентный характер – один и тот же топос может использоваться в оценочных суждениях, прямо противоположных друг другу;

3) наличие значительного количества элементов разговорного стиля (лексика, синтаксические обороты).

В силу этого довольно затруднительным представляется выявление собственно лукашенковской репрезентации ситуаций – она постоянно корректируется.

Проведенный анализ также позволяет говорить о полифоническом характере¹⁴ речи Лукашенко, что может послужить объяснением ее внутренней нело-

гичности и противоречивости. Дело в том, что в рамках даже одного фрагмента речи, а иногда даже и одной фразы Лукашенко ведет диалог с различными воображаемыми оппонентами. Тем самым его речь представляет сочетание, с одной стороны, осознанно используемых преконструктов советского политического дискурса, а с другой – лихорадочно подыскиваемых ответов на воображаемые реплики, содержащие разнообразие точки зрения. В этом смысле постоянное нарушение порядка дискурса, преобладание разговорного стиля, особенно просторечных и разговорных синтаксических конструкций, призвано не только поддержать его имидж человека из народа, но и хотя бы отчасти замаскировать внутренний полилог с воображаемыми оппонентами. Такая речевая стратегия делает Лукашенко практически непредсказуемым, в особенности для тех, кто пыгается транслировать его мнение в качестве догмы.

Представляется, что именно невозможностью четко определить позицию главы государства может объясняться необходимость безотлагательного создания идеологии белорусского государства. Это, на наш взгляд, есть не что иное, как попытка привести к единому идеологическому знаменателю если не высказывания самого Президента, то, по крайней мере, официальные медиа-тексты. Идеология белорусского государства необходима, прежде всего, не столько Президенту, сколько идеологическим государственным аппаратам, в функции которых входит «нерепрессивное» поддержание установленного порядка. Это, в частности, касается официальных масс-медиа, которые обязаны обеспечивать свою аудиторию стройной и логически непротиворечивой «картиной мира».

Таким образом, можно высказать предположение, что в качестве интердискурса в социально-политических медиа-текстах выступают не собственно высказывания Лукашенко, а подвергшаяся перефразированию в новых условиях советская идеология – или, по крайней мере, некоторые ее положения. Вместе с тем если говорить об интердискурсе в узком смысле слова, то можно отметить, что в ряде социально-политических текстов мы имеем дело с одним и тем же жанром. Его особенность заключается в нарушении порядка дискурса, проявляющемся, в частности, в смешении дискурсивных типов и в смешении речевых стилей. Нас, в данном случае, интересует то, какие риторические средства используются для убеждения и каким образом выбор именно этих средств может нам дать представление об образе аудитории, на который опираются создатели медиа-текстов.

В этой связи представляется вполне обоснованным вернуться к уже упоминавшимся тенденциям к конверсациализации и к развлекательности.

Первая тенденция выявляется при лингвистическом анализе медиа-текстов. Для исследования была взята воскресная передача телеканала «Лад» «Права человека: взгляд в мир» от 27.01.2008. Эта передача имеет весьма четко выраженную пропагандистскую направленность и призвана, в частности, сформировать у зрителя представление о внешних врагах белорусского государства. Таким

врагом, доставшимся белорусскому государству в наследство от СССР, являются США. Передачу «Права человека» отличает обличительный пафос, легко опознаваемый советский идеологический дискурс и скучный видеоряд. В речи телеведущего идеологические клише («простые трудящиеся люди», «диверсионные операции», «простые граждане», «молодое белорусское государство») перемежаются с элементами разговорного жанра – «рулят этим миром», «жулики и спекулянты», «своим сингапурским поделникам», «все западные банкиры абсолютно проворовались», «вся эта многонациональная финансовая братия спасает своих американских поделников». В данном случае дискурсивный анализ передачи помогает ответить на поставленные Н. Фэйрклафом вопросы относительно репрезентаций, идентичностей и отношений.

Репрезентация: «молодое белорусское государство» со всех сторон окружено врагами, главным из которых являются США. Вместе с Великобританией США вынашивают планы мирового господства («рулят этим миром»), однако на самом деле их экономика находится в глубоком кризисе, а все те, кто находится у власти («жулики и спекулянты»), озабочены проблемой личного обогащения, которую решают за счет государственных средств («все западные банкиры проворовались»). Кроме того, американские политики являются врагами собственного народа («простых трудящихся людей») – именно спецслужбы США организовали теракт 11 сентября, а также устроили кровопролитный разгон антимилитаристской демонстрации («демонстрантов кусали собаками»).

Идентичность ведущего – эксперт в области политики и мировой экономики, хорошо понимающий изнанку политической и экономической жизни США, высокообразованный человек, одинаково хорошо и к месту цитирующий Маркса и Ильфа с Петровым.

Идентичность зрителя – интересующийся политикой человек, умеющий думать и анализировать («думайте, анализируйте», призывает ведущий в конце каждой передачи), делать самостоятельные выводы, также знакомый с работами Маркса («помните, у Маркса», обращается к зрителю ведущий) и книгой Ильфа и Петрова.

Отношения между участниками макрокоммуникативного акта – отношения единомышленников, доверительные, но при этом ведущий все же показывает, что в затрагиваемых вопросах он несколько более компетентен, чем зритель. Тон ведущего, которым он рассказывает о международной политике, заставляет вспомнить сцены общения агитаторов с крестьянами из советских кинофильмов.

Разумеется, представленные идентичности, репрезентации и отношения не реальные, а те, которые могут быть реконструированы исходя из самой передачи. На самом же деле передача поражает крайне примитивным образом аудитории, на которую она нацелена, избитыми риторическими приемами и

циничным непрофессионализмом вездущего, совершенно вольно коверкающего факты.

Использование разговорного стиля в медиа-текстах связано, прежде всего, с образом целевой аудитории, или образом «белорусского народа», на который ориентируются создатели медиа-продукции. Этот образ в наибольшей степени приближен к тому образу белорусского народа, который может быть выявлен при анализе выступлений Лукашенко¹⁵. Между тем следует иметь в виду, что это, прежде всего, именно воображаемый конструкт – белорусский народ, каким его видит или, скорее, хотел бы видеть глава государства. Создатели медиа-текстов предлагают такую «повестку дня»¹⁶, которая ориентируется не столько на потребности в информации, сколько на цели пропаганды и на формирование интереса к определенным событиям. Это отражается, во-первых, на содержании информации – так, новостные выпуски изобилуют сюжетами о подготовке к посевной кампании, о ходе посевной кампании, о сборе урожая, выполнении госпредприятий плана по выпуску продукции и т.п., представляя эти события как наиболее важные и значительные для страны. Во-вторых, это проявляется в форме подачи информации и в речевом поведении ведущих телепередач, а также в тенденции к вульгаризации¹⁷, что особенно характерно для информационно-аналитических передач.

Вторая тенденция, о которой говорит Фэйрклаф в отношении производства медиа-текстов, – это смещение от информирования к развлечению. Данная тенденция также характерна для официальных белорусских масс-медиа, но спецификой ситуации является то, что эта тенденция проявляется двойко. С одной стороны, можно говорить об усилиях создателей медиа-текстов по представлению идеологии в доступной форме, т.е. в форме развлечения, с ориентацией на наивного зрителя. С другой стороны, можно говорить о тенденции, характеризующей не столько создателей медиа-текстов, сколько особую категорию зрителей – «критических зрителей». В отсутствии полноценной информации через официальные масс-медиа, ее подмене пропагандой зрители начинают относиться к новостным, информационно-аналитическим программам, а также к выступлениям главы государства как к очередному шоу.

Формы репрезентации идеологии создателями медиа-текстов весьма разнообразны и неожиданны, здесь также можно говорить о своеобразном нарушении порядка дискурса и о нетрадиционном использовании дискурсивных жанров. В качестве примера можно привести телепередачу первого канала белорусского телевидения, транслировавшуюся в конце июля 2006 года и посвященную выявлению канала сбыта порнопродукции через одного из дипломатов посольства Латвии в Минске (программа «В центре внимания» от 30 июля 2006 г.). В квартире человека, подозреваемого в распространении порнокассет, была установлена скрытая камера, при помощи которой был снят процесс просмотра порнокассеты хозяином квартиры и гостем, завершившийся половым

актом между ними. В качестве happy-end – нарушитель взят с поличным, порнопродукция изъята.

Идеологический мессидж данного сюжета достаточно очевиден: все плохое, что еще есть в стране, связано исключительно с влиянием Запада – в частности, порнография.

Можно также говорить и о «хитроумном» маркетинговом ходе: канал не слишком популярен, и в данном случае это еще и попытка привлечь аудиторию, а также создать имидж канала, берущего на себя смелость креативного подхода к выбору жанра подачи информации. И здесь, пожалуй, уместно будет вспомнить классическую диаду наивный/критический зритель: для наивного зрителя – это информация, впечатление от восприятия которой усилено выбором необычного жанра повествования. В данном случае форма подачи облегчает восприятие и усиливает впечатление, а также, в определенной степени, рекламирует сам канал. Для критического зрителя – это двойное развлечение: от формы репрезентации и от распознавания идеологии, а не информации. Но, как уже говорилось выше, большинство программ данного канала именно так и воспринимается критическим зрителем – как развлечение, а не как информирование: внимание обращается не столько на то, что говорится, сколько на то, как говорится (включая и лингвистические формы), а также на то, что поддается.

Этот пример представляет для нас интерес как минимум в двух аспектах. Во-первых, это уже упоминавшаяся проблема жанра. Во-вторых – вопрос о смещении границ приватной и публичной сфер.

Итак, к какому жанру следует отнести данную передачу? К информационному? Или к жанру шпионского детектива с элементами порно? К пропагандистскому?

Что касается жанра, то в прессе была развернута дискуссия по этому поводу. В частности, интерес представляют две публикации: «Дипломатия с секс-подоплекой» А. Сотников (Рэспубліка, № 182 от 4 октября 2006 г.) и «Ну, добавили немного перца!» М. Гуляевой (Белгазета, № 31 от 7 августа 2006 г.).

В газете «Рэспубліка» вопрос о жанре практически не поднимался. Точнее, акцент был смещен с вопроса о допустимости такого рода сюжета на то, что, собственно, легло в его основу:

«“Телевизионный сюжет о латышском дипломате, распространявшем в Белоруссии порнографическую продукцию, показанный по белорусскому телевидению, вызвал в Германии шок”, – сообщил М. Хеккер, забыв уточнить, что именно вызвало шок у обычно весьма уравновешенных немцев: сам факт показа данного сюжета по белорусскому телевидению либо факт деятельности латышского дипломата, распространявшего порнографическую продукцию».

И далее, в заключении статьи:

«Что же касается заявления господина Хеккера, то, возможно, его берлинскому начальству стоит еще раз хорошо подумать над тем, стоит ли превращать заурядное уголовное дело с секс-подоплекой в информационный повод для политических игр».

То есть для официальной прессы (газета «Рэспубліка» – это орган Совета Министров РБ) в факте показа такого сюжета ничего удивительного нет, ведь это – «заурядное уголовное дело с секс-подоплекой». Автор статьи опирается на известный топос «журналисты должны быть объективными и сообщать правду, какой бы она ни была (горькой, ужасной, шокирующей и т.п.)».

А вот независимая «Белгазета» в упомянутой выше публикации как раз попыталась выяснить, к какому именно жанру следует отнести данный сюжет. Автор данной публикации использовала иной журналистский топос – о социальной ответственности журналиста. Интрига в данном случае заключалась в следующем: уголовное дело было возбуждено по факту распространения порнографии латышским гражданином, а вот сюжет, который демонстрировал гомосексуальный половой акт, под определение «порнографический», согласно автору передачи А. Зимовскому, не попадает.

Вот как А. Зимовский определил жанр в интервью «Белгазете»:

«Если коллеги увидели только гомосексуальный сюжет, то мне их искренне жаль, поскольку они не видят разницы между частью материала и собственно журналистским расследованием. <...> Всякое журналистское расследование должно иметь некий налет сенсационности. Ну, добавили немножко “перца”, ну обострили ситуацию – обычный журналистский ход».

Таким образом, как оказалось, зрители передачи присутствовали при рождении нового жанра – журналистского расследования с «перцем» (широкое распространение молодежного жаргона придает последнему слову некий дополнительный, но вполне в русле показанного сюжета смысл).

Второй аспект – это как раз взаимоотношение между частным и публичным. Однако если традиционным примером проникновения публичной сферы в приватное пространство является для западных исследователей масс-медиа показ членов британской королевской семьи в неофициальной обстановке, то в данном случае мы имеем дело с вторжением не просто в частную, но в интимную сферу.

Итак, подводя некоторый итог сказанному выше, можно отметить, что белорусские социально-политические медиа-тексты (прежде всего, телепередачи) характеризуются:

1) наличием значительного количества частных элементов. Это особенно заметно в выступлениях Президента, который через свои высказывания пытается установить свои или даже панибратские отношения с аудиторией, что проявляется и в выборе определенного дискурсивного жанра (чаще всего, жанра неформального общения), и в использовании просторечия, и в наличии специфического говора, так называемой «трасянки»;

2) преобладанием явного, открыто идеологического дискурса. Медиа-тексты не информируют, а пропагандируют. Что касается интердискурса, то, с одной стороны, для информационно-аналитических телепередач в качестве идеологического интердискурса выступают не столько высказывания главы государства, сколько наспех созданная белорусская государственная идеология, которая призвана устранить идеологический полифонизм президентского дискурса. С другой стороны, эти медиа-тексты обнаруживают наличие интердискурса, восходящего к выступлениям Лукашенко. Этот интердискурс может быть обозначен как гибридный жанр, характеризующийся нарушением порядка дискурса и смешением речевых стилей;

3) тенденцией к развлекательности медиа-текстов.

Эта тенденция обнаруживается сразу по двум осям:

- в использовании самых неожиданных и разнообразных дискурсивных жанров, в том числе и низких или же гибридных жанров («журналистское расследование с перцем») для облегчения восприятия и усвоения идеологии «наивным зрителем» (запланированный эффект);

- в плане восприятия медиа-текстов «критическим зрителем» – сам процесс распознавания идеологичности рассматривается как своего рода развлечение (незапланированный эффект).

Таким образом, представляется, что конверсациализация и развлекательность, обозначенные Н. Фэйрклафом как тенденции в развитии западных масс-медиа, характерны и для белорусских официальных масс-медиа, особенно для телевидения. Между тем можно говорить и о специфике этих тенденций применительно к белорусским СМИ. Во-первых, для них конверсациализация является, скорее, нормой, чем тенденцией. Во-вторых, можно говорить о преобладании пропаганды над информацией, репрезентированной в доступной и понятной (развлекательной) форме для наивного зрителя. В-третьих, медиа-тексты служат средством развлечения (по форме и по содержанию) – для критического зрителя.

В определенном смысле казус официальных белорусских масс-медиа опровергает мысль Н. Фэйрклафа о том, что медиа-сообщения создаются в публичной сфере, а потребляются в частной. С одной стороны, примитивность медиа-текстов и их режущая глаз идеологизированность позволяют сравнить уровень данных медиа-текстов с уровнем текстов стенгазеты, когда между коммуникаторами и аудиторией практически отсутствует профессиональная дистанция. С

другой стороны, анализ официальных медиа-текстов позволяет предположить, что, рассчитанные на положительное восприятие инстанциями идеологического контроля (в конечном счете самим главой государства), именно эти инстанции они и имеют своей действительной целевой аудиторией.

Примечания

- ¹ В данном случае под понятием «медиа-текст» подразумевается не только вербальный (устный или письменный) текст, но и текст визуальный/аудиовизуальный. Специфической чертой направления, обозначаемого как критический анализ дискурса (КАД), является попытка исследования мультисемиотических текстов.
- ² Fairclough, N. *Media discourse* / N. Fairclough. L., 1995. P. 12–13.
- ³ Передача «В центре внимания» от 30 июля 2006 г.
- ⁴ «Народ наш не заслужил со стороны претендентов, даже этих “отморозков”, такого к себе отношения. <...> Я говорю: “Гоните этого подонка, чтобы ему в пределах Беларуси места не было”. Источник: Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании и ответы на вопросы, поступившие в ходе собрания «Наша страна – наш дом» 3.03.2006 // <http://www.president.gov.by> Просмотрено: 17.03.2006.
- ⁵ Как указывает Н. Фэйрклаф, «характерной чертой новостей, документальных фильмов, других типов медиа-дискурса является их встроенность и наслаивание друг на друга, в том смысле, что более ранние версии встроены в более поздние и составляют в них своеобразные прослойки. На каждой стадии создания истории более ранние версии трансформируются и реконтекстуализируются таким образом, чтобы соответствовать потребностям, приоритетам и целям данной стадии. Однако трансформируются, реконтекстуализируются и встраиваются не только более ранние версии, но и исходные коммуникативные события, на которых в конечном итоге основываются истории – интервью, политические речи, политические документы. Таким образом, производство медиа-текстов может рассматриваться как ряд трансформаций...» (Fairclough, N. *Media discourse*. P. 48–49).
- ⁶ В данной работе я не собираюсь подробно перечислять все определения дискурса, хотя в ходе анализа и буду уточнять, какое из определений используется в той или иной ситуации. Для получения более или менее полного представления о понятии дискурса отсылаю к работе П.Серио «Как читают тексты во Франции» (Квадратура смысла. М., 1999. С. 12–53), а также к своей статье «Истоки формирования анализа дискурса во Франции» (Теория и методы исследования коммуникации: сб. науч. тр. Минск, 2005. С. 40–63).
- ⁷ *Interdiscours* // *Dictionnaire d'analyse du discours*. Sous la direction de P.Charaudeau et D. Maingueneau. Paris, 2002. P. 324–325.
- ⁸ Пешё, М. Прописные истины / М. Пешё // *Квадратура смысла*. М., 1999. С. 264.

⁹ Там же. С. 264.

¹⁰ «Если вы были в Бобруйске, вы видели, в каком состоянии город. То есть в него было страшно зайти. Свинушник был. Там это в основном был еврейский город. Ну вы знаете, как евреи относятся к месту, где они живут». Источник: Бобруйск – нарасхват // <http://www.belaruspartisan.org/> от 24.10.2007. Просмотрено: 5.02.2008. Из стенограммы пресс-конференции для российских журналистов (12.10.2007), размещенной на сайте Президента, это высказывание исчезло. Между тем некоторые следы этого высказывания все же удалось обнаружить: «Но самое первое мое мероприятие было – напротив резиденции Президента такой свинушник был, на месте Дворца Республики. Если вы обратили внимание, там площадь сейчас и дворец. А тогда только остов был, колонны. Лет, наверное, 15 как все это бросили. Еще Машеров начал строить. Ужасно было, что там за этим забором творилось. Я однажды втихую вечером подъехал, зашел туда – жуть. Свалка в центре города!» Источник: Стенограмма пресс-конференции российским журналистам 12.10.2007// <http://www.president.gov.by> Просмотрено: 5.09.2008.

¹¹ Вот примеры такого рода высказываний: «этот форум когда-то остановил развал страны, предотвратил ее сползание к гражданскому противостоянию, гражданской войне, если хотите, и направил наше общество по тому пути, по которому мы сегодня идем. По пути, который признан не только в нашей стране, но и во всем мире».

«Вы, все мы руководствовались одним стремлением – сделать нашу Родину сильной и процветающей страной».

«Главное, на что мы сегодня нацеливаем государство, власть на всех ее уровнях, – это внимание к нуждам нашего гражданина, простого человека».

Источник: Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании и ответы на вопросы, поступившие в ходе собрания «Наша страна – наш дом» 3.03.2006 // <http://www.president.gov.by> Просмотрено: 17.03.2006.

¹² Заметим, что тексты выступления Лукашенко вообще с большим трудом поддаются традиционному дискурсивному анализу, который, несмотря на разнообразие подходов и методов, все же имеет общую черту – безграничную веру в разумность и рациональность любых вербальных актов и, соответственно, в возможность их классификации при помощи определенного понятийного аппарата и категорий формальной логики. Между тем анализ выступлений Лукашенко отчасти разрушает эту веру. Так, в ряде фрагментов удается выделить основной тезис (в качестве такового чаще всего выступает лозунг, который можно классифицировать как преконструкт), однако попытки опознать аргумент чаще всего обречены на неудачу. Дело в том, что иногда даже в пределах одной и той же фразы Лукашенко можно обнаружить логические противоречия либо же сами аргументы противоречат тезису. В силу этого весьма затруднительным в ряде случаев является и распознавание определенной репрезентации ситуации.

- ¹³ «Топосы отвечают двум характеристикам: это, во-первых, “общие принципы, служащие опорой рассуждения” и, будучи таковыми, они “никогда не утверждаются”, но “используются”. Во-вторых... они “могут быть созданы из ничего”, не говоря уже о том, что чаще всего они “представляются как само собой разумеющиеся”. <...> Они предопределяют мнения и “prêt à penser”, которое характеризует мнение (доксу)» (Sarfati, J.-E. *Eléments d'analyse du discours* / J.-E. Sarfati. Paris, 1997. P. 32).
- ¹⁴ В данном случае мы имеем в виду понятие полифонии, введенное М.М.Бахтиным и впоследствии разработанное французскими лингвистами, в частности О. Дюкро. «Вклад О. Дюкро в теорию полифонии процесса высказывания представляет наивысший интерес для анализа дискурса. <...> Теория полифонии оспаривает единство говорящего субъекта, верования, которое долгое время господствовало в теории литературы... Что касается цели полифонической концепции смысла, то она заключается в том, чтобы показать, каким образом высказывание демонстрирует <...> нагромождение (superposition) различных голосов» (Sarfati, J.-E. *Eléments d'analyse du discours*. / J.-E. Sarfati Paris, 1997. P. 54–55).
- ¹⁵ Содержание понятия «белорусский народ» - это предмет отдельного исследования, требующего проведения более серьезного анализа обширного корпуса текстов. Устоявшееся представление о целевой аудитории, совпадающей с электоратом Президента и состоящей из пенсионеров, сельских жителей и т.п., кажется устаревшим или, по крайней мере, недостаточно полным и требует основательного пересмотра.
- ¹⁶ «Повестка дня» (англ. agenda-setting theory) – одна из концепций влияния масс-медиа. Согласно этой концепции, существует высокая степень соответствия между количеством внимания, уделяемого отдельной теме в прессе, и уровнем важности, придаваемой этой теме членами аудитории. Гипотеза была выдвинута в процессе исследования новостей о ходе президентской кампании 1968 г. и восприятия людьми важности тематики, проведенного Максвеллом МакКомбом и Дональдом Шоу в конце 1960-х (см. подробнее: DeFleur, M. *Theories of mass communication* / M. DeFleur, S.Ball-Rokeach, N.Y., 1989).
- ¹⁷ Вульгаризация – это термин, принятый во французской школе анализа дискурса и обозначающий исследование того, каким образом в средствах массовой коммуникации, а также в дидактических (образовательных) текстах сложные для восприятия идеи (в частности, научные идеи, открытия и т.п.) делаются доступными для понимания широкой публики. Также используется термин «дидактизация». См., в частности, статью: Beacco, J.-C. *Autour des discours de transmission des connaissances* / J.-C. Beacco, S. Moirand // *Langages*. Vol. 29. № 117. P. 32–53.

РОЛЬ НЕЗАВИСИМЫХ МЕДИА В КОНСТРУИРОВАНИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПУБЛИЧНОСТИ В БЕЛАРУСИ

Роль масс-медиа во взаимоотношениях с публичной сферой двойка. С одной стороны, они занимаются поведенческим, ценностным и иными видами диктата, что мешает самоорганизации публичного пространства. С другой стороны, они являются одной из площадок выражения публичности, посредником в общении ее представителей, одной из необходимых ее компонентов. Ситуация во взаимоотношениях публичной сферы и масс-медиа в Беларуси специфична и предопределяется во многом специфичностью ситуации в самих масс-медиа. И, прежде чем перейти к описанию взаимодействий между первым и вторым феноменами, остановимся непосредственно на ситуации в СМИ Республики Беларусь.

И государственное телевидение, и оппозиционные газеты Беларуси (имеются в виду не независимые, а именно оппозиционные издания, живущие за счет грантовых поступлений и открыто поддерживающие ту или иную политическую силу) имеют вполне марксистский набор задач, большинство из которых носят пропагандистский характер. ОНТ, БТ, «Советская Белоруссия» и несколько десятков других государственных общественно-политических изданий, редакции которых находятся в Доме прессы, занимаются репрезентацией позиции власти. Перед их редакторами стоит две задачи: с большей или меньшей степенью убедительности доказывать читателям правильность проводимой в государстве социально-экономической политики (задача, кажущаяся первостепенной, но на деле играющая второстепенную роль), выполнять свои обязанности таким образом, чтобы кураторы из вышестоящих ведомств (Министерство информации, Администрация Президента и пр.) воспринимали их деятельность как эффективную и не задумывались над необходимостью ка-

дровых ротаций. Эта латентная задача на деле является главной движущей силой деятельности редакторов и журналистов государственных изданий, равно как и большинства чиновников, контролирующих непосредственно их деятельность и деятельность всех остальных областей социальной и экономической жизни республики.

К [заметным] оппозиционным медийным брендам можно отнести газеты «Народная воля», «Наша ніва», web-ресурсы Объединенной гражданской партии (www.ucrb.org), «Хартии-97» (www.charter97.org). «Народная воля» и «Наша ніва» занимаются апологией эффективности борьбы с властью оппозиционных партий правонационального толка, параллельно сообщая читателям о природе самого белорусского режима. Роль сугубо институциональных ресурсов, сайта ОПП и «Хартии-97» схожая, но более узкая: она состоит в том, чтобы утвердить превосходство стратегий конкретно данных организаций в борьбе с режимом и через это оттянуть часть ресурсов на эти организации.

Ярче всего «репрезентационная» роль каждого из этих изданий проявляет себя накануне знаковых событий, когда донорам предстоит принять решение, какую из оппозиционных стратегий поддержать. Прекрасной иллюстрацией может быть освещение описанными выше ресурсами комплекса событий, сопряженных с Конгрессом демократических сил, состоявшимся в мае 2007 г. На этом мероприятии предполагалось определиться с принципом руководства демсилами, и в зависимости от победы той или иной стратегии одни партии и движения выходили на первый план в очереди внимания доноров, а другие лишались любых шансов на ресурсную поддержку.

Сайт ОПП, стратегия которой победила на Конгрессе (был одобрен принцип сопредседателей объединенной оппозиционной коалиции), хвалил Конгресс и нападал на всех его критиков (см., в частности, статью Л. Марголина «Не будем уподобляться слепым»¹). «Наша ніва» и «Народная воля», симпатизирующие национально ориентированным партиям и NGO, видевшим в качестве победителя на Конгрессе бывшего кандидата в президенты Александра Милинкевича, Конгресс резко осудили (см.: «Заказ на Милинкевича»² в «НВ», «Трымценне вейкаў»³ и «Калгас дэмакратычных сіл»⁴ в «НН»). Сайт «Хартии-97», входящей в Европейскую коалицию, не участвовавшую в Конгрессе и равнодушную к его итогам, в это время активно продвигал идею организации в октябре 2007 г. «Европейского марша»⁵.

Очевидно, что подобная «репрезентационная» функция масс-медиа свойственна газетам, журналам и электронным СМИ не только Беларуси. Значительное количество зарубежных и постсоветских медиа отражают позицию определенных общественно-политических сил. Рекордсменом в таком латентном лоббизме является Украина, на рынке независимых периодических изданий которой уже около 10 лет присутствуют интересы всех политических группировок. В Киеве существуют газеты, отражающие интересы не просто действующей

щих кланов (БЮТ, «Наша Украина»), не просто находящихся в отставке крупных политиков (бывший президент Леонид Кучма), но олигархических групп, функционирующих вокруг отставных политиков второго и третьего эшелонов. Симптоматичным примером в данном случае может быть газета «День», контролируемая Е. Марчуком, который был премьер-министром Украины в середине 1990-х гг.

Впрочем, основное отличие нормальных медийных рынков от ситуации в сфере периодических изданий Беларуси состоит в том, что помимо газет, журналов, ТВ и радиостанций «репрезентационного» характера там присутствуют независимые издания, могущие, в связке с собственными рекламодателями, составлять некую самодостаточную систему, осуществляющую институциональный диктат, не являющийся частью властного или оппозиционного дискурса. Так, наряду с «Днем» в Киеве присутствуют не зависящие ни от БЮТ, ни от Марчука «Киевский телеграф», «Газета 24»; в России наряду с кремлевской «Российской газетой», газпромовским НТВ, «Ежедневным журналом» Л. Невзлина, «Независимой газетой» Б. Березовского пока существует RTVi и «Коммерсантъ», ориентирующиеся в своей деятельности на читателя и рекламодателя, а не на доноров и власть.

При этом в других странах эти независимые от «репрезентаций» СМИ (для простоты номинации будем называть их «рыночными СМИ»⁶) существуют в относительно свободных условиях, у них есть возможности для динамичного развития, захвата новых рынков, расширения аудитории и увеличения тиража.

Было бы существенным преувеличением утверждать, что в Беларуси нет «рыночных СМИ». Можно выделить по меньшей мере 5 изданий, находящихся в промежутке между государством и оппозицией и постулирующих собственную независимость в качестве фактора, валоризирующего их существование. Изданий, ориентирующихся в своей деятельности не на внешнее финансирование, а на попытку извлечения прибыли из рекламы или подписки. Это еженедельники «Белорусы и рынок» и «БелГазета», информационное агентство «БелаПАН», ежедневные газеты «Экспресс-новости» и «КП в Беларуси».

В традиционных правовых условиях эти издания очень быстро могли бы нащупать каждое свою нишу и превратиться в серьезную и самостоятельную общественную силу. Однако в белорусских условиях деятельность «рыночных СМИ» ограничена целым рядом явных и неявных сдерживающих факторов, заставляющих считаться с наличием как властного, так и оппозиционного дискурса.

Неразвитость рынка рекламных услуг не позволяет всем изданиям существовать только за счет прибыли. Контролируемость этого рынка со стороны институтов исполнительной власти (известные письма «Для служебного пользования» из исполкомов рекламодателям) заставляет постоянно оглядываться на государство. Нехватка ресурсов побуждает обращаться к внешним донорам,

в результате чего происходит миграция издания из ниши «рыночных СМИ» в нишу репрезентационных газет. Так произошло, например, с еженедельником «Обозреватель», который не собирает много рекламы не из-за давления на рекламодателей (учредитель «Обозревателя», бизнесмен С. Атрощенко, является одним из наиболее успешных белорусских предпринимателей), а из-за неразвитости рынка, нехватки достаточного количества обладающих деньгами и желанием заниматься самопродвижением субъектов. Итог – издание не может себе позволить финансовую независимость от учредителя.

Помимо этих неявных причин есть еще причины явные, о которых постоянно приходится слышать в контексте обсуждения проблемы свободы слова в Беларуси: например, запрет «Белсоюзпечати» на увеличение тиража негосударственных газет на основе якобы отсутствующих заявок со стороны «Белпочты» и т.д.

Таким образом, воспринимать белорусские масс-медиа как самостоятельную составляющую общественной жизни, фактор политики не приходится. Они либо напрямую занимаются репрезентацией мнений государства и доноров, либо, пытаясь извлекать прибыль и самоокупаться, поставлены в крайне узкие рамки, что не позволяет им преодолеть определенный барьер роста. Впрочем, простое описание всех факторов, влияющих на ситуацию в настоящий момент, не может дать представления о том, почему она именно такова. И почему какой-нибудь репрезентационный web-ресурс вроде «Хартии-97» до сих пор не решил отказаться от дотационного принципа своего существования и не занялся простым информационным дайджестом с оглядкой исключительно на рекламодателя, тем более что это, при нормальном подходе, приносит даже больше денег, чем могут выделить доноры. И как так получилось, что на рынке 6 млн потенциальных читателей в принципе существует лишь 8 независимых республиканских общественно-политических газет (и «рыночных», и репрезентационных, вот они: «Аргументы и факты», «Белорусы и рынок», «БелГазета», «Народная воля», «Наша ніва», «Свободные новости», «Товарищ», «Экспресс-новости»). Причем существует в разной степени доступности: купить некоторые из них («Наша ніва») возможно лишь в трех-пяти местах в столице, другие вообще не распространяются за деньги («Товарищ»), третьи лежат в киосках рядом с «СБ». Думается, адекватное представление о причинах нынешней ситуации может дать краткий экскурс в историю «появления и исчезновения» независимых СМИ Беларуси.

Независимые масс-медиа: от расцвета до заката

До 1991 г. Республика Беларусь входила в состав Советского Союза. Процессы в медийной среде на ее территории в общем совпадали с тем, что творились в целом по СССР. Независимые медиа существовали исключительно в

самиздатском варианте до 1990 г., несмотря на начавшуюся перестройку, не было правовой базы для создания альтернативных газетно-журнальных проектов. В 1990 г. был принят закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», в августе 1990 г. появилось постановление Президиума Верховного совета БССР «О средствах массовой информации Верховного совета Белорусской ССР». По итогам его реализации появилась «Народная газета» – издание, которое большинство исследователей новой истории журналистики называют первым независимым изданием Беларуси. Да, формально «НГ» подчинялась парламенту, но власть в тот момент была сконцентрирована в руках партии, так что редакция была удалена от ЦК – впервые за все советские годы. Годом позже, в 1991 г., вышла газета «Рэспубліка», ее учредителями был Кабинет министров и коллектив редакции. В большинстве бывших государственных газет начался процесс приватизации – трудовые коллективы выкупили в собственность государственные доли в своих изданиях, редакторы превращались в учредителей и т.д.

В 1991 г. появились первые газеты и журналы независимых от государства партий и движений, профсоюзов и т.п.: «Беларускі час», «Товарищ», «Набат», «Веснік беларускага экзархата». В этом же году возникли первые медиа-проекты, принадлежащие частным лицам. Наиболее заметным изданием начала 1990-х была газета «Свабода», учрежденная П. Жуком и с 1991 по 1999 г. редактируемая И. Герменчуком. В 1991 г. начал выходить еженедельник «Белорусский рынок», учрежденный В. Ходосовским. В 1992 г. открылась «Биржи и Банки. Белорусская деловая газета», принадлежащая П. Марцеву. Два других крупных независимых общественно-политических издания – «Народная воля» и «Белорусская газета» – издаются с 1995 г.

Частные медийные проекты ранних 1990-х гг. отличала ориентированность в первую очередь на экономику. Первый год своей деятельности «Биржи и банки», которой долгие годы впоследствии было суждено предопределять конфигурацию самого понятия «белорусской независимой газеты», занималась публикацией биржевых котировок и не более того. Новости как таковые, даже посвященные экономике, появились в издании позже. Эти первые частные газетные проекты были исключительно бизнес-начинаниями с ориентировкой на извлечение прибыли и только. Причем ее источником на первых порах была не реклама, а доходы от распространения. Они были свободней от репрезентаций, чем любое из ныне действующих белорусских «рыночных СМИ». Им не нужно было оглядываться даже на рекламодателя; государство же, провозгласившее с некоторым опозданием гласность, вело себя крайне либерально.

К 1993г. в Беларуси начал формироваться рекламный рынок с приемлемым для выхода нескольких изданий на самокупаемость объемом предложения. В таких сферах, как торговля автомобилями, поставки бытовой техники, компью-

теры и комплекующие, появились крупные игроки, не просто поддерживавшие независимую прессу рекламой, но и зачастую просто дотировавшие ее.

Компании «Дайнова» (компьютеры и периферия), «Туссон» (копировальная техника), «Атлант-М» (резеспорт продукции ВАЗа, поставки и сервис иностранных автомобилей) занимались активным продвижением, отпуская значительные суммы на рекламные бюджеты. Однако наиболее активным игроком была, безусловно, компания «Пуше». Ее владелец, А. Пупейко, поставлял в Беларусь автомобили «Шкода», торговал бытовой техникой Philips и Whirlpool. Часть своего капитала он инвестировал в строительство, сельское хозяйство и пищевую промышленность, банковскую сферу («Пуше» принадлежал банк «Олимп»). В период расцвета, в 1996 г., годовой оборот «Пуше» составлял \$200 млн. Часть этой суммы вращалась на рынке рекламных услуг. Сам А. Пупейко финансово помогал газетам и даже отдельным журналистам.

Большинство общественно-политических газет Беларуси в этот период, с 1991 по 1996 г., стали весьма успешными коммерческими предприятиями, приносили существенную прибыль. У их учредителей не было никакой нужды в донорской поддержке со стороны политических партий или зарубежных фондов.

В 1995 г. в Беларуси в силу того, что ряд крупных компаний не только поддерживал независимую прессу рекламными бюджетами, но и обеспечивал ресурсами ряд политических партий, началось давление государства на крупный частный бизнес. Налоговые службы выставляли гигантские штрафные санкции, компании закрывались, их владельцы уезжали из Беларуси. В 1996 г. приостановила свою деятельность «Пуше», в отношении А. Пупейко было возбуждено уголовное дело о невозврате кредитов на сумму \$ 12 млн. В 1998 г. А. Пупейко получил официальный статус беженца в Германии. Сужение возможностей частного бизнеса в Беларуси продолжалось. В 1998 г. был арестован А. Климов, председатель ООО «Андрей Климов и К^О», владеющего банком, строительной фирмой, объектами недвижимости в Минске, газетой. В этом же году в Польшу эмигрировал В. Круговой, бывший председатель Белорусской фондовой биржи и руководитель банка «Европейский».

Для независимых масс-медиа настал второй, поворотный этап. Число оставшихся в стране рекламодателей резко сузилось. Тем из них, кто активно занимался рекламным продвижением, начиная с 1996 г. из Администрации Президента и исполкомов стали приходить уже упоминавшиеся нами письма «Для служебного пользования». В них содержался постоянно обновляемый список изданий, в которые не рекомендовано предоставлять рекламные объявления любого содержания и объема. Никакой предусмотренной законом ответственности за уклонение от следования рекомендациям писем «ДСП» не было. К рекламодателям, все же рисковавшим продолжать давать объявления в упомянутые в списках газеты, приходили налоговые проверки, выставлялись штрафные санкции.

В списки попали наиболее жестко критиковавшие власть издания: «Народная воля», «Свабода», «БДГ». Лишившись рекламы, они потеряли возможность самоокупаемости. Простой мониторинг подшивок этих газет за период после 1996 г. позволяет сделать вывод о преобразовании всей экономики редакций: их тиражи не позволяли жить от продаж и подписки, рекламы же на полосах практически не осталось.

Именно на этом этапе и именно благодаря ликвидации крупных рекламодателей и давлению на оставшихся более мелких в Беларуси началось расслоение уже не просто на государственные и негосударственные газеты, но на репрезентационные государственные, репрезентационные негосударственные и «рыночные негосударственные».

Частные газеты пересели на донорскую помощь европейских и американских фондов. Ни одного документального подтверждения этому нет: по законодательству, белорусское СМИ не может получать помощь из-за рубежа, в противном случае оно будет закрыто решением суда. Поэтому дотирование осуществлялось по «черным» схемам, без придания сумм и источников огласке. Впрочем, один из путей внешнего дотирования белорусских изданий все же остался на поверхности: Евросоюз и немецкие фонды награждали независимые газеты премиями, сумм которых хватало на то, чтобы издания функционировали от 6 месяцев до года в зависимости от периодичности и количества штатных единиц. Напомним, что размер неоднократно присуждавшейся белорусам премии Г. Буцериуса «Молодая пресса Восточной Европы» составляет 40 тыс. евро. Решение о том, кому именно присуждать премии, принималось в большинстве случаев по рекомендациям экспертов политических партий и «Белорусской ассоциации журналистов», встроенной в неоднозначную систему белорусской политической оппозиции. Даже если опускать факт получения негосударственными репрезентационными СМИ средств доноров на повседневную работу, их необходимость оглядки на мнение оппозиции в вопросе о получении премий при условии отсутствия традиционных источников финансирования автоматически выводит их из категории «рыночных СМИ» в категорию репрезентационных СМИ.

Изменение способа финансирования непосредственным способом сказало на содержании этих газет. Если до 1996 г., вслед за интересами рекламодателей, непосредственным образом заинтересованным в улучшении бизнес-климата в Беларуси, «БДГ» писала преимущественно о проблемах инвесторов, чехарде с законами в области экономики, то после 1996 г. на первый план вышла политика. Причем изменившийся характер издания заставлял судить о ней все более и более жестко. Менялась и аудитория. Если в 1995 г. основными читателями газеты «Биржи и банки» были люди, вовлеченные в производство, крупные и средние предприниматели, то после перехода газеты в разряд репрезентационных этот читатель мигрировал в более спокойные и экономически ори-

ентированные проекты – «Белорусы и рынок», «Национальная экономическая газета».

Новый читатель газеты «Биржи и банки» – общественные активисты, низовой состав партий – требовал интересующих его новостей, написанных на его языке, с применением его понятийных категорий, раздражавших власть: «диктатура», «антиконституционный режим», «так называемый парламент» и проч. Произошло самовытеснение всех этих изданий, еще совсем недавно не зависевших ни от одной из политических или общественных сил (кроме, разумеется, читателей и рекламодателей), в оппозиционное поле. По мере усиления критики власти усиливалась и реакция власти на эту критику. Множились судебные иски. Ряд репрезентационных газет – «Свобода», «БДГ» – был по разным причинам закрыт.

Существенные трансформации произошли к 1996 г. и с государственными масс-медиа. Основной особенностью, безусловно, стало укрепление самого термина «государственные СМИ». Если в период с 1991 по 1994 г. рынок двигался по пути тотальной приватизации и выкупа редакциями газет и студиями телевидения государственной доли в своих предприятиях, то начиная с 1994 г. медийные ресурсы вновь стали концентрироваться в руках государства. Был приостановлен процесс акционирования телевидения, закрыта независимая общественно-политическая программа «Политика» на Белорусском телевидении, ликвидирована радиостанция «Белорусская молодежная». Государство сделало ставку на собственное преобладание в сфере электронных масс-медиа и контроль над всеми многотиражными печатными газетами и журналами. Одной из особенностей государственного менеджмента в среде СМИ была тенденция к постоянному укрупнению проектов. Издания преобразовывались в холдинги, в их главе ставился один человек, затем часть средств на существование всего холдинга перенаправлялась на одно, наиболее популярное СМИ, в него входящее. Стремление упростить управление информационными потоками, носителями которых являются печатные СМИ, привело к тому, что примерно с 2000 г. весь газетный рынок перешел в режим работы в качестве спецприложений к флагманскому изданию – газете «Советская Белоруссия» (или «Беларусь сегодня»).

Газета, возглавляемая бывшим спортивным журналистом П. Якубовичем, аккумулировала под себя значительную долю ресурсов, выделяемых на деятельность всей системы государственных СМИ. Необходимость во всех остальных государственных изданиях стала просто отпадать: «СБ» по мере увеличения своего объема пыталась покрывать все сферы политической, общественной и культурной жизни. Само построение государственной медийной машины, в которой первую, наиболее полную и свежую информацию получала «СБ», а все остальные вынуждены публиковать те новости, которые и так уже вышли в главном государственном издании, оставляло вопросы, зачем существовать таким проектам, как «Звезда», «Рэспубліка» и т.д.

Что касается третьей составляющей конфигурации белорусской медийной сферы, нерепрезентационных частных СМИ, «рыночных СМИ», то их все эти годы плавно подталкивали к мысли о существовании неких невидимых границ, с которыми необходимо считаться. Делалось это показательными репрессиями над «репрезентационными» негосударственными СМИ, наводящими на мысль о том, что любой проект, перешедший границы дозволенного, ждет печальная участь, а также плавным сужением поля для развития бизнеса.

Одним из этапных моментов во взаимоотношении «рыночных СМИ» с государством был Указ Президента № 247 от 31.05.2005 г. Этим указом всем частным газетам было запрещено использовать прилагательные «Белорусский...», «Белорусская...» в своих названиях. Якобы техническая мера, обусловленная недовольством Президента присваиванием частными фирмами государственной номинативной атрибутики, вылилась в необходимость полномасштабной перерегистрации. Причем сопряженной с вынужденным ребрендингом: «Белорусской деловой газеты», «Белорусского рынка», «Белорусской газеты» больше не могло существовать по закону. Отдельным игрокам стоило очень больших усилий получить лицензию на переименованное издание. Так в стране остались «БДГ. Деловая газета», «Белорусы и рынок», «БелГазета».

Финальным аккордом, окончательно предопределившим тот расклад на белорусском медийном рынке, который наблюдается в 2007 г. и будет, по всей видимости, наблюдаться еще некоторое время, стала очистка системы распространения от ряда репрезентационных оппозиционных СМИ. Следует отметить, что в Республике Беларусь есть несколько частных типографий, как есть и возможность провозить печатную периодику из России через пока еще открытую, несущую восточную границу. Однако система распространения находится в руках государственного монополиста, унитарного предприятия «Белпочта», которое до 2005 г. принимало на реализацию все зарегистрированные издания. Все попытки выстроить альтернативную систему доставки газет читателям – через уличную торговлю либо подписную систему – не увенчались успехом.

В 2005 г. «Белпочта» отказалась включать в подписные каталоги на 2006 г. газеты «Салідарнасць», «Народная воля», «Наша ніва». Эти издания столкнулись с неспособностью доставлять свои письменные версии читателям и мигрировали в Интернет.

Это окончательно закрепило расклад, при котором для изданий, представляющих оппозиционные репрезентации, заметного места на рынке просто не предусмотрено.

Кризис репрезентационного подхода к масс-медиа в Беларуси признали в 2006 г. два ключевых игрока этого сектора, шеф-редактор «Народной волі» С. Калинкина и владелец «БДГ» П. Марцев. На круглом столе, устроенном аналитической группой «Наше мнение», С. Калинкина заявила: «В этом смысле СМИ оказываются заложниками различных политических сил и подходов к решению

так называемого “белорусского вопроса”. Всем уже понятно, что на данный момент сложились два, может быть, не совсем взаимоисключающих, но различных подхода. Первый из них – долгосрочный. Основные принципы: “беларускасць, адраджэнне, абуджэнне народа, адукацыя” и прочий набор ключевых понятий. Этот процесс может длиться 20, 30, может 50 лет, может привести к какому-то результату, а может – и нет [...]. Есть и второй подход: нужно максимально быстро форсировать изменения в стране, потому что в нынешних условиях и речи быть не может ни о какой национальной идентификации белорусов [...]. В зависимости от подхода выбираются и разные проекты. Проекты первого подхода укладываются примерно в такой ряд: образовательные, этнографическо-фольклорные, просветительские. [...] Проекты второго ряда несут в себе не столько информационную, сколько мобилизационную функцию». П. Марцев: «Спонсоры развращают профессиональные кадры, поощряя их тратить силы на множество мелких, ничего значащих проектов. Доноры, думая, что они создают рабочие места, на самом деле сокращают их. Доноры, думая, что они поддерживают профессиональный уровень, на самом деле работают на его понижение. Потому что только в нормальном, хорошо простроенном, достаточном СМИ создаются условия, вынуждающие совершенствоваться. Только так может появиться эффективная работа, и как ее отражение – активная, эффективная аудитория. Так что это ни в коем случае не филантропия – то, чем занимаются доноры. Они занимаются неэффективным использованием средств. Уже много, многие годы»⁷.

Таким образом, белорусский рынок СМИ, каналы производства и распространения которого контролируются государством, равно как государством же де-факто определяется роль каждого из медиа-проектов, не менее специфичен, чем белорусская сфера публичного. В такой системе даже поведенческий и ценностный диктаты масс-медиа могут быть восприняты как благо, ибо они формируют те мотивационные запросы, которые в итоге могут привести к самоорганизации публичного пространства. Попытаемся вычленить те позитивные роли, которые играют белорусские медиа в конструировании независимой публичности.

Помощь в самопозиционировании реципиентов. Атрибутов проявления собственной точки зрения в Беларуси очень мало. Причем это касается не только политики, где сторонников курса действующего главы государства от противников этого курса в визуальном плане не отличает ничего (красно-зеленые флажки в приборных панелях автомобилей играют не атрибутивную, а магическую «охранную» функцию: они должны убеждать остановивших транспортное средство гаишников, что водитель является «государственным» человеком, имет некое отношение к вертикали власти), но и совершенно далеких от политики вещей. В Беларуси нет гольф-клубов, обществ любителей абсента, кружков читателей газет – а если и есть, то скорей носят характер исключения,

так как нет самой формы объединения людей по интересам, проявления этих интересов, заявления о них на уровне неких атрибутов. В этом контексте регулярный и сознательный просмотр программы «Панорама» на БТ является актом самопозиционирования, который заменяет ношение клубного пиджака с эмблемой общества выпускников 1977 г. или кепки I love New York. Вне зависимости от того, что испытывает реципиент, просматривая репортажи о политических и экономических успехах сильной и процветающей Беларуси, всякий раз, включая БТ, он как бы надевает тот самый клубный пиджак с эмблемой общества выпускников 1977 г. Покупка газет «Наша ніва» или «Беларусь сегодня», еженедельника «БелГазета» или журнала «Доберман» – это простейший акт проявления себя, причем не на уровне демонстрации неким третьим лицам медиа-продукта, с которым отходишь от киоска, но на уровне утверждения самого себя в том, какой медиа-продукт, какая интерпретация действительности более подходят. Потребление масс-медиа помогает экспликации внутренних состояний, политических воззрений, нюансов самосознания, которые в белорусских условиях зачастую являются имплицитными.

Введение в сферу альтернативного дискурса. При этом даже одноразовое ознакомление с любым негосударственным общественно-политическим изданием демонстрирует читателю, что, помимо информационного пространства, в котором можно существовать без всяких усилий (пространства газеты «СБ» и БТ), есть еще некий мир, в котором протекают совершенно иные процессы. Одним из ключевых отличий белорусской ситуации от ситуации советской является то, что доступ к сфере альтернативного дискурса не запрещен и даже не затруднен. Любой человек может свободно явиться в управу БНФ и приобрести там газеты, журналы и книги, репрезентирующие иной взгляд на политику, культуру и даже историю Беларуси. Но для того, чтобы сделать это, нужно знать о существовании управы БНФ и самих иных подходов к политике, культуре и пр. Без определенных усилий со стороны читателя это невозможно. Единоразовое чтение любого из альтернативных газетных проектов вводит в новую систему, где изменения в Конституцию путем референдума не приветствуются и осуждаются, где постоянно говорится о неких «исчезнувших политиках», «фальсификациях итогов выборов» и т.д. По эффекту это можно сопоставить с первым опытом чтения газеты российских патриотов-славянофилов «Завтра». Читателю без подготовки предлагается система терминов, понятий, «фактов» и «истин», являющихся бесспорными для регулярного потребителя «Завтра», но удивляющих неопытного. Например, название постоянной рубрики, в которой «Завтра» рассказывает о внутривнутриполитической жизни в России, «Пятая империя»⁸, отсылает к одной из теорий главного редактора «Завтра», Александра Проханова, объясняющей нынешнюю политическую конфигурацию России зарождением некоего «кристалла пятой империи»⁹. Читатель-новичок сталкивается с необходимостью глобального переосмысления всех тех событий, о кото-

рых пишут и «Российская газета», и «Коммерсантъ», вталкивания их в рамки той идеологической парадигмы, которая навязывается «Завтра». В простых фактах вроде изгнания кавказцев с российских рынков или похолодания в отношениях между администрациями В. Путина и Дж. Буша, обнаруживается некое второе дно, меняющее содержание самих фактов.

В результате ознакомления с независимыми белорусскими СМИ читатель открывает в ежедневном информационном ландшафте множественность подтекстов. Претензии международных наблюдателей к избирательным процедурам, требования ЕС по демократизации ситуации в Беларуси – все те события, о которых так или иначе все равно сообщается в рамках официального медийного дискурса, наполняются смыслом, получают некое логическое продолжение, оказываются частью целой информационной галактики, о которой до этого не было известно ничего.

Постулирование наличия плюралистичности. Очевидно, что не только мир «СБ» отличается от мира «БелГазеты», но и мир «Комсомольской правды в Беларуси» отличается от мира газеты «Экспресс-новости». «Наша ніва», «Белорусы и рынок», Интернет-газета информационного агентства «БелаПАН» «Белорусские новости» – все это совершенно разные голоса. На фоне монологических методов, которыми характеризуется самопрезентация власти, происходит донесение до читателей мысли о том, что мнений может быть несколько. Более того, конституируя присутствие плюралистичности во мнениях, негосударственные белорусские СМИ (причем как «репрезентационные», партийные, так и те, которые в иных правовых условиях могли бы быть полноценными «рыночными») сообщают плюралистичность самому событийному полю. Мы уже отмечали, что информационный ландшафт официальных СМИ не просто гомогенен – он идентичен. Первые полосы всех газет, расположенных в Доме прессы, совпадают с тем, о чем за день до их выхода сообщало информационное агентство «БелТА». Новости от «Учительской газеты» или «Белорусской нивы» будут аналогичны новостям «СБ». По большому счету, весь государственный медийный рынок функционирует в режиме одного-единственного СМИ, одной-единственной газетно-радийно-телевизионной единицы.

Независимые СМИ занимаются «производством» неких иных новостей. Из-за наличия в этой среде квазиконкуренции (речь в данном случае может идти о подобии борьбы не за читателя – читателей в Беларуси куда больше, чем газет, – а за рекламодателей, которых на рынке мало) каждое из негосударственных СМИ пытается выйти за рамки официального событийного ландшафта, быть как можно менее похожим на издания Дома прессы, сообщать о чем-то, о чем не сообщает конкуренты. В итоге читатели убеждаются, что помимо Беларуси селекторных совещаний, заседаний правительства, награждений животноводов, посевных и уборочных существует некая иная Беларусь, в которой белорусы ездят в Сингапур спасать обезьян¹⁰ или охраняют архитектурные памятники Гродно¹¹.

Что, в свою очередь, ведет к тому, что больше людей начинают задумываться о том, не съездить ли им в Сингапур или не создать ли общество по защите Гродно, – т.е., собственно, к конструированию альтернативной публичности.

Everyone counts. Подход Ж. Бодрийяра, согласно которому любой опрос является симуляцией¹², в значительно большей степени распространяется на белорусские медиа. В эфире БТ и ОНТ этот бодрийяровский принцип применен с поистине карикатурной гипертрофированностью. Беларусь является обществом, где крайне незначительный процент граждан читал Бодрийяра и осведомлен о симуляционном характере любых опросов, в том числе – опросов, имеющих характер медийного высказывания. А потому у большинства зрителей ТВ, читателей госгазет складывается впечатление, что иной формы публичного высказывания, кроме высказывания, представляющего из себя ту или иную форму одобрения действий власти, просто не существует. Мнение же тех, кто против, может проникнуть в эфир лишь после того, как будет смягчено, приведено в соответствие и т.д. Иным образом невозможно объяснить тот факт, что эти мнения есть, но в газеты и на экран не попадают. В свою очередь, это как бы цензурирует само мышление: оказавшись перед телекамерой, потенциальный интервьюируемый самостоятельно отбирает те мысли, которые являются «проходными» для эфирно-медийного дискурса, как бы корректирует всю систему своих политических воззрений.

Независимое же медийное пространство выявляет (зачастую теми же радикально-сомнительными методами) мнение тех, кто против власти. При этом «репрезентационные» оппозиционные СМИ, от белорусской службы радио «Свобода» до газеты «Народная воля», могут сознательно замолчать, выкинуть из экспресс-опроса сторонника режима, позволяющего себе критиковать оппозицию или хвалить власть, причем этому есть четкое идеологическое обоснование: в белорусских условиях журналист должен быть не профессионалом, а борцом.

Вместе с «рыночными СМИ», не осуществляющими цензуры опросов, «коррекции сознания» интервьюируемых, эти два полюса формируют почти нормальную ситуацию, когда все мнения учтены, everyone counts.

Соотнесение читателя с большими общественными группами. Этот эффект является суммой двух предыдущих. Не просто существует некая плюралистичность во мнениях и событиях. Не просто точка зрения, созвучная позиции читателя, может быть где-то высказана.

Представляется, одной из серьезных проблем всех носителей альтернативных точек зрения в Беларуси является ситуация одиночества и отчуждения, в которой они оказываются. Покупка независимой газеты разрушает это одиночество. Носитель альтернативной точки зрения внезапно осознает, что в стране есть еще по меньшей мере 20 тыс. человек (таков тираж «БелГазеты»), разделяющих его подходы. Он не одинок. Стало быть, он – не сумасшедший.

Формирование навыков чтения официальных новостей. Одной из особенностей деятельности белорусских официальных СМИ является процесс своего рода «шифрования» новостей. Из сводок «БелТА», первополосных статей «СБ» невозможно понять, что именно за событие имело место и какие выводы из этого события следуют для жизни граждан. В условиях, когда ограничен доступ журналистов на мероприятия с участием Президента (т.е. как раз те мероприятия, на которых и вершится судьба страны), нужны не просто новые источники информации, нужны навыки дешифровки официальных новостей. Нет смысла искать деталей встречи Президента с силовыми министрами в «Народной воле» или в «БелГазете»: своего журналиста на этой встрече издания все равно не имели и могут догадываться о ее реальных итогах лишь на основании той информации, которая доступна всем желающим. Главным и во многих случаях единственным источником такого рода информации является информационное агентство «БелТА», в полном объеме вывешивающее свои сводки в Интернете.

Человеку, погруженному лишь в поле официального дискурса, заметка про итоги поездки замминистра иностранных дел В. Воронцового в Брюссель не скажет ровным счетом ничего, ибо ее основным message является то, что «Беларусь и Евросоюз условились о продолжении диалога»¹³. Слушателю белорусской службы радио «Свобода» в глаза бросится явное противоречие скупойнейшего тона заметки с информацией об этой встрече, подаваемой «Свободой»: «Як паведамiла “Свабодзе” Хрысьцiна Гоман, прэсавы сакратар эўракамiсара Фэрэра-Вальднэр [...], падчас сёньняшнiх перамоваў спадарыня Фэрэра-Вальднэр заявiла беларускаму боку, што Брусэль зацiкаўлены ў наладжваньнi дыялёгу з афiцыйным Менскам, аднак чакае ад беларускага кiраўнiцтва ня толькi словаў, а [...] рэальных канкрэтных крокаў у галiне дэмакратызацii, захаваньня правоў чалавека, уключна з вызваленьнем палiтычных вязьняў»¹⁴. Теперь в заметке «БелТА» открываются новые смыслы, фраза про «продолжение диалога» звучит по-иному, так как оказывается, что диалог этот может вестись лишь после конкретных шагов с белорусской стороны, а информация про многочисленные «встречи» В. Воронцового в Брюсселе не производит впечатления достигнутых успехов, так как становится очевидно: все эти «встречи» завершились провалом.

Таким образом, негосударственные белорусские СМИ учат читать новости государственных белорусских СМИ. О сходном феномене, но в приложении к российскому контексту писала Ю. Латынина: «В новостях часто пытаются поменять места подлежащее и дополнение, то есть объект и субъект действия. Если вам говорят: “Российский МИД отреагировал на факт падения северокорейской ракеты на территории России” – это следует перевести так: корейцы запустили ракету. Она упала. А мы хлопали ушами. На падающую ракету вообще-то должен реагировать не МИД, а ПВО. В новостях обстоятельства образа, места и времени действия часто пытаются

представить более важными, чем само действие. А реакцию МИДа, МВД, Госдумы, Патрушева, Иванова и пр. на событие – более важной, чем само событие»¹⁵.

Определение рамок дозволенного в политике. Проблема белорусской системы - не в том, что здесь запрещено больше, чем запрещено, например, в России. С любой системой запретов, изучив ее, всегда можно относительно безболезненно сосуществовать. Проблема – в том, что белорусская система запретов постоянно меняется. Методов оповещения о новых рестрикциях в Беларуси не существует. Единственный метод проверить это – совершение некоего «сомнительного» действия, степень запретности которого еще не до конца верифицирована. Тогда, на примере совершившего поступок, по степени жесткости наказания за него всем остальным сразу станет предельно понятно, можно было это делать или нельзя.

Газеты, присутствующие в киосках «Белсоюзпечати», находятся как бы «на передовой». Понятно, что если в них, имеющих легальный статус, свободный доступ к десяткам тысяч читателей, можно обсуждать, например, сложности в российско-белорусском переговорном процессе о согласовании цен на газ и нефть, то эта тема не является безнадежно табуированной. С другой стороны, если их редакторы боятся касаться темы отмены социальных льгот или политических исчезновений, это означает, что эти темы находятся за чертой дозволенного. Любой действующий медиа-актор может сходу назвать несколько проблем, однократное обращение к которым может похоронить любое, даже самое уверенно чувствующее себя издание. Здесь тоже нет системы оповещения, тоже все происходит методом проб и ошибок. После того, как журналисту газеты «Свабода» С. Анисько присудили 30 тыс. дол. штрафа за публикацию о личном доме одного из ближайших соратников А. Лукашенко (причем газета в результате выплаты штрафа обанкротилась и закрылась), стало понятно, что о собственности этого соратника и о самом соратнике лучше не писать. После того, как украинский журналист М. Подоляк был депортирован из Беларуси за статью «Женщины президента», медиа-сообщество поняло, что табуированной является и личная жизнь главы государства.

Очевидно, что чтение газет является куда более безболезненным способом определить дозволенное в политике, чем личный опыт общения с репрессивной машиной.

Таким образом, можно заключить, что конфигурация белорусского медиаландшафта не вкладывается в традиционные для других стран схемы, а роли, которые играют белорусские альтернативные медиа-проекты, позитивны для независимой публичности.

Негосударственные газеты, журналы и web-сайты:

- помогают в самопозиционировании читателей;
- вводят их в сферу альтернативного дискурса;
- постулируют наличие плюралистичности;

- приучают к мысли о том, что любое мнение может быть высказано и услышано;
- соотносят читателя с большими общественными группами, что ликвидирует ситуацию «протестного одиночества»;
- формируют навыки чтения официальных новостей;
- определяют рамки дозволенного в политике.

В ожидании эволюции

Одной из заметных особенностей нынешнего состояния белорусского медиа-рынка является разрозненность его компонентов. Репрезентационные негосударственные СМИ далеко отстоят от репрезентационных государственных. Те же дистанцируются и от первых, и от третьих. Журналисты середины 1990-х упрощали этот феномен до маргинального деления профессиональной среды на «чэсных» (т.е. государственных) и «нячэсных» (т.е. негосударственных) «писак», однако очевидно, что ситуация куда глубже, так как сама демаркация своих-чужих не является конвенциональной для всей среды: у каждого издания свой набор представлений о критериях этого процесса. Так, репрезентационные оппозиционные СМИ склонны записывать «рыночные СМИ» в разряд репрезентационных государственных СМИ, утверждая, что на белорусском рынке могут выходить только контролируемые спецслужбами, функционирующие в качестве проектов Администрации Президента издания. С другой стороны, «рыночные СМИ» классифицируют деятельность репрезентационных негосударственных газет как дополнение к работе репрезентационных государственных, распространяя убеждение, что и сама оппозиция, и ее масс-медиа, являются частью государственной идеологии, опорой системы.

Очевидно, что описанная нами дистанция, как и вся трехкомпонентная система белорусских СМИ, станет первым, что унесет время. Три различные публики, являющиеся читателями трех перечисленных нами разновидностей газет, сначала сольются в одну, вслед за исчезновением понятий «оппозиционное СМИ», «государственное СМИ», «рыночное СМИ», затем – перераспределятся заново, на множество публик, читающих газеты, близкие к парламенту, бывшему премьер-министру, нынешней правящей партии и т.д.

Иного пути, чем приватизация всех государственных медийных активов и освобождение оставшихся репрезентационных СМИ от донорского влияния, не существует. Уже сейчас к белорусскому газетно-журнально-эфирному рынку проявляют повышенное внимание немецкие, датские и финские издательские и вещательные холдинги. Очевидно при этом, что вторая волна приватизации медийных активов будет вестись по схемам, ключевым образом отличающимся от мероприятий начала 1990-х гг. Не трудовые коллективы будут выкупать такие

издания, как «СБ», или Общенациональное телевидение, но внешние инвесторы. И продавцом станет выступать не редакция и даже не государственный холдинг, в который она входит, а непосредственно Республика Беларусь – точно так же, как уже происходит с крупными промышленными предприятиями и компаниями, работающими в прибыльных отраслях.

Очевидно, что подобные схемы разгосударствления исключают ту идеологическую ангажированность всего рынка, которая наблюдается сейчас. Белорусская периодика перестанет быть придатком оппозиционной или государственной идеологии, ее ориентированность на извлечение прибыли для инвестора породит совершенно иную модель белорусской газеты и, как следствие, белорусского читателя, ее читающего.

Примечания

- ¹ Марголин, Л. Не будем уподобляться слепым / Л. Марголин // <http://www.ucrb.org/?lang=rus&open=14559>
- ² Хмельницкий, Г. Заказ на Милинкевича / Г. Хмельницкий // <http://www.baj.by/review/?id=237&page=1>
- ³ Тарас, В. Трымцеьне вейкаў / В. Тарас // <http://www.nn.by/index.php?c=ar&i=9214>
- ⁴ Рудкоўскі, П. Калгас дэмакратычных сіл / П. Рудкоўскі // <http://www.nn.by/index.php?c=ar&i=9213>
- ⁵ Палітыкі пачалі падрыхтоўку да Эўрапейскага Маршу // <http://www.charter97.org/bel/news/2007/06/01/podgotovka>
- ⁶ «Рыночными» – в кавычках, так как прямая семантика этого слова подразумевает коннотации, не совсем совпадающие с теми, которыми оперируем в данном случае мы.
- ⁷ Материалы круглого стола «Проблемы и перспективы независимых СМИ, организованного аналитическим проектом «Наше мнение». Доступно по адресу <http://www.baj.by/media/?id=108>.
- ⁸ Роева, Н. Оборона Кремля (в рубр. «Пятая империя») / Н. Роева // *Завтра*. № 23 (707). 6 июня 2007 г. С. 3.
- ⁹ Проханов, А. Имперский проект / А. Проханов // *Завтра*. № 25. 21 июня 2006 г. С. 1.
- ¹⁰ Новожилова, К. Белорусы спасли обезьянку Машку от смерти в Сингапуре / К. Новожилова // *Комсомольская правда в Белоруссии*. № 107. 9 июня 2007 г. С. 3.
- ¹¹ Фролов, А. Сегодня ночью молодежными активистами была проведена акция против уничтожения Гродно / А. Фролов // http://naviny.by/rubrics/society/2007/06/10/ic_articles_116_151338
- ¹² Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М., 2000. С. 10.

Роль независимых медиа в конструировании альтернативной публичности

- ¹³ Беларусь и Евросоюз условились о продолжении диалога. <http://www.belta.by/ru/news/politics?id=160064>
- ¹⁴ Струвэ, А. Брусэль чакае ад Менску канкрэтных крокаў / А. Струвэ // <http://www.svaboda.org/articlesfeatures/politics/2007/6/3E1BEFA3-789D-40F2-B1DE-4004AEDFA00F.html>.
- ¹⁵ Латынина, Ю. Как дешифровать новости государственного ТВ / Ю. Латынина // Новая газета. № 230. 10 октября 2006 г. С. 3.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА: СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ

*«... линия фронта в Беларуси проходит
не на политическом поле боя,
а на поле эстетическом».*

Николай Халезин

Существенной чертой независимой экспертной аналитики в Беларуси является ее неустанное говорение из своего и противоположного, занятого властью места. Это относится и к культурным аналитикам, рассматривающим нынешнюю ситуацию в Беларуси с позиции присущей ей системы, или квазисистемы, эстетических ценностей.

Пример такой двусмысленной артикуляции обнаруживает заслуживающий внимания ряд публикаций на сайте «Хартии» Николая Халезина¹ – на сегодняшний день одного из ведущих культурных деятелей «альтернативной Беларуси», признанного в Европе драматурга и создателя независимого проекта «Свободный театр». Связывая причины нынешней ситуации в Беларуси с возвращением к профанированным эстетическим ценностям советского периода, Халезин, с одной стороны, апеллирует к людям, и в частности молодежи, отстаивающей альтернативные ценности, с другой же – к властям, задаваясь вопросом, что будет, если последние трезво не взглянут на имеющийся в белорусском обществе эстетический раскол. Предпосылкой этого второго, традиционного для белорусской аналитики обращения к власти является тезис об «углубляющемся экономическом кризисе в Беларуси», который преследует экспертные тексты, но не белорусское общество вот уже 15 лет.

Предлагаемый мною текст нацелен на то, чтобы сфокусировать внимание на одном срезе белорусской реальности, а

именно на реальности, в которой могут и должны возникать программы демократизации Беларуси. Обращение к этому срезу без оглядки на власть означает для меня разработку и предложение для обсуждения тех принципов «альтернативной Беларуси», которые позволили бы ей не просто возникнуть, но и выстоять. Иначе говоря, речь идет, прежде всего, о демократических принципах и структурах, которые необходимо обсуждать и по возможности учреждать уже сегодня, чтобы тем самым способствовать выходу из политического кризиса, не дожидаясь его экономической эскалации. Говоря еще более радикально, ядром моей теоретической и практической позиции является тезис, что именно от разработки альтернативной программы уже сегодня зависит то, что произойдет в Беларуси завтра.

Следующий ряд вопросов, возникающий в связи со сказанным выше: что это за принципы, как и где в нынешних условиях авторитаризма в Беларуси они могут разрабатываться? Отвечая на последний вопрос, – в лакунах социального, которые характерны для любого, в том числе авторитарного государства. Такими лакунами являются практики и сферы социальной жизни, которые связаны с политикой не напрямую, а косвенно. Это могут быть и исторически были церковь, театр, полуподпольные клубы и собрания по интересам.

Иначе говоря, таковыми в тоталитарных и авторитарных обществах являются объединения людей, ищущих альтернативные формы самовыражения, т.е. прежде всего различные культурные практики. Следующие два вопроса: как они должны организовываться и какие демократические принципы могут и должны утверждать, на самом деле являются одним вопросом. Связано это с тем, что альтернативными, а не воспроизводящими властные логики эти практики и будут только в том случае, если им удастся на локальном уровне утвердить те или иные демократические принципы и формы жизни. Одним из таких принципов и является принцип *публичности*.

Итак, целью данного исследования является обнаружение демократического потенциала культурных практик Беларуси. Для достижения этой цели в первой части исследования будет поставлен диагноз современной культурной жизни Беларуси на примере анализа, прежде всего, художественных практик 80–90-х гг. XX в. Во второй части будет предложен вариант интегрального понятия публичности, с одной стороны, как важнейшего принципа современных демократических обществ, с другой – адекватного культурной жизни Беларуси. В третьей части, в заключении, будут сделаны выводы о том, какое значение может иметь предложенное понятие публичности для центростремительной и центробежной демократизации культурной жизни Беларуси.

1. Диагноз: от постсоветского авангарда к партизанскому номадизму по-белорусски

«Может быть, потому в Минске до сих пор не появились сильные институции современного искусства со сколь-либо серьезной программой, что местная художественная среда предпочитает чистую стратегию без тылов и фиксированного поля сражения, она рассеяна, как песок в пустыне, и действует через персональные акции, и, чтобы узнать о них, надо изучить территорию».

Ольга Копёнкина (1989)

Белорусские художники, еще 10–20 лет назад задающие тон социально-эстетического обновления Беларуси, – это на сегодняшний день в основном маргиналы и/или участники культурной жизни других городов и стран. Кто-то, например И. Кашкурович, И. Тишин, В. Лаппо, В. Мартынчик, а также целая плеяда в большинстве своем 30-летних талантливых авторов – А. Дурейко, А. Логинов, А. Кошкарлов, М. Тыминько, Г. Шутов, В. Митриченко, Е. Давидович, А. Комаров, Д. Плакс и др., уехал за границу, кто-то, типа Геннадия Хацкевича, утратил чувство реальности, кто-то, например Людмила Русова, укрылся в сфере приватного или изредка делает вылазки, вызывающие откровенное непонимание публики (например, Виталий Рожков, он же «Бисмарк»). Ряд видных художников того времени, например Алексей Жданов, просто ушли из жизни.

И только небольшому числу представителей тех славных поколений удалось выстоять в Беларуси, т.е. продолжить выставочную деятельность и руководить художественными проектами. К их числу можно отнести, прежде всего, Артура Клинова (главного редактора альманаха современной белорусской культуры «Партизан»), Виктора Петрова (куратора международного фестиваля перформансов «Новинки»), Ольгу Сазыкину, тандем Цеслер & Войченко, Руслана Вашкевича, Алеся Пушкина, а также нескольких молодых художников, таких как Зоя Луцевич, Алексей Лунев, Алексей Иванов, художественный тандем «Саша и Сярожа» (Алексей Хацкевич и Сергей Михалок). Однако в их случае речь идет, скорее, о трудностях и нехватках, чем о признании и обсуждении в белорусском обществе.

Для понимания, почему так случилось, не замыкаяемся на «фигуре Лукашенко», нам придется представить схематичную картину художественных трансформаций конца 80-х гг. XX в. – самого начала XXI в. Такая задача обусловлена гипотезой, что современное белорусское искусство, вернее, ситуация с ним является результатом несостоявшейся институализации тех новых и во многом независимых и синтетических практик, которые дали о себе знать в конце 80-х – начале 90-х XX в. Процессы такого рода институализации имели

место практически во всех республиках бывшего СССР, не говоря уже о странах бывшего соцлагеря (важнейшим элементом было создание центров современного искусства при поддержке Сороса²).

Однако в Беларуси судьба «художественного поля» сложилась иначе, что нам и предстоит показать. При этом мы будем обращаться прежде всего к художникам, а не к фотографам, музыкантам, литераторам и представителям других сфер культурной жизни, поскольку: 1) именно художники (наряду с литераторами) наиболее наглядно обнаружили в интересующий нас период новые культурные веяния и трансформации; 2) пики генезиса художественных практик приходится именно на интересующие нас «перестроечные» годы (в отличие, например, от генезиса фотографической среды³); 3) они предложили новые синтетические формы культурных практик, объединявшие вокруг себя представителей всех других сфер, и 4) до сих пор, в отличие от тех же литераторов⁴, не имеют ни одной целостной историографии.

Общая идея исследования, повторимся еще раз, состоит в том, чтобы отказать от экономического и политического редукционизма в объяснении сложившейся ситуации и попытаться выявить имманентные, присущие самому «художественному полю» Беларуси причины его деградации, а также наметить пути выхода из сложившейся ситуации с опорой, опять же, на имманентную логику этого поля.

1.1. Первая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.

Белорусская искусствовед Ольга Копёнкина дала в 1998 г. следующую оценку художественной ситуации в Беларуси: «В настоящий момент художественную ситуацию в Беларуси определяют два поколения: сформированное в 70–80-х гг. на идее и эстетике андеграунда и проявляющееся только в последние годы поколение 90-х, герои которого делают ставку на собственную биографию, не связывая себя ни с какими традициями, преемственностями и идентичностями»⁵.

Другая исследовательница белорусского искусства – Эулялия Домановска выделяет три поколения художников, определяющих современную культурную жизнь Беларуси. «Старшее поколение, сформированное в 70-х, 80-х на основе эстетики и идей андеграунда – Людмила Русова, Игорь Кашкурович, Василий Васильев, Ольга Сазыкина, Игорь Тишин, Наталья Залозная. Среднее – творилось во времена падения Берлинской стены – Сергей Кожемякин, Игорь Савченко, Артур Клинов, Александр Пушкин. И поколение девяностых, молодое, которое отгораживалось от всех традиций, наследий, идентичностей, делало ставку на собственную биографию и пробовало найти контакт с западным искусством, – Андрей Дурейко, Витольд Левченя, Сергей Бабарека, Максим Тыминько, Андрей Логинов, Роман Троцюк, Ольга Масловская, Антон Слюнченко, Денис

Романовский»⁶. К этой последней генерации⁷ стоит отнести также Ж. Грак, М. Вакульчика, А. Кошкарлова, А. Соколову, В. Митриченко, С. Зябкину, Г. Шутова, А. Школьникова, А. Комарова, Е. Галузо, А. Лукаевич, О. Чёрного, Э. Бохана, А. Воронцова, Е. Давидович, А. Кныш, С. Кунаева, активно и достаточно успешно осваивающих европейское художественное пространство за пределами Беларуси, и З. Луцевич, А. Хацкевича, С. Ермоловича, А. Терехова, Д. Раманюка, а также Р. Вашкевича, А. Лунёва и А. Иванова, находящихся в Беларуси, хотя и выставляющихся зачастую за ее пределами.

Итак, по рассказам художницы Ольги Сазыкиной⁸, 70–80-е гг. XX в. в Беларуси были отмечены, прежде всего, деятельностью тандема художников Игоря Кашкуревича и Людмилы Русовой⁹, собиравших в своем пригородном доме культурную публику Минска для «посвящения» в актуальное искусство. Затем эти встречи были перенесены в Минск: художниками была создана группа «Плюралис». Встречи проходили на базе театра «Христофор» и были открыты для всех желающих. Кроме просветительской деятельности, художники активно участвовали в перформансах, обнаруживая стилиевую связь, с одной стороны, с современным западным искусством (в частности, Й. Бойса), с другой – с традициями витебского авангарда начала XX в.

В качестве другой тенденции 80-х можно обозначить «выход на свет» целой плеяды авторов, работы которых не могли из-за их формальных и содержательных предпочтений выставляться в залах Союза художников. Свои первые выставки художники организовывали на берегу реки Свислочь в районе сквера Янки Купалы в канун празднования дня города, выставляя холсты вдоль набережной. Через некоторое время сквер наводнился милицией, толпа синела от милицейских рубашек. Милиционеры пытались отобрать работы у художников и бросить их в реку, затем начинали «арестовывать работы»: холсты изымались у художников и относились в Музей Янки Купалы, к которому никого не подпускали. Художники оказывали сопротивление, их поддерживали жители города, прогуливавшиеся в парке, обращаясь к милиционерам с вопросом: «Объясните нам, почему вы запрещаете эту выставку? Во всем мире художники давно уже рисуют и выставляют, что хотят!» Наряду с милиционерами негативную оценку выставкам давали художники из Академии искусств (в то время – Театрально-художественный институт), образовавшие комиссию, призывавшую авангардных художников опомниться и перестать заниматься глупостями.

Следующий этап связан с первыми годами «Перестройки»: в это время проходит целый ряд выставок и возникает целый ряд объединений, как независимых, так и объединений на базе Союза художников. Создание первых объединений и идея первых выставок базируются, прежде всего, на стремлении художников к свободному самовыражению. Не имея возможности выставляться в официальном пространстве, будучи изгоями в Академии искусств, художники начинают искать альтернативные площадки и способы презентации. Помеще-

ния для выставок находятся случайно: в то время имеется множество пустующих помещений во всякого рода учреждениях, как, например, вестибюли БелНИИТИ и Гражданпроекта, которые отдаются художникам на время выставок «под честное слово».

Среди объединений того времени стоит выделить следующие: 1) независимые – «Бло» (Артур Клинов, Алексеев Жданов и др.), «Форма» (Валера Мартынчик, Валера Бобров), КОМИ-КОН (лидер – Константин Горецкий); «Белорусский климат», объединивший независимых молодых музыкантов, художников и фотографов (Евгений Юнов, Филипп Чмырь, Игорь Корзун – «Митёк», Валик Гришко, Ирина Сухих); 2) созданные на базе Союза художников – «Немига-17» (Сергей Кирющенко, Олег Матеевич, Тамара Соколова, Анатолий Кузнецов, Леонид Хоботов, Николай Бущик, Зоя Литвинова, Галина Горова) и «Пагоня» (руководитель Алексей Марочкин, один из самых ярких участников – Алесь Пушкин). Свою деятельность продолжал также тандем Игоря Кашкуревича и Людмилы Русовой.

Общим для всех этих объединений была задача консолидации усилий художников в проведении совместных выставок. Однако сами выставки, о важнейших из которых речь пойдет далее, за редким исключением, не имели стилистического и тематического единообразия, демонстрируя, по словам их участников, скорее, поиски индивидуального – формального, композиционного и содержательного – самовыражения в новых социально-политических условиях. Показателен в этой связи текст одного из каталогов к выставке 1989 г. Геннадия Хацкевича и Ольги Сазыкиной в Тоблахе (Италия): «Их (белорусских художников. – *О.Ш.*) искусство отмечено жизненным опытом, который связан с четким отмежеванием искусства от политических событий. Тем не менее свое искусство они привязывают к выразительным формам авангарда начала 20-го века и одновременно к открытию новых интимных, созерцательных и иногда даже мечтательных сторон живописи. [...] В любом случае художники окрылены желанием высвободить историю и традицию с помощью новых эстетических форм».

И все же можно провести различие между перечисленными объединениями. Так, независимые объединения ориентировались на резкое противопоставление своего творчества официальному искусству, и в частности фигуративной живописи, и были нацелены на поиск новых форм (самой популярной был, пожалуй, перформанс) и техник, что в итоге давало чрезвычайно эклектичную картину. В то же самое время в содержательном аспекте они заключали в себе внутреннюю, прежде всего социальную интригу, сообщая или даже восклищая о том, что оставалось за пределами официального политического и социокультурного дискурса советского времени: об интимных сторонах жизни художника и невозможности самореализации в условиях тотальной идеологизации, о неустроенности советской повседневности, о противоречии между коллективным оптимизмом общества и индивидуальным пессимизмом личности¹⁰. Это и по-

зволюло обозначить белорусских художников независимых объединений этого периода *авангардистами*.

Объединение «Немига-17», по словам его активного участника, Сергея Кирющенко, имела другие цели и реализовывала другие задачи: вернуться к той традиции живописи, которая была потеряна в годы советской власти. Такое возвращение предполагало, с одной стороны, обращение к традициям западноевропейской и российской живописи, с другой – к местным мастерам и школам.

Центральной для объединения «Пагоня» была идея «Адраджэньня» (Возрождения), важнейшей составляющей которой была этническая и фольклорная культура, а со временем, с приходом к власти Лукашенко, – наиболее радикальное сопротивление проводимой властями «культурной политики» дебеларусизации. Однако оборотной стороной акцента на «адраджэньскай» идее в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стал конфликт представителей этой идеи с поколением молодых художников, в результате чего значительное число из них бросило Академию искусств и уехало за границу – в Дюссельдорф, Берлин, Амстердам, Роттердам, Кёльн, Париж, Нью-Йорк, но не оставило свои занятия искусством, в том числе обращенные к поиску белорусской идентичности и пониманию происходящих в Беларуси в настоящий момент процессов (представители так называемого третьего поколения¹¹). Перейдем теперь к представлению важнейших выставок того времени.

В качестве первой и важнейшей выставки независимых, авангардных художников можно выделить выставку «На Коллекторной» (1986), названной по имени места ее проведения – НИИ «Менскграмадзянпраект», расположенного по адресу: Коллекторная, 4.

Ее участниками и организаторами были Алексей Жданов, Виталий Рожков («Бисмарк»), Андрей Плесанов, Тодар Кошпа и Артур Клинов. Выставка носила ярко выраженный политический характер и может быть охарактеризована как рефлексия по поводу горбачевской «перестройки». Одним из центральных экспонатов выставки был портрет обнаженного Брежнева во весь рост с увеличенными гениталиями («Портрет Патриарха» В. Рожкова). Выставка, с одной стороны, имела огромный успех у белорусской культурной публики, с другой – вызвала, по воспоминаниям очевидцев, бурю негодования у властей и «сторонников СССР», в связи с чем ее проведение стоило художникам-организаторам немало усилий и нервов¹².

Следующим громким событием художественной жизни Минска и Беларуси становится выставка «Перспектива» (1988, БелНИИТИ – выставочный зал, Минск). Ее участниками были практически все андеграундные художники (70 человек!) того времени: Л. Русова, И. Кашкуевич, Г. Хацкевич, А. Лаппо, В. Рожков, В. Чернобрисов, Е. Кириллов, В. Петров, О. Сазыкина, С. Малишевский, В. Пачицкий и др. Выставка не имела стилового и тематического единства и, по словам Ольги Сазыкиной, по-прежнему презентировала, прежде всего, многообразие

способов самовыражения, которые не могли быть представлены в официальном арт-пространстве. Это был, прежде всего, поиск новых тем, форм и техник. Публика была в восторге от выставки. Журналисты делали маленькие заметочки в газетах, так как для больших не было соответствующего формата.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. проходит целый ряд выставок авангардистов в Беларуси и за ее пределами – в Польше, Германии, России, Латвии, Голландии, Швеции. Наиболее значительные их них: «Мастерская художника» (1987, Дом работников искусства, инициированная художником Андреем Плесановым), «Казимир-Малевич-110» (Минск – Витебск, 1988) и «Форма» (Таллинн, 1988; Варшава, 1990), «Оживление Казимира» (Палац мастацтваў, Минск, 1989), «Панорама» (1989, Торговая, 27, Минск, Беларусь), «Современные художники Белоруссии» (галерея Большого театра г. Дармштадт, Германия, 1990), «Белорусский Авангард» (галерея «Норблин», Варшава, Польша, 1991), «Это Мы!» (музей «Захэнта», Варшава, Польша, 1991).

1.2. Вторая половина 90-х – начало XXI в.

К середине 1990-х гг. намечаются новые, прежде всего институциональные, сдвиги в художественном поле. В то же время актуальное белорусское искусство обретает свои, пусть и туманные, общие очертания.

Важнейшим из событий художественной жизни 1990-х становится открытие в 1992 г. галереи актуального искусства «Шестая линия» в помещении БНТУ (инициатива художников А. Тарановича и И. Кашкуевича; директор Алёна Дорошевич; кураторы Ирина Бигдай и Ольга Копёнкина). По словам Артура Клинова, создание этой галереи «логично завершило эпоху 1970–1980-х гг. – пору экзистенциального одиночества автора – и послужило началом нового этапа – эпохи существования автора в информационном поле, за границами которого само существование автора сегодня ставится под вопрос»¹³.

Как кажется, выражением того же самого генезиса становится возникновение в Витебске в 1994 г. независимого выставочного, международного (с 1995 г.) проекта In-formation, инициированного группой художников во главе с Николаем Прусаковым и Василием Васильевым – главным куратором проекта. По словам искусствоведа Ларисы Михневич, «в упрощенном виде его идея выглядит так: экспонируются “не живопись” и “не графика”. Название отчетливо отражает смысл проекта: с одной стороны, это поиски формы (in forma “внутри формы”), с другой – in-formation представляет поток информации»¹⁴. В проекте в разные годы принимали участие художники и искусствоведы из Беларуси, Польши, России, Швейцарии, Норвегии, США, Франции. Среди белорусских авангардистов, участвовавших в этом проекте в разные годы, стоит выделить Галину и Василия Васильевых, Николая Прусакова (Витебск), Людмилу Русову и Игоря Кашкуре-

вича (Минск), Андрея Веренича (Витебск), Олега Ладисова (Полоцк), Ольгу Сазыкину (Минск), Александра Маляя (Витебск), Алексея Великжанина (Минск), Вавэна Юрченко (Минск), Глеба Шутова (Минск), Артура Клинова (Минск). Основным местом показа экспозиций были старые здания соляных складов, давших название галерее.

В 1997 г. в Минске реализуется первый немецко-белорусский выставочный проект «Тексты», организованный институтом Гёте и показанный затем в нескольких немецких городах. В версии искусствоведа Ольги Копёнкиной, белорусские участники этого проекта (среди которых Игорь Кашкуревич и Ольга Сазыкина) демонстрировали разрыв собственного опыта с его текстуализацией, что позволило искусствоведу сделать следующий вывод о феномене белорусского искусства: «Белорусский художник на международном randеву на первый взгляд нарушает все правила игры: он не несет никакого ясного высказывания, не опровергает и ничего не утверждает. Он подсознательно сопротивляется любой форме определенности, разрывая связи внутри знаков и кодов, руинируя еще не родившийся знак и регистрируя эти руины»¹⁵. Контекстом такого самопонимания белорусского художника является, по мнению Копёнкиной, ощущение периферийности, пограничности и номадичности белорусского культурного контекста.

Выражением последних стал и такой индивидуальный художественный проект, как проект «Партизанских галерей» Игоря Тишина (1997), предвосхитившего как «партизанский манифест» (2001) и независимый журнальный проект «Партизан» (2002) Артура Клинова, так и «партизанскую киноэпопею» Андрея Кудиненко «Оккупация. Мистерия» (2002). В версии Артура Клинова, партизанская ситуация актуального белорусского искусства является выражением его сопротивленческого (и поэтому антисистемного) и, одновременно, «адраджэньчэскага» характера. В этой ситуации «партизаном является реальный белорусский культурный герой, который отстаивает свои права на сохранение собственной культурной идентичности», понятой также как собственная *культурная автономия*¹⁶. Своеобразие образа действия партизана проявляется в воле к сопротивлению в ситуации, когда врага невозможно победить в открытой битве, в результате чего он создает свое собственное поле битвы – протополе художественной автономии – по ту стороны системы, тем самым превращая антисистемность своих действий в асистемность, понимаю как претензию на создание собственного, автономного порядка действий.

В качестве других проявлений «партизанской тактики» можно рассматривать мощное развитие иронической составляющей работ и проектов того же Клинова, а также Р. Вашкевича и тандемов «Цеслер & Войченко» или «Саша и Сярожа». Ирония при этом направляется как вовне и служит в таком случае своеобразным способом взаимодействия с европейской художественной традицией (например, живописный проект «Second hand» (1997) и «Second second hand»

(2000) Р. Вашкевича), так и вовнутрь (например, достойная внимания выставка белорусского искусства в 2004 г. в Киеве с участием А. Клинова, С. Войченко, В. Цеслера и Р. Вашкевича «Балота» (англ. «Bog Empire»)).

О последней выставке искусствоведа Ольга Ковалева напишет следующее: «Они (участники проекта. – *О. Ш.*) дают возможность отечественному зрителю, смеясь (порой, сквозь слезы), посмотреть на себя, на свои фобии и комплексы, а зарубежному – воспринять белоруса не только как Другого: исследуя белорусскую ментальность, художники выступают и аналитиками человеческого сознания вообще». И далее: «Перед нами субъект, наделенный феноменальной способностью к выживанию в любых условиях, в любой, даже самой неблагоприятной ситуации. Его организм биологически и психологически сбалансирован, а потому он устойчив к стрессам. Он в меру ленив и циничен, но в то же время очень находчив и в определенных условиях работающ. Он может довольствоваться малым, но ему не чуждо и стремление к чему-то большему. Аффектированной агрессии он скорее предпочтет выжидательную позицию, хотя при необходимости сможет защитить и себя, и свое добро. Он трезво смотрит на мир и устойчиво стоит на земле. У него свои перспективы и жизненные горизонты. И это вселяет надежду и оптимизм даже среди туманной неопределенности болотных хлябей»¹⁷.

Интересно отметить, что партизанскому образу действия в 1990-е соответствовали художественные акции и перформансы, с одной стороны, национально-ангажированной молодежи (Алеся Пушкина, Юрася Барысевича, Змицера Вишнева и др.), а с другой стороны, словами Андрея Дурейко, художественные проекты «целой генерации модернистски настроенных “иных студентов”, которые при этом смогли пройти сквозь академический отбор, так что к 1991 г. на всех шести курсах Академии искусств оказались “чужие” или, как их тогда называли преподаватели, “зомби”». Эта генерация была выращена, прежде всего, преподавателями Минского художественного училища и Республиканской школы-интерната изобразительного искусства и музыки им. И.О. Ахремчика (Минск): А. Близнюк, А. Радионов, А. Задорин, И. Тишин, Н. Залозная, О. Мурашко, Г. Китаева, Г. Раманова, «мыслящими открытыми категориями» (Дурейко) и являющимися действующими художниками. Возникновение феномена «иных студентов» было вызвано расхождением художественных установок молодежи с установками тогдашних (и в той или иной степени нынешних) консервативно настроенной администрации и преподавателей Академии искусств (В. Шарангович, А. Марочкин, В. Савич, В. Басальга, М. Купава), результатом чего стало массовое изгнание молодежи из Академии и ее отъезд за границу.

Однако молодая генерация успела оставить свои следы в художественном пространстве Минска, участвуя в выставках галереи «Шестая линия», в выставке «Уроки нехорошего искусства» (Палац мастацтваў, 1992), идея которой принадлежала Игорю Тишину, и проводя начиная с 1989 г. в разных залах и открытых

пространствах многочисленные перформансы и выставки (самые интересные из них: «Liebschaft», 1994, и «Todesschaft», 1997). В 1989 г. начинает свою перформанскую деятельность и Алесь Пушкин, по его собственным словам, «тем самым положив начало соц-арту в Беларуси»¹⁸. В его случае на месте эмиграции оказываются непрерывные аресты и штрафы.

Итак, вводя в оборот новые институциональные формы, создавая новые объединения и начиная участвовать в коллективных проектах, художники продолжали презентировать белорусское искусство в пределах и за пределами Беларуси. Из наиболее значительных, крупных совместных выставочных проектов можно, пожалуй, выделить проект «Белый Арт-фестиваль» (Палац мастацтваў, Минск, 1995), среди новых участников которого стоит отметить набирающего тогда известность живописца Руслана Вашкевича, и «Новое искусство Беларуси» – фотография, инсталляция, музыка, перформанс, видео (Варшава, Центр современного искусства «Замок Уяздовский», 2000). В последней выставке приняли участие «14 художников, работающих в разных сферах, с разными формами и на разных материалах. Список авторов довольно длинный. Это Группа Бергамот, Андрей Логинов, Витольд Левченя, Андрей Дурейко, Сергей Бабарека, Артур Клинов, Игорь Савченко, Ольга Сазыкина, Наталья Залозная, Максим Тыминько, Игорь Тишин, Василий Васильев, Алесь Пушкин»¹⁹, иначе говоря, представители сразу трех поколений современного белорусского искусства. В качестве важнейших характеристик этого проекта искусствовед Нелли Бекус-Гончарова выделяет неизбежное обнаружение в работах художников «диалога с властью», который подменяет собой диалог «как форму существования культуры и искусства» вообще.

Другим опознавательным знаком белорусского искусства этого периода становится его бездомность. К этому времени в Беларуси не остается ни одной независимой галереи и ни одного независимого объединения: «Шестая линия» закрывается в 1998 г. (на ее счету 48 выставок), фестиваль In-formation проходит в последний раз в 2000 г., «иная молодежь» уезжает из Беларуси. И хотя в действии остается несколько проектов: до сего дня действует объединение «Пагоня», выходит журнал «Партизан», с 1999 г. начинается ежегодный международный фестиваль перформансов «Новинки» (кураторы В. Петров и Д. Романовский), а в 1998 г. открывается государственный Музей современного искусства в Минске²⁰, – все эти проекты и площадки не справляются с задачей формировать среду, необходимую для развития белорусского актуального искусства. Это приводит к тому, что искусствоведы Алена Бойко в Чехии и Ольга Коваленко в Беларуси делают вывод о том, что, хотя и имеются современные белорусские художники, в Беларуси на сегодняшний день не существует актуального искусства²¹.

Как же, в силу каких обстоятельств бурные процессы в «художественном поле» Беларуси 1980–1990-х не породили феномена «актуального белорусского искусства»?

Поиск ответов на этот вопрос можно начать с выдвижения гипотезы о том, что в Беларуси так и не произошел декларируемый создателями галереи «Шестая линия» и, в частности, Артуром Клиновым переход от эпохи «экзистенциального одиночества автора», иначе – эклектичных поисков новых художественных средств и содержаний, к эпохе «существования автора в информационном поле». Иначе говоря, не произошла институализация новых форм художественных практик. Так, к примеру, в отличие от Украины, России, Казахстана и других республик бывшего СССР в Беларуси в первой половине 1990-х не был создан соросовский Центр современного искусства, хотя Фонд Сороса был закрыт только в 1997 г. Стоит отметить, что именно соросовские центры современного искусства стали в странах бывшего СССР отправной точкой для возникновения новых как независимых, так и государственных институций актуального искусства. Это случилось потому, что они стали образцами совершенно новой – современной организации художественной жизни, обязательно предполагающей наличие таких до того несуществующих игроков, как куратор проекта и критик, заботящийся о включении художественной практики в культурный и социальный контекст.

О том, что в Беларуси не было сделано принципиальных шагов в сторону этой новой формы институализации, свидетельствует, к примеру, следующая оценка деятельности фестиваля In-formation в Витебске искусствоведа Ларисы Михневич: за годы существования этого проекта не была организована минимальная публичность вокруг него, начиная с рекламы и завершая аналитическими материалами, что прямо противоречило его идее и названию²². Возможно, что в том числе и этот факт обусловил то, что за 6 лет существования проекта ни один витебский и минский музей не купил ни одной работы. И тут же Лариса Михневич затрагивает следующее фундаментальное противоречие, присущее In-formation: его вдохновитель и организатор Василий Васильев мечтал о том, чтобы государство взяло на себя полное финансирование проекта. Хотя в таком случае, замечает Михневич, пришлось бы менять всю его концепцию.

Тут мы можем коснуться второго обстоятельства, обусловившего нынешнее состояние белорусской художественной среды, – иллюзии относительно институциональных форм культурной жизни советского образца: «творческих союзов», журналов, оставшихся с тех времен (журнала «Мастацтва», выходящего с 1983 г.), образовательных учреждений (Академия искусств) и выставочных залов, находящихся в государственной собственности. До сего дня от художников приходится слышать, что их проекты должны поддерживаться государством, хотя при этом всякому художнику отлично известно, насколько консервативны государственные структуры и ведомства, «занимающиеся» культурой. В этой ситуации ничего не остается, как делать ставку на свои собственные силы и отстаивать культурную автономию, хотя тут возникает резонный вопрос, как сделать так, чтобы эти силы не рассеивались, а консолидировались?

В этом смысле поучительным является вопрос Валентина Акудовича, обращенный к новой литературной среде, сформированной, как и художественная среда, в 80-е гг. XX в. Этот вопрос: «ці мае ў сабе ўсё гэтае “новае” модус структурнасці, ці імкнецца яно ўвогуле да структурызаванні?». Его ответ: скорее, нет, потому что сама эта среда возникла как оппозиция любому целому (не только командно-административной системе). В таком случае, необходимо структурирование на новых основаниях, которое будет способствовать тому, что «новая літаратурная сітуацыя ператворыцца ў сітуацыю літаратуры, тоеснай самой сабе ўжо без усялякіх прыметнікаў»²³.

Последнее решающее обстоятельство во многом является фундаментом уже перечисленных обстоятельств и объединяет в себе расколы и разломы, присущие современным художественным практикам. Это обстоятельство состоит в недооценке неоднородности «художественного поля» Беларуси, откуда следует задача его структурирования исходя из этой разнородности. Иначе говоря, сокрытие неоднородности ведет к скрытой борьбе за власть той или иной группировки – традиционно-настроенных художников против авангардистов-модернистов, политически ангажированных против представителей чистого искусства, что в нынешних условиях неприятия актуального искусства властями вообще выгодно именно этим самым властям.

Как кажется, именно от структурирования художественного пространства и налаживания коммуникации между различными «партизанскими номадами» с опорой на собственные силы или на художественную автономию, понятию в том числе как новая институциональная конфигурация, зависит будущее актуального искусства, да и всего «художественного поля» Беларуси. Далее я попытаюсь показать, что именно принцип публичности должен быть положен в основу такого структурирования, которое кроме собственного обновления может стать толчком к обновлению белорусской социально-политической реальности вообще.

2. Публичность как концепт: исторические версии и адекватные современности инварианты

Канцэпцыя партызана – гэта канцэпцыя змаганьня, змаганьня асобы за права ўласнай культурнай аўтаноміі, але толькі калі гэтае права прызнаецца і за іншай асобай.

Артур Клінаў

Обращение для анализа современной белорусской культурной ситуации к понятию *публичности* обусловлено рядом факторов. Первый из них связан с фиксацией принципиальной трансформации этой ситуации в конце 1980-х, т.е.

с распадом СССР. Ядром этой трансформации является изменение отношения эстетики и политики. Суть этого изменения заключается в том, что, несмотря на все описанные выше сложности и двусмысленности, присущие формированию в Беларуси независимых творческих площадок, после 1986 г. стало возможным само это формирование. Это значит, что свободное самовыражение художника было перенесено из приватного пространства кухни и мастерской в публичное пространство независимых творческих объединений, галерей и изданий, которые, в силу исторических причин, сами еще нуждались в изобретении своей формы, адекватной процессам социальных, политических и экономических трансформаций постсоветского пространства²⁴.

Тем самым понятие политики начало приобретать новое значение: превращаться из синонима государственного принуждения художника к деятельности, подчиненной логике идеологического заказа, в синоним практик реализации внешней свободы, для которой, в отличие от свободы внутренней, не существует никаких априори заданных извне границ. Такие априорные границы для внутренней свободы образовывали в советское время те самые формы государственного контроля и принуждения – от всепроникающей цензуры до социальных (государственных) заказов. Одновременно с преодолением этих границ возник вопрос о происхождении критериев и ценностей новой культурной реальности, поскольку ранее монополией на таковые обладали государственные институты, регламентирующие культурные практики: высшие учебные учреждения, государственные журналы, министерства культуры. Тут мы подходим ко второй предпосылке целесообразности введения понятия *публичности*, потому что исторически в Европе, согласно Хабермасу, именно *сфера публичности* смогла предложить эффективную замену прежней церковной и дворцовой монополии на выработку культурных ценностей и на придание значимости сначала эстетическим, а затем и всем прочим суждениям, касающимся общих интересов.

2.1. От литературной к политической публичности (XVI–XVIII вв.)

Итак, история публичности, согласно Хабермасу, восходит к Новому времени и к эмансипации нового социального класса, а именно класса буржуазии. Однако сама эта эмансипация не разворачивалась, согласно Хабермасу, исключительно в соответствии с экономической логикой укрепления этого класса. Наряду с этой логикой, или с показателем собственности, а затем образованности, поначалу в большой степени производной от экономического положения, второй важнейшей составляющей эмансипации буржуазии был сформированный Просвещением идеал *разумного человека*, или разумности. Новый агент социально-политических отношений реализовывал себя, с одной стороны, как

буржуа – как собственник, заботящийся об общественном, т.е. ограничивающем государственное, регулировании экономических отношений, с другой стороны, как *разумный человек* вообще – автономный субъект поступка и мысли²⁵. При этом в соответствии с универсалистской логикой Нового времени – с постулированием универсальности человеческой разумности, в своей второй ипостаси этот новый игрок с необходимостью трансцендировал свою первую ипостась, что со временем позволило эмансипации распространиться и на другие классы и секторы европейского общества.

Следующий момент, который стоит выделить для данной короткой реконструкции хабермасовской модели публичности, состоит в том, что утверждаемая разумность нашла свое историческое воплощение в обсуждении или в формировании *публик частных лиц*, которые посредством обсуждения и критики деятельности правительства обретали свой *автономный* голос в социальном целом²⁶. Тем самым, согласно Хабермасу, они отказывались от власти в собственном смысле слова, которая оставалась закрепленной за государственным аппаратом, и брали на себя функцию контроля, которую реализовывали посредством дискурса публичным образом²⁷.

Собираясь в кафе, салонах, а со временем отражая проходящие там дискуссии по общественно значимым вопросам в журналах и газетах, эти новые социальные агенты способствовали фундаментальной трансформации европейских, а затем и западных обществ вообще, выдвинув принцип публичности в качестве основного связующего элемента современного, или модерного, общества. Отныне публичность становится «единственно легитимным источником законов»²⁸. В версии Тейлора, показателем сохраняющейся по сей день принципиальной значимости публичности является то, что «ее наличие симулируется даже там, где она в действительности подавляется или ею манипулируют. Современные деспотические общества вынуждены делать так, как если бы в них имела публичность»²⁹.

Однако прежде чем утвердиться в этой своей политической роли, публичность утвердилась именно как художественная, а точнее, *литературная*. Как таковая, она, в отличие от прежнего сообщества знающих – придворных или церковных «экспертов» культуры – объединяла *дилетантов*, всех тех, кто, словами Канта, начал пользоваться собственным разумом и тем самым утвердился как человек. Местом обсуждения культуры и встречи новых экспертов становится *рынок* в широком смысле слова, т.е. конкурентная среда горизонтально связанных агентов. Внутри ее «частные лица, которым произведение доступно в качестве товара, придают ему профанное значение, когда автономно, путем осуществления рационального взаимопонимания друг с другом, оказываются вынужденными разыскивать его смысл, совещаться и тем самым высказывать то, что до того могла развернуть в невысказанности авторитарная власть»³⁰.

В результате этого решающим инструментом обсуждения становится суждение, опирающееся не на социальный статус, а на все ту же разумность (воплощенную во вкусе), присущую, в соответствии с представлениями того времени, любому человеку³¹. Суждение, в свою очередь, берет на себя внутри публичности роль *критической инстанции*, субъектом которой, в версии Хабермаса, выступает *художественный судья* (Kunstrichter). Иначе говоря, «художественные судьи понимали себя – обнаруживая в своем споре с художниками центральный топос для этого – в качестве представителей публики, поскольку не подчинялись никакому авторитету, кроме авторитета аргумента, и чувствовали единение с теми, кого были способны с помощью этих аргументов убедить»³². В это смысле они были экспертами и дилетантами в одном лице, иначе говоря, выносили суждение *частного лица*, находящегося среди точно таких же частных лиц.

Разворачивание генезиса культурных смыслов в среде дискутирующих дилетантов привело далее к тому, что решающим принципом функционирования публичности стала ее принципиальная *открытость*, или всеобщая доступность. Так как всякий разумный человек может претендовать на вынесение суждения о том или ином культурном объекте, публика оказывается принципиально незавершенной.

Другим важнейшим наряду с открытостью конститутивом литературной публичности оказывается в таком случае лежащий в ее основе *принцип автономии*, который относится как к агентам публичности – частным лицам, способным в силу разумности выносить суждение о реальности, в которой они взаимодействуют друг с другом, так и к самим публикам, для которых силу имеют только действующие внутри них аргументы, а не властные или административные предписания.

Тем самым если вслед за Хабермасом совершить переход от публичности литературной к публичности политической, формирование которой произошло к XVIII в., то этот переход приведет нас к автономии общества относительно государственного аппарата. Последний, отличаясь от публичности как сферы – собственно дискутирующих частных лиц, подчиняется ей как принципу – принципу верховенства открытого столкновения суждений, принимающего на уровне государственного аппарата вид институтов разделения властей, парламентских прений и коллегиального принятия решений. Иначе говоря, «правовое государство как буржуазное утверждает политически действующую публичность в качестве государственного органа, чтобы институционально обеспечить связь между законом и общественным мнением»³³.

Возвращаясь после этого небольшого экскурса в историю понятия публичности к исходному вопросу о целесообразности введения этого понятия для анализа культурной жизни Беларуси, мы вынуждены переместиться из XVIII в. в современность. С одной стороны, для понимания и изменения ситуации в Беларуси важна сама идея публичности и ее генезис – от литературной формы к по-

литической, который можно рассмотреть как некую модель политической либерализации вообще. С другой стороны, невозможно не признать, что изменились условия протекания данного генезиса – устройства современных обществ, что скорей всего должно сказаться и на конфигурации самого генезиса.

Для анализа этих изменений нам придется распрощаться с Хабермасом, поскольку по ряду причин, которые автор сам признал 30 лет спустя после написания своей книги, его размышления о кризисе публичности XIX–XX вв. не могут дать адекватный ответ на волнующие нас вопросы. Хотя сам переход к современному инварианту публичности можно совершить вместе с Хабермасом, настаивающем на принципиальной трансформации этого понятия в конце XVIII – начале XIX в. Эту трансформацию можно рассмотреть как состоявшуюся реализацию ключевого принципа публичности, а именно *принципа открытости*. Действительно, XIX в. является веком расширения круга дискутирующих дилетантов за счет принципиального расширения в западных обществах доступа к образованию и прочим ресурсам. Однако в то же время в качестве следствия такого расширения можно видеть понижение уровня дискуссий.

Недостаток анализа данной трансформации Хабермасом заключается в том, что в качестве ее фундамента Хабермас рассматривает не *автономию*, объединяющую в себе принцип собственности с принципом универсальной разумности, на которой, по его мнению, и базировалась литературная публичность до конца XVIII в., а только один элемент автономии – собственность. В таком случае проникновение в сферу публичности лиц, не имеющих собственности, и превратило ее агентов из ценителей искусства и регуляторов правил социально-политической игры, делающих такого рода оценку возможной, в *потребителей*, использующих установленные ранее правила игры для компенсации отсутствия у них доступа к ресурсам, сосредоточенным в руках привилегированных классов³⁴.

Соглашаясь с Хабермасом в том, что действительно имела место такого рода трансформация агента публичности – из критика в потребителя, – необходимо дополнить ее другого рода трансформацией – *трансформацией самой автономии*, рассмотренной, однако, не только в аспекте собственности, но в аспекте обоих выделенных Хабермасом в его анализе литературной публичности аспектов, а именно – собственности и разумности³⁵. Именно трансформация основания позволит нам обратиться к современности, и в частности белорусской. Для этого мы обратимся к критическому переосмыслению публичности американскими теоретиками гражданского общества Дж. Коэн и Э. Арато.

2.2. От автономии буржуа к автономии гражданина: публичность как ключевой принцип гражданского общества сегодня

Эти авторы дают свою версию понятия автономии, учитывая ее трансформацию конца XVIII – начала XIX в. Начнем с того, что два выделенных ими компонента автономии, «соответственно привязанные – один к *абстрактному*, второй – к *ситуационному измерению личности*»³⁶, можно частично соотнести с принципами «разумности» и «буржуа» Хабермаса. Однако одновременно следует зафиксировать и отличие версии Коэн-Арато от хабермасовской, которое не только дает о себе знать применительно сразу к обоим элементам, но и позволяет рассматривать эти элементы не в некоем застывшем виде, а с учетом их социально-исторической конкретизации.

Первый элемент интерпретируется Коэн-Арато «в духе Канта как принцип сомоопределения и индивидуального выбора, заложенный в абстрактное и обобщенное представление о наделенной правами личности»³⁷. Это значит, что разумность в версии Хабермаса, вполне синонимичная «принципу самоопределения и индивидуального выбора», сама базируется на «абстрактном и обобщенном представлении о наделенной правами личности», которого мы не находим у Хабермаса, поскольку данное представление относится к тому самому времени, а именно периоду XIX–XX вв., который Хабермас вообще не рассмотрел с позиции данного элемента (элемента разумности).

Другими словами, происходящие в течение XIX в. социальные, политические и экономические трансформации, выражающиеся в возникновении новых социальных дифференциаций, вызванных, прежде всего, размыванием и расширением среднего класса, появлением новых массовых партий и первых социальных движений и, наконец, переходом к новой, глобализирующейся фазе капитализма, породили и нового игрока социального или новую форму автономии. Этой формой автономии стала *автономия наделенной правами личности*, в наборе прав которой «права собственности, должным образом ограниченные, могут занимать свое место, [...] но они не представляют собой концептуального ядра автономии»³⁸. Концептуальным ядром автономии в таком случае становится сформулированное К. Лефором *право иметь права*, которое, в версии Коэн-Арато, переводит *буржуа* в ранг *гражданина*.

Однако именно взаимодействие статуса *гражданина* (как абстрактного носителя прав) с *ситуационным измерением личности* (в какой-то мере многоликого преемника константы «собственника» Хабермаса) в версии Коэн-Арато позволяет говорить о новой, адекватной современности форме автономии. Чтобы более полно охарактеризовать ее, перейдем к этому второму компоненту автономии.

Итак, вторая составляющая – ситуационное измерение личности – конкретизируется Коэн-Арато со ссылкой на Милля и Роулза как способность строить,

менять и реализовывать собственный жизненный план и связывается с «идеей уникальной личности и динамики формирования индивидуальной идентичности»³⁹. Если первая составляющая автономии ассоциируется авторами с негативной свободой, то вторая – с позитивной.

Это второе измерение уводит нас от модели Хабермаса и в дальнейшем делает необходимым обращение к еще одному авторитетнейшему теоретику публичности – к Ханне Арентдт. Иными словами, предложенная Коэн-Арато модель объединяет в рамках первой, абстрактной составляющей автономии измерения *буржуа* и *разумного человека*, в которой кантовский, или просвещенческий, идеал автономии человеческого выбора должен обеспечиваться правами. Права при этом не просто и только гарантируются позитивным законом и имеют вид конституционно фиксированных норм, но и «в отличие от привилегий, иммунитетов и преимуществ сословного типа, появляются и утверждаются, когда они *востребованы индивидами, группами или движениями в публичном пространстве* гражданского общества (курсив мой. – О.Ш.)»⁴⁰. В этом своем втором смысле они выполняют функцию ограничений, налагаемых на государство. Закон, или государство в таком случае только «охраняет и стабилизирует то, что было достигнуто общественными деятелями в гражданском обществе» (там же). Иначе говоря, «[...] и права, и демократическая дискуссия предполагают *наличие автономных индивидов, способных отстаивать моральные нормы и ценности* как предмет возможного рационального консенсуса (курсив мой. – О.Ш.)»⁴¹.

В таком случае второе измерение – конкретное – проходит как бы поперек или перпендикулярно первому – абстрактному, превращая тем самым «умение пользоваться собственным разумом» (разумность) в умение изобретать себя (Фуко) или в умение конструировать собственную идентичность. С другой стороны, отношение этих двух измерений позволяет говорить не просто об абстрактном субъекте прав, или гражданине (соответственно, абстрактный уровень), но и о конкретном человеке, способном эти права публично отстаивать, творя тем самым свою индивидуальную (биография) и коллективную судьбу (конкретно-ситуативный уровень). Сказанное, кроме того, приобретает особое значение в постсоветском контексте, наследием которого является субъект, который ничего не знает о своих правах и тем более не имеет представления о том, что их первым «гарантом» является он сам, а не государство. Иначе говоря, что неотъемлемой составляющей прав является их артикуляция и отстаивание самой личностью.

Тут нам необходимо сделать ряд обобщающих замечаний, которые позволят, наконец, максимально близко подобраться к белорусской ситуации.

1. Описанная трансформация понятия автономии привела нас к понятию публичности как фундаментальному институту гражданского общества. Его фундаментальная значимость состоит в том, что именно он как *принцип открытого для каждого процесса аргументативного обсуждения общезначимых*

вопросов превращает дискуссии граждан во взаимосвязанные практики артикуляции и присвоения своих прав.

2. В версии Коэн-Арато сами эти дискуссии уже существуют в виде форм жизни тех или иных образований гражданского общества. Действенное гражданское общество, в свою очередь, выступает тут важнейшей составляющей демократии, потому что именно «на уровне гражданского общества демократия может идти гораздо дальше, чем на уровне политического и экономического сообществ, так как в первом координирующие механизмы коммуникативного взаимодействия (иначе говоря, публичности. – *ОШ.*) имеют фундаментальный приоритет»⁴². В таком случае, именно гражданское общество приходит на смену той салонно-клубно-журнальной среде, которую описывал Хабермас и с которой он связывал происхождение и жизнь литературной публичности. Именно гражданское общество выступает в таком случае «минимальной рамкой для институализации дискурсивной этики»⁴³ – эквивалента публичности позднего Хабермаса.

3. Однако тут можно резонно спросить, что же делать обществам, в которых гражданское общество не развито и находится в состоянии надзора и контроля со стороны государства? Может ли публичность – как принцип и сфера – стать проводником гражданского общества?

Ответ на этот последний вопрос приводит нас к тому измерению публичности, в связи с которым было сделано отступление, приведшее нас к гражданскому обществу. Имеется в виду второй фундаментальный аспект автономии, а именно – ситуационное измерение личности, проинтерпретированное выше как «способность строить, менять и реализовывать собственный жизненный план» и связанное с «идеей уникальной личности и динамики формирования индивидуальной идентичности». Если обратиться к этому аспекту в интерпретации Арндт, а также к ее критике еще одним современным теоретиком публичности Сейлой Бенхабиб, то именно этот аспект позволяет говорить о публичности *вне*, или *до* институциональных рамок (гражданского общества), поскольку касается ее антропологически-онтологического основания. Для его прояснения нам придется сделать еще один, последний экскурс в «приключение» понятия «публичность», который позволит максимально приблизиться к белорусской ситуации.

2.3. Придать нарративу характер агона, или публичность вне (до) гражданского общества

Начнем с того, что в версии Х. Арндт, предложенной ею в книге «*Vita activa*», важнейшей составляющей публичной сферы является уникальная личность, рассмотренная в отношении с другими уникальными личностями. Прообразом

и идеалом публичной сферы в версии Арендт выступает, однако, не процесс совместного утверждения индивидами прав внутри гражданского общества (Коэн-Арато) и не литературная публичность Нового времени (Хабермас), а древнегреческий полис. Обращение к такому прообразу даст нам еще одну версию автономии, которая, в свою очередь, трансформирует понятие публичности.

Это, прежде всего, автономия *уникальной личности*, которая перед лицом другой личности как бы рождается заново, иницируя свой собственный поступок⁴⁴. И хотя исток поступка, по Арендт, приходит в мир вместе с нашим рождением, о его свершении мы можем судить по делам и словам, которые и позволяют каждому человеку стать уникальным Некто.

Для этого, т.е. для проявления инициативы, человеку необходимо *мужество*, которое первоначально состоит в том, чтобы «перешагнуть за порог своего дома, приватного круга потаенности» и тем самым «показать, кто ты собственно есть, т.е. выставить себя на показ»⁴⁵. Иначе говоря, «нахождение нужного слова в нужный момент», каковое выступает ядром инициативы, есть *явление* одного человека другому, с необходимостью сопровождаемое учреждением *публичной сферы*. Вернее, «прежде чем действие вообще само могло начаться, следовало подготовить и обеспечить какое-то очерченное пространство, внутри которого деятели могли потом выступить на виду, пространство публичной сферы полиса, чьей внутренней структурой был закон»⁴⁶.

Принципиальное отличие публичной сферы от приватной состояло далее в том, что в ней человек, с одной стороны, переставал подчиняться принуждению жизни, состоящему в необходимости продолжения рода, с другой – освобождался от подчинения (в случае женщины и ребенка) или господства (в случае мужчины), превращающих приватную сферу в сферу неравенства. Публичная сфера в таком случае оказывалась сферой равенства, учреждаемого благодаря освобождению человека от заботы об удовлетворении насущных нужд ради реализации «своих высших возможностей и человечнейших способностей». Будучи отторженной порогом мужества от публичной сферы, приватная сфера как «удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства» тем не менее создавала «условия для свободы в полисе», так что жизнь внутри хозяйственной сферы в конечном счете существовала ради «хорошей жизни» в обществе.

Итак, согласно Арендт, публичная сфера объединяет в себе принцип равенства с принципом уникальности равных. В ней, «говоря и действуя, люди активно отличают себя друг от друга, вместо того, чтобы просто быть разными»⁴⁷, «активно показывают личную неповторимость своего существования, как бы выступая на сцене мира»⁴⁸. Уникальные акторы, являя себя друг другу в словах и делах, для чего им необходимо мужество, уподобляются героям, которые в то же самое время являются авторами своих поступков-слов. Словами Арендт, «*Кто* есть или был человек, мы можем узнать только выслушивая историю, где герой он сам, т.е. его биография»⁴⁹.

Исходный принцип инициативы, исток которой лежит в акте индивидуального рождения и не нуждается в других («присутствие других, с кем мы хотим сблизиться, может в каждом отдельном случае быть стимулом, но сама инициатива им не обусловлена»⁵⁰), сочетается при этом у Арендт с принципом плюральности, который позволяет инициативе развернуться, а человеку – явить свою уникальность. Все это происходит, прежде всего, в «некой системе соотношения, образующейся повсюду, где совместно живут люди»⁵¹. В таком случае, «ткань межчеловеческой связи предшествует всякому отдельному поступку и слову»⁵² и лишает актора подлинного авторства. Отсюда следует, что публичная сфера «подобна такой непрерывно длящейся сцене, где в известном смысле есть только выход, но нет ухода, и эта сфера возникает непосредственно из бытия-друг-с-другом»⁵³, ради которого и существует⁵⁴.

Однако не возникает ли в связи с этим следующее противоречие: с одной стороны, чтобы человек мог начать действовать, или, по Арендт, взаимодействовать с другими, уже должно существовать публичное пространство; с другой стороны, исток человеческого действия Арендт видит в самой уникальности личности, которая уже до всякого взаимодействия содержит в себе возможность начинания? Другая проблема, на которую обращает внимание Сейла Бенхабиб, заключается в неубедительности идеи непосредственного происхождения публичной сферы из явления людей друг другу в словах и поступках, так как, как замечает Бенхабиб, люди являют себя друг другу и в концентрационных лагерях, что ни в коем случае не может привести к возникновению публичной сферы⁵⁵.

Иначе говоря, в определенных ситуациях, «в условиях экстремального утрашения, изоляции, господства и насилия публичности как общему миру может быть нанесен огромный вред». Речь идет тут прежде всего о тоталитарных режимах, которые таким образом лишают людей возможности публичного бытия друг с другом как общего мира позиций, убеждений и ориентаций, «хотя и не могут ни в коем случае уничтожить публичность как пространство явления (друг другу), уничтожение которого будет означать уничтожение самого человека» как живого существа⁵⁶.

Данные размышления Бенхабиб приводят ее к выводу, что Арендт не различает два уровня в анализе человеческого действия: *нарративного*, или онтологического, и *агонального*, или институционального. Именно принятие во внимание двухуровневого анализа действия позволяет разрешить и обнаруженный мною парадокс. Так, будучи уникальной личностью и являя себя другому как автор своей истории, сплетенной с историями других (нарративный уровень), что может происходить и в приватной сфере – влюбленных или членов семьи, я могу выйти на уровень публичности только в том случае, если сделаю эту сферу открытой для всех других и установлю в ней принцип равноправия (институциональный уровень). Однако это не может произойти автоматически, потому что открытость коммуникации влюбленных, скорей всего, переведет эту

коммуникацию в другой род, т.е. уничтожит ее, что будет заставлять влюбленных защищать свою приватность; что же касается равенства в семье, то оно не тождественно равенству участников политического сообщества.

Коэн и Арато также обращают внимание на данную недоработку Арендт. По их мнению, «в отличие от Хабермаса, Арендт так и не поняла, что здесь речь идет о двух различных моделях действия. Обе они предполагают взаимное признание: в первом случае речь идет о признании уникальности друг друга; вторая же предполагает взаимное признание друг в друге равноправных членов солидарного политического общества. Обе модели предусматривают норму равенства, хотя и по-разному реализуемую. В первой предполагается равенство в плане одинакового внимания и уважения к уникальности каждого индивида; вторая устанавливает равенство с точки зрения равного членства и участия в политическом обществе»⁵⁷.

Возвращаясь к Бенхабиб, стоит отметить, что проведенное различие позволяет ей сделать вывод о том, что любое человеческое действие имеет нарративную структуру и только часть действий достигают уровня агона. Сказанное означает, что «только при определенных, соответствующих исторических и институциональных условиях пространство явления принимает для человека форму публичного пространства»⁵⁸. Однако, возвращаясь к ситуации создания тоталитарным государством препятствий на пути такого рода институализации, Бенхабиб отмечает, что неискореним не только мир явления людей друг другу, но и тенденция к институализации этого мира. «При тоталитаризме публичные места усеяны пустыми знаками режима, однако общий мир снова учреждается в других местах. И если этот где-то в других местах созданный общий мир перемещается на улицы, рыночную площадь, городские площади и формирует тем самым альтернативную публичную сферу, режим приходит в неустойчивое состояние»⁵⁹.

Центральным вопросом, теперь уже не только к Арендт и Бенхабиб, но и к исследователям ситуации в Беларуси, является вопрос о создании таких адекватных данному месту и времени условий для институализации публичности, или для дополнения ее нарративного характера агональным, – это и будет отвечать задаче формирования публичности до гражданского общества или же означать первый шаг на пути к нему.

3. Заключение. К вопросу об институализации партизанского нарратива

После приведенного анализа «приключений» публичности обращение к белорусской культурной ситуации, рассмотренной в первой части текста, с позиции понятия публичности не кажется столь уж проблематичным.

Первое, что бросается в глаза, – это наличие в новых «перестроечных» белорусских художественных практиках *нарративного элемента публичности*, обнаруживаемого в стремлении художников второй половины 1980-х – первой половины 1990-х прежде всего к индивидуальному самовыражению за пределами мастерских и залов «союза художников». Это отличало их действия от попыток частного сопротивления системе советского периода: важно было не просто сохранить свою свободу, а артикулировать ее для Другого, для чего еще нужно было найти новые художественные средства. В этом смысле новые публичные практики индивидуализации носили чаще всего не антисистемный, а асистемный характер, что в конечном итоге привело к умножению проектов и площадок, а затем к их распадению на множество номинадов.

Здесь и заключается главная ловушка или проблемное место постсоветской культурной ситуации, особенно отчетливо проявившейся именно в Беларуси: чтобы смог возникнуть *агон*, индивидуализированные художники должны были, с одной стороны, признать уникальность друг друга, с другой – задаться вопросам об институциональных рамках такого признания. Формулировку такого рода задачи можно обнаружить в текстах Артура Клинова, рассматривающего концепцию своего журнала «Партизан» как концепцию «борьбы личности за права собственной культурной автономии, но только когда эти права признаются и за другой личностью»⁶⁰. Иначе говоря, когда культурная автономия превращается в автономию политическую, гарантирующую автономию вообще.

Таким образом, Артур Клинов практически сформулировал принцип публичности, – в таком виде, в каком мы представили его во второй части текста, – который, на его взгляд, должен быть положен в основу функционирования «художественного поля». Следующий интересующий нас вопрос: разворачивается ли этот принцип в белорусском «художественном поле» как сфера, «жизнь» которой только и может обеспечить следование принципу?

Тут мы натываемся на затруднения, которые были зафиксированы в качестве выводов первой части данного текста. «Художественное поле» Беларуси по-прежнему остается партизанским или номадическим многоголосием, в котором, во-первых, «посторонним вход воспрещен», поскольку таковые или иные культурные площадки, инициативы и фигуры едва признаются и опознаются. Художники, за небольшим исключением, едва заинтересованы в своей публике и еще в большей степени избегают критики, не заботясь ни об освещении своих мероприятий, ни об их рецепции зрителями⁶¹. Иначе говоря, в этом поле не действует такой важнейший показатель публичности, как равноправие и открытость.

Во-вторых, в современном белорусском «художественном поле» отсутствует притязание художников на свои собственные права, постоянно переинтерпретируемые как обязанности государства по «содержанию» художников, что ставит

под вопрос принцип автономии, лежащий в основе современного инварианта публичности (да и актуального искусства).

Наконец, в-третьих, субъектом прав не признается и Другой – прежде всего, другой художник (хотя сюда же относятся и критик со зрителем, о чем я написала в пункте 1), что делает невозможной солидарность в «художественном поле», без которой у него нет никаких шансов утвердить свою автономию по отношению к государству, а значит, утвердиться в своей новой, несоветской ипостаси.

Вытекающим из перечисленных болезней белорусской художественной среды является полное неприятие ею критики – практически синонима публичности как в современном, так и во всех других ее инвариантах. В итоге разрозненные монады замыкаются на самих себе, все глубже уходя от сетей коммуникации и институализации, обрекая себя тем самым на медленную смерть.

Противопоставить этой смерти можно только одно – утверждение принципа публичности в его современном инварианте внутри самого белорусского «художественного поля», которое сегодня к тому же выходит за границы «суверенного государства Беларусь» – в те уголки мира, где реализует себя сегодня третья генерация белорусских художников «перестроечной» эпохи. Сделать это можно уже сегодня, пусть на уровне *нарратива*, т.е. на уровне устройства самих художественных практик⁶², а также на уровне их равной и открытой, как и критической, коммуникации друг с другом, т.е. на уровне *агона*. Следствием такой работы должна стать аккумуляция в «художественном поле» средств и навыков интерпретации и аргументации, необходимых для выработки в процессе открытого обсуждения критериев, служащих для оценки и порождения произведения.

Возможность организовать практики самовыражения (нарратив) как сети открытой, разнообразной и критической коммуникации (агон) есть у нас уже сегодня, – хотя у нас и нет возможности придать этой сети институциональный характер, т.е. вид политической автономии. Однако у меня есть огромное сомнение по тому поводу, что последняя – политическая автономия – вообще может возникнуть до агона. В таком случае, переход «художественного поля» наряду с другими полями из состояния нарратива к состоянию агона (вернее, дополнение нарративной составляющей агональной) является необходимой предпосылкой демократических преобразований вообще, если, конечно, апологеты публичности правы, полагая ее фундаментальным измерением современных демократических обществ.

Примечания

¹ Халезин, Н. Эстетический конфликт / Н. Халезин // <http://charter97.org/search.php3?lang=1&logic=and&search=ttttt> Хотя стоит отметить, что возникают и

иные способы анализа культурной жизни Беларуси, делающие ставку на потенциал альтернативной культуры без оглядки на власть. Например: Усманова, А. Белорусский détournement, или Искусство обходного маневра как политика / А. Усманова // *Топос*. № 2 (13). 2006. С. 91–127; также в сети: <http://topos.ehu-international.org/zine/2006/2/usmanova.pdf>

² Ср., например, о логике художественной институализации этого периода в Украине и ее следствиях сегодня: Кадан, Н. В основе многих художественных начинаний на Украине лежит неподконтрольный коллективизм // http://www.gif.ru/cult/kadan/view_print/

³ Ср.: Лобко, В. Фотография из Беларуси / В. Лобко // <http://photoscope.iatp.by/history6.html>

⁴ В последние годы историизации современной белорусской литературы были посвящены статьи и книги Юрася Борисевича, Валентина Акудовича, Анны Кислициной и др. См., например: Акудович, В. Уводзіны ў новую літаратурную сітуацыю / В. Акудовіч // <http://www.baj.by/belkalehium/lekyjji/litaratura/akudovicz01.htm>

⁵ Копёнкіна, О. Беларусь: логика Номоса / О. Копёнкіна // *ХЖ*. № 22 (<http://www.guelman.ru/xz/362/XX22/X2220.HTM>), также этот текст см. в: *pARTisan*. № 1. 2002. С. 13-15.

⁶ Домановска, Э. Белорусское искусство или абсурд банановой республики / Э. Домановска // <http://eedc.org.pl/ru/www/rehijon/kultura/banannaja.htm>

⁷ Принадлежность к той или иной генерации определяется тут, прежде всего, выходом художника на публичную сцену и его творческим самопониманием.

⁸ Я благодарна, прежде всего, художникам Ольге Сазыкиной, Сергею Кирющенко и Андрею Дурейко, а также искусствоведу Надежде Зеленко за помощь в подготовке данной практической части текста. Понятно, что данный фрагмент следует рассматривать исключительно как первый шаг к историизации белорусского искусства последних 30 лет. В этой связи я приношу свои извинения всем тем художникам, которые каким-то образом остались вне рассмотрения. Я также надеюсь на то, что в будущем совместными усилиями мы будем уточнять и расширять данную версию историографии.

⁹ Стоит упомянуть и их учителей: художников В. Чернобрисова и А. Ходько.

¹⁰ Ср.: Клінаў, А. Партызан і антыпартызан / А. Клінаў // *pARTisan*. № 1. 2002. С. 23. Также в сети: <http://www.baj.by/belkalehium/antalohija/art29.htm>

¹¹ Показательным в этом смысле является проект 2007 г. тандема живущих в Германии белорусов Сергея Вакульчика и Андрея Логинова «Десятая планета». См. о нем, например: <http://www.belgazeta.by/20070129.4/550153161/>

¹² Более подробно об этой выставке см.: Татур, Н. Выстава на Калектарнай. Фрагмэнт з кнігі ўспамінаў / Н. Татур // *pARTisan*. № 3. 2004. С. 80-83.

¹³ Клінаў, А. Кароткія развагі да тэмы: досьвед дабраякасных мутацыяў у цэле беларускае культуры / А. Клінаў // *pARTisan*. № 1. 2002. С. 92.

¹⁴ Міхневіч, Л. In-formation, Віцебск. Хроніка са спадзяваньнем на працяг / Л. Міхневіч // *pARTisan*. № 1. 2002. С. 37.

- 15 Копёнкина, О. Белоруссия...
- 16 Клінаў, А. Партызан і антыпартызан. С. 19.
- 17 Ковалева, О. О проекте «Балота Empire» / О. Ковалева // <http://artua.com.ua/2005/about.html>
- 18 Персональный сайт Алеся Пушкина. Раздел «Биография и критика» // <http://www.pushkin.by/abia/bia.htm>
- 19 Бекус-Гончарова, Н. Новое искусство Беларуси: выставка и реальность / Н. Бекус-Гончарова // <http://photounion.by/photoscope/obzor5.html#1>
- 20 Среди возникших в то время галерейных пространств, сохраняющих свою значимость до сего дня, стоит выделить галерею визуальных искусств «Nova» (создана в 1996 г., ее куратор фотограф Владимир Парфенок). Одним из центральных выставочных пространств и мест неформальных встреч художественной среды является на сегодняшний день также артхаус-галерея «Подземка» (создана в 2004 г.).
- 21 Woiko, A. A Crow Sleeping on a Fence / Defecates onto People's Hats / A. Woiko // Umelec (English version). № 4. 2004. P. 42–55. Каваленка, В. Пра сучаснае мастацтва, постмадэрнізм і творчасць Руслана Вашкевіча / В. Каваленка // pARTisan. № 3. 2004. С. 54.
- 22 Міхневіч, Л. In-formation, Віцебск. С. 45.
- 23 Акудович, В. Уводзіны ў новую літаратурную сітуацыю / В. Акудович // <http://www.baj.by/belkalehium/lekcyji/litaratura/akudovicz01.htm>
- 24 Ср.: Бойм, С. От остранения к стебу: риторика свободы в русской культуре 20-го века / С. Бойм // Культуральные исследования. Сборник научных работ. СПб., 2006. С. 91–125.
- 25 Habermas, J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft / J. Habermas. Frankfurt am Main, 1990. S. 120–121.
- 26 Ср.: Calhoun, C. Introduction. / C. Calhoun (ed.) // Habermas and the Public Sphere. Cambridge, 1992. P. 7.
- 27 Ср. также: Коэн, Д. Гражданское общество и политическая теория / Д. Коэн, Э. Арато. М., 2003. С. 527.
- 28 Habermas, J. Op. cit. S. 119.
- 29 Taylor, Ch. Wieviel Gemeinschaft braucht die Demokratie? Aufsätze zur politischen Philosophie / Ch. Taylor. Frankfurt am Main, 2002. S. 96. См. также мой текст, доказывающий правоту Тейлора применительно к ситуации в Беларуси: Шпарага, О. Чернобыльский шлях: между «обществом спектакля» и «обществом митинга» / О. Шпарага // <http://belintellectuals.eu/discussions/?id=139>
- 30 Habermas, J. Op. cit. S. 98.
- 31 И хотя сам этот ключевой принцип реализовывал себя не только через включение новых агентов в поле обсуждения, но и через исключение тех, кто, прежде всего, в силу образованности не мог это суждение сформулировать, в период, описываемый Хабермасом, происходило невероятное расширение сферы публичности. Показателем этого был рост площадок для обсуждения, открытых не только для самых привилегированных представителей среднего

класса, но и для многих других (ср.: Habermas, J. Op. cit. S. 92ff.). Сказанное не отменяет критики тех практик исключения из публичности, которые действуют до сего дня. Они стали предметом специального анализа таких авторов, как Н. Фрезер, С. Бенхаbib, М. Ворнер. См. об этом, например: Фурс, В. Социальная философия в непопулярном изложении / В. Фурс. Вильнюс, 2006. С. 154 и далее.

³² Habermas, J. Op. cit. S. 103–104.

³³ Ibid. S. 151.

³⁴ Ibid. S. 266.

³⁵ Ответ на вопрос, почему Хабермас при рассмотрении упадка публичности обращается только к одному аспекту ее основания – собственности, в то время как применительно к литературной публичности до конца XVIII в. имеет в виду два элемента – собственность и разумность, дает, в частности, К. Кэлхон. Он выделяет методологическую непоследовательность Хабермаса в его анализе публичности XVI–XVIII вв. и, соответственно, XIX–XX вв. Так, первый, или исходный, инвариант публичности анализируется Хабермасом с опорой на либеральную традицию (Канта, Локка и др.), деградировавший же вариант рассматривается с позиции Маркса. В результате экономический базис, или измерение буржуа, оставляет в стороне все остальные аспекты и измерения, которые учитывались, если не рассматривались в качестве приоритетных, Хабермасом применительно к исходному инварианту публичности (ср.: Calhoun, С. Op. cit. P. 33–34).

³⁶ Коэн, Джин Л., Арато, Э. Гражданское общество... С. 508.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 509.

³⁹ Там же. С. 508.

⁴⁰ Там же. С. 523.

⁴¹ Там же. С. 507.

⁴² Там же. С. 526.

⁴³ Там же. С. 505.

⁴⁴ Арендт, Х. *Vita activa, или о деятельной жизни* / Х. Арендт. СПб., 2000. С. 229 и далее.

⁴⁵ Там же. С. 246.

⁴⁶ Там же. С. 258.

⁴⁷ Там же. С. 229.

⁴⁸ Там же. С. 234.

⁴⁹ Там же. С. 246.

⁵⁰ Там же. С. 230.

⁵¹ Там же. С. 241.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 262.

⁵⁴ Ср.: Там же. С. 263.

⁵⁵ Benhabib, S. Hannah Arendt – Die melancholische Denkerin der Moderne / S. Benhabib. Frankfurt am Main 2006. S. 206.

- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Коэн, Джин Л., Арато, Э. Гражданское общество... С. 278.
- ⁵⁸ Benhabib, S. Op. cit. S. 205.
- ⁵⁹ Ibid. S. 207.
- ⁶⁰ Мадэ ін Беларусь. Дыстыліяцыя актуальнага з рошчыны неактуальнага. Дыскусія па праблематыцы актуальнага беларускага мастацтва // рARTisan. № 1. 2002. С. 11.
- ⁶¹ Был случай, когда известный белорусский художник удалил из зала «Книгу отзывов», в прямом смысле слова боясь негативной оценки. В другом случае открытие выставки, позиционирующей себя как вызов существующему «культурному истеблишменту», проходило за закрытыми дверями с представителями этого самого истеблишмента в главных ролях. Я уже не говорю о тех случаях, когда, кроме как на сайте проекта, практически нигде больше невозможно было найти информации о нем; или когда информация подготовлена абсолютно небрежно и появляется с большим запозданием. Я намеренно не называю тут имен художников и проектов, так как моя задача состоит не в разжигании войны, а в разъяснении важности публичной коммуникации, без налаживания которой у белорусского искусства нет никаких шансов стать актуальным.
- ⁶² О том, как это можно делать, я написала в своем другом тексте Den Raum öffnen: zum posttotalitären Öffentlichkeitsbegriff, посвященном анализу устройства одного текста И. Бродского.

КАНВА (БЕЛОРУССКОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ¹

В данной статье я хотел бы ограничиться проблемой смысловых, интеллектуальных «проекций» институциональных отношений, возникающих на сцене экспертной деятельности. Другими словами, я ничего не скажу по поводу других, не менее важных аспектов этих отношений – идеологических, политических, экономических и т.д. – или же затрону их лишь в той степени, в которой они связаны с институтами, т.е. функционирующими в поле экспертизы «правилами игры» – формальными и неформальными ограничениями (социальными нормами и правилами поведения). Мы рассмотрим идею, согласно которой определенный набор правил профессиональной деятельности и взаимодействия способствует структурированию концептов, идей и проблем в головах у исследователей в сменяющиеся моменты времени $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$.

1. Экспертная деятельность и ее условия

Говоря не о научной, но об «экспертной» деятельности (или «экспертизе»), я тем самым намереваюсь сосредоточить внимание на «продуктивной» компоненте науки – в отличие от «репродуктивной», – отталкиваясь от исторического разграничения четырех типов ученого: исследователь, эксперт, учитель, администратор (но не следуя этому разграничению жестко). Разумеется, в реальной жизни перечисленные типы чаще всего предстают как смешанные. Если ипостаси ученого, привязанного к функциям обучения или управления научно-образовательным процессом, все еще сохраняют определенные наследственные черты, то разграничительную линию между исследованием и экспертным анализом (в собственном смысле) провести довольно затруднительно, посему «исследо-

вание» и «экспертиза» используются сегодня преимущественно как синонимы. В самом деле: для того чтобы ОБСЕ или ООН вынесло очередную резолюцию по Беларуси, требуется заключение экспертов, которое, в свою очередь, базируется на результатах исследований, нередко осуществленных на фундаментальном уровне (предполагающем выявление симптоматики, предположим, «соревновательного авторитаризма»). Особая роль науки в современном обществе, определяющей адекватные практические решения и легитимирующей их, определяет и место экспертов в этом обществе, где без последних, что называется, ни шагу нельзя ступить. Сегодня практически ни одно значимое решение в области политики, экономики и социальной жизни не принимается без предварительной экспертизы. С другой стороны, мы являемся свидетелями «размывания» специфических черт экспертизы (классическим вариантом которой является юридическая экспертиза) в обществе, в котором «класс» экспертов (т.е. профессионалов в определенной области) имеет тенденцию к беспрецедентному расширению.

Экспертами в сфере социально-политических и экономических знаний мы будем называть производителей специфических интеллектуальных благ, чья компетенция подтверждается, с одной стороны, актом самопровозглашения, с другой же – гарантируется культурным капиталом (дипломом, сертификатами) и признанием со стороны самого экспертного сообщества. Другими словами, эксперт, будь то политический аналитик, социолог, экономист и т.д., – это профессионал в определенной сфере интеллектуальной, научной деятельности, располагающий, если говорить языком социологии, четырьмя измерениями капитала: 1) академическим статусом, 2) областью исследования (например, философ может быть экспертом в области «современной критической теории»), 3) социологическими характеристиками, 4) политической лояльностью (прежде всего по отношению к самому экспертному сообществу и его ценностям)². Ясно, что возможны различные («слабые» и «сильные») комбинации экспертного капитала, так что в качестве экспертов зачастую выступают не только ученые-исследователи, но также «компетентные» политики (наподобие А. Добровольского), представители «комитетов мудрецов» при политических партиях или журналисты с устойчивой «интеллектуальной» репутацией (Ю. Дракохруст) или же просто – стабильной специализацией, обеспечивающей накопление специальных знаний (Светлана Калинкина, к примеру, сочетает две последние из перечисленных ипостаси, являясь главным редактором «Народной воли» и советником лидера КПБ С. Калякина)³.

Как уже сказано, конечным продуктом экспертной деятельности выступают специфически интеллектуальные блага – научные, околонучные, научно-популярные – принимающие вид различного рода документов или публичных акций: политические и социально-экономические программы, стратегии, аналитические справки, доклады, научные статьи, выступления на конференциях,

в СМИ и пр. Качество и количество данных благ является главным показателем состояния экспертизы в стране. Широко распространено ошибочное, на мой взгляд, мнение, согласно которому достаточно развитый политический рынок – рынок экспертных предложений и заказов – сам по себе выводит экспертизу на путь совершенствования (альтернативное воззрение, также распространенное в постсоветском мире, гласит: лишь разумная государственная политика в области науки и образования обеспечивает необходимый потенциал научной экспертизы). Накопленный опыт (в том числе в странах Восточной Европы) между тем позволяет говорить о «провалах» рынка и «провалах» бюрократии также и в поле науки, причем данный опыт имеет образцовое теоретическое обоснование. Дело в том, что уже в силу своих сущностных характеристик экспертиза создает ситуацию информационной асимметрии, в нашем случае – когда продавец, т.е. эксперт, – просто в силу того, что он профессионал в производстве данного конкретного блага, – лучше осведомлен о качестве реализуемого товара, чем покупатель.

Как показал в своей сенсационной статье «Рынок лимонов. Неопределенность качества и рыночный механизм» Джордж Акерлоф, на тех рынках, где потребители вынуждены пользоваться «статистикой» для вынесения суждений о качестве предложения, у продавцов имеется стимул выставлять на продажу товары низкого качества, ибо высокое качество создает репутацию преимущественно не конкретному торговцу, а всем продавцам на рынке, к которому эта статистика относится⁴. Подобная ситуация довольно типична для большинства стран третьего мира (с 1990-х для многих стран с переходной экономикой), где нет единой рыночной инфраструктуры, предполагающей набор институтов (прежде всего общественных), устраняющих асимметрию информации. Подобная ситуация также в высшей степени типична для белорусского административного рынка и серого политического рынка. Очевидно, что в научной сфере, так же как и в других, социальный лифт работает таким образом, что в конечном итоге на вершине оказываются те, у кого руки не связаны обременительной профессиональной этикой. Довольно показательна в смысле снижения профессиональных стандартов по отношению к специалистам в сфере финансовой политики, к примеру, цепочка смещений на посту главы Национального банка РБ: С. Богданкевич, Т. Винникова, П. Прокопович (последний вообще пришел из строительной отрасли).

Предположим, что замечательный перуанский экономист Эрнандо де Сото (который в 1980-х умудрился запустить реформы в охваченной гражданской войной, отсталой и нищей стране) согласился помочь Лукашенко провести группу определенных рыночных преобразований, издержки которых для системы будут ниже, чем предпринимаемые ныне крайне непоследовательные действия. За свои услуги эксперты, возглавляемые Де Сото, рассчитывают получить, скажем, 30 млн дол. в течение двух лет. Наверняка найдется группа российских эконо-

мистов, которые предложат проделать то же самое, но еще быстрее (просят 15 млн). Наконец, обязательно найдется в правительстве или в самой администрации Президента группа людей, которая готова проделать это и лучше, и быстрее, и дешевле – всего за 5 млн. дол. И поскольку Лукашенко относится как раз к тому типу покупателей, которые не всегда способны отличить качество продукта, он, разумеется, предпочтет «лучший» (по цене сделки и объему издержек предлагаемых мероприятий). Наконец, возникнет ситуация, когда показатели кривых спроса и предложения достигнут таких значений, когда все возможные сделки в данном секторе административного рынка будут заблокированы (как это происходит сегодня).

Я полагаю, что если исследовать ситуацию с социальным лифтом, то в ряде очень важных для страны случаев мы получим критическую массу «лимонов». К примеру, в академической науке: сделки в области защиты диссертаций близки к состоянию блокировки, поскольку власть не готова платить за защиту выше установленной административным рынком средней цены (имеются в виду определенные «пучки прав»), которая значительно ниже той, по которой готовы предлагать себя потенциальные кандидаты.

Серый политический рынок в ряде случаев производит все тот же ухудшающий отбор. Профессиональные политики, полагающие, что могут отличить хорошего эксперта от плохого, легко становятся заложниками информационной асимметрии. Те эксперты, которые хоть как-то способны адекватно диагностировать ситуацию, предлагать какие-то продуктивные идеи, не готовы предлагать себя по цене, по которой готова оплачивать их услуги партийная оппозиция (поэтому А. Лебедько с воодушевлением отзывается о волонтерах⁵). В результате «комитет мудрецов» при центральном штабе единого кандидата оказался сформирован из таких людей, которые, по признанию А. Добровольского, так и не сумели выработать какой-то сценарий на 19 марта в 2006 г. (Ценностная альтернатива..., 2007). Наконец, если проанализировать положения принятой на II Конгрессе демократических сил «стратегии», то напрашивается все тот же вывод об удручающем состоянии экспертных анализов и политтехнологий. Разработчики указанного документа попросту не в состоянии оценить ресурсную ситуацию и рассчитать адекватную политическую стратегию на ее базе. С другой стороны, потребители подобной продукции – по той причине, что они не намерены оплачивать весь «пакет услуг», сами превращаются в экспертов в смысле подбора наиболее подходящих и наименее затратных практических мер, соответствующими экспертными программами предполагаемых.

Таким образом, должно существовать нечто, что являлось бы необходимым предусловием и залогом нормальной работы рынка (или поля) экспертных предложений и заказов. В идеальном (нормативном) варианте сцена экспертной деятельности должна характеризоваться автономией, т.е. определяться собственными, а не заемными ставками и капиталами. Сказанное не означает,

что экспертиза должна располагать алиби собственной непорочности, нейтральности по отношению к интересам заказчика и, соответственно, предметам собственной заинтересованности. Поскольку экспертный (научный) капитал отличается от прочих прежде всего тем, что эксперты ищут признание прежде всего у своих конкурентов, то социальная наука не является нейтральным в политическом отношении предприятием⁶. Можно согласиться с тем, что попытка навязать ту или иную доктрину – это всегда форма завуалированной цензуры, однако здесь особое значение имеет, является ли цензура «внешним» или «внутренним» фактором экспертной сцены.

В конечном счете мы говорим о наличии институтов, призванных устранить асимметрию информации за счет, с одной стороны, «экспертизы экспертизы», обеспечивающей профессиональное признание экспертов со стороны экспертов, с другой стороны – за счет признания широкой общественности. Словом, часть интеллектуальных благ должна получать оценку со стороны самих экспертов, во вторую очередь – со стороны граждан (не только непосредственных потребителей экспертной продукции или государства). Именно таким образом формируется представление об «именных», «фирменных» благах – в отличие от «статистического» представления о средневзвешенной экспертизе (как, скажем, в ситуации с разработкой анонимной группой экспертов стратегии демсил Беларуси, с которой, если я не ошибаюсь, широкая общественность не ознакомлена по сей день). Наконец, именно условие автономии экспертной сцены придает продуцируемым экспертами и исследователями благам – во всяком случае, их значимой части – характер *public goods*, т.е. публичных, общих благ, у которых нет собственника в строгом смысле. Такие блага характеризуются исключительной важностью для публичной сферы, равно как и общества в целом, поскольку специфические блага, производимые экспертами, – это знания, задающее топографию реальности для социальных агентов.

Для формирования полноценной публичности имеют значение не только указанные блага сами по себе, но и также их «by-products» – самые разнообразные экспертные трансакции (сделки), интеракции (взаимодействия) и интерференции (противодействия), протекающие в форме конфликтов. Я склоняюсь к мысли, что реальная (не просто воображаемая) профессиональная солидарность, само по себе экспертное сообщество возможно на условиях, так сказать, системы дифференциальных расхождений, предполагающей оппозицию, конфликт. «В самом деле, как можно не видеть, – напоминает Пьер Бурдьё, – что в конфликте и посредством конфликта рождается определенная форма консенсуса? Прежде всего потому, что для ведения спора необходимо иметь согласие относительно самих понятий, терминов размежевания, а также потому, что конфликт интегрирует или, по меньшей мере, позволяет определить общую проблематику, общие принципы видения (*vision*) и деления (*division*) мира, которые таким образом эксплицируются, объективируются и становятся общеизвест-

ными»⁷. В приведенном отрывке содержится положение, на мой взгляд, принципиальное для понимания феномена публичности в целом и экспертной сцены в частности, а именно: полноценная публичность и, соответственно, экспертная деятельность возможна лишь там, где отношения асимметрии (т.е. насилия или монополии, будь то монополия государства или медиакратии) замещаются или, по меньшей мере, уравниваются симметричными отношениями, в основе которых – конфликт и, с другой стороны, многосторонняя договоренность по поводу коллективных действий. Таким образом, мы подходим к тому, что основой автономии экспертного поля является *общественный договор* (в частности, по поводу «воображаемого общества», принципы которого должны быть эксплицированы, «опубликованы» и критически осмыслены), практической реализацией которого должны выступать экспертные автономии в виде *think tanks* (фабрик мысли), исследовательских институтов, профессиональных ассоциаций и пр., словом, все известные в случае экспертной и исследовательской деятельности типы общественных (гражданских) объединений – с юридической пропиской или же без нее.

Следует сразу отметить, что с момента провозглашения независимости Беларуси в стране начался процесс создания независимых экспертных институтов, однако буквально с середины 1990-х произошел откат: в течение последующих 10 лет усилиями правительственных чиновников была ликвидирована большая часть без того немногочисленных независимых экспертных организаций – Центр конституционализма и сравнительно-правовых исследований, Международный институт политических исследований, Национальный центр стратегических инициатив «Восток – Запад», Независимый институт социально-экономических и политических исследований (причем сегодня существует фактический запрет на опросы общественного мнения), общественное объединение «Социальные технологии», Европейский гуманитарный университет, при котором существовал ряд исследовательских центров, и т.д. В контексте авторитарной системы это было частью общей стратегии по зачистке третьего сектора. Сегодня среди «чудом выживших» организаций и центров можно упомянуть Институт приватизации и менеджмента, который умудряется продавать правительственным учреждениям свои анализы, и лаборатория «Новак», которая сосредоточена на маркетинговых исследованиях и официально проведением «политических» социологических опросов не занимается, Аналитический центр «Стратегия»⁸.

Часть белорусских исследовательских институтов была вновь открыта за рубежом – преимущественно в Литве, так что можно утверждать, что в настоящее время существует порядка 10–12 различного рода независимых структур, которые ассоциируют себя с экспертной и аналитической деятельностью. Но лишь малое их число имеет организационную структуру, необходимую профессиональную подготовку и действует на постоянной основе. Из-за специфики экономической и политической ситуации в стране эти структуры не могут су-

ществовать за счет оказания аналитических и консалтинговых услуг, посему они осуществляют свою деятельность главным образом за счет зарубежных проектов и грантов (исключение составляет «Новак»), остальная часть существует на уровне гражданских инициатив и клубов. Полноценного рынка аналитической продукции в Беларуси не существует.

Большая часть экспертного сообщества остается не у дел и вынуждена существовать при образовательных учреждениях, при политических партиях либо при масс-медиа – таких как «Радио Свобода», «Немецкая волна», газетах «Белорусы и рынок», «Белгазета», сетевых проектах «Wider Europe», «Наше мнение», «Белорусский партизан», «Агога», журналах «ARCHE», «Палітычная сфера» и др. Часть экспертов перешла на работу в государственные учреждения. К примеру, с закрытием в Минске Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) многие его научные кадры пополнили преподавательские ряды государственных вузов: весьма показательно, что более двух десятков участников экспертного сообщества, ныне работающих в Национальной академии наук Беларуси (НАНБ), Белорусском государственном университете (БГУ) и Экономическом университете, публикуются на сайте «Наше мнение» (специализированном сайте экспертного сообщества) под псевдонимами⁹. Символическим, можно сказать, этапным моментом «полураспада» без того слабого и атомизированного сообщества исследователей и экспертов стал переход на работу в БГУ руководителя НИСЭПИ Олега Манаева. Наконец, часть известных белорусских экспертов (таких, например, как Александр Федута или Александр Войтович¹⁰) фактически переехала работать в Россию или Украину в качестве политтехнологов, консультантов в коммерческих предприятиях и пр.

В результате известная часть исследовательских программ была свернута. Означает ли все это окончательное уничтожение гражданского сектора в поле экспертной деятельности? Я бы не стал торопиться с подобными выводами, поскольку описанные тенденции имели отнюдь не только негативные последствия. Во-первых, ликвидация белорусских фабрик мысли косвенно способствовала интенсификации экспертных коммуникаций в сети, т.е., по сути дела, формированию сетевых сообществ. Развернувшиеся (в том числе в Lj-комьюнити) дискуссии с участием представителей «белорусскоязычного» и «русскоязычного» секторов экспертных и интеллектуальных сцен – такие, как, например, вокруг языка вещания радио «Немецкая волна», – вообще ранее казались невозможными, поскольку указанные сектора существовали изолированно друг от друга (вплоть до того, что ссылаться друг на друга считалось дурным тоном). Во-вторых, начался процесс формирования «параллельного сообщества» (термин Сергея Паньковского¹¹, впервые сформулированный им на одной из конференций в Киеве), зримым воплощением которого стало учреждение в сентябре 2006 г. в Вильнюсе Белорусского института стратегических исследований, под эгидой которого объединились ряд исследовательских организаций и медиа-

проектов (к этому примеру мы вернемся ниже). Наконец, в-третьих: активизировалась часть академического сообщества, ранее показательно нейтральная по отношению к актуальной политической повестке. В частности, это касается группы научных сотрудников и преподавателей Белорусского государственного университета, Национальной академии наук Беларуси (НАНБ), интеллектуалов, связанных с ЕГУ.

Теперь следовало бы поставить вопрос о том, каким образом описанные альтернативные тенденции сказались на результатах экспертной работы, на ее качестве. Возможно, временной лаг, который мы берем в рассмотрение, недостаточен для каких бы то ни было обобщений, но предварительное резюме таково: никаких существенных изменений не произошло. Пока сложно говорить о каких-то качественных сдвигах в сфере гуманитарных исследований, а равным образом – о преодолении основного проклятия белорусского экспертного сообщества – его гетерономии и фрагментарности, обусловленной слабостью горизонтальных связей. И поскольку, несмотря на «фрагментарность» взятого в рассмотрение предмета, можно констатировать в этих фрагментах определенные инварианты «развития» (если, разумеется, не брать в расчет обнадешивающих исключений), постановка проблемы «канвы» применительно к экспертной сцене представляется уместной.

2. Регрессивная экспертиза

В принципе, проблему «канвы» (или «русла») применительно к экспертизе можно рассматривать как частный случай использования разделов неинституциональной экономики и исторической социологии, трактующего о пути зависимости от однажды избранной траектории (path dependence)¹². В экспертной деятельности можно обнаружить существование своего рода QWERTY-эффектов: подобно тому как реклама некогда существовавшей лондонской фирмы «Qwertу», размещенная на клавиатуре производимых ею печатных машинок, в последующем блокировала более продвинутые с эргономической точки зрения проекты (например, Dvorak keyboard)¹³, так и в научной деятельности действие неких «исходных» институциональных выборов, закреплённое определенным соотношением сил, практик обучения, социальных стандартов деятельности и пр., продолжается даже тогда, когда исчезли соответствующие «исходные» факторы или же их действие не является значительным. Словом, существует нечто, с давних пор оказывающее свое подавляющее и неизменное воздействие на организационную и содержательную часть социально-политических наук – так, что даже в ситуации, когда сама по себе социально-политическая и экономическая жизнь подвержена определенным флуктуациям, экспертиза, что называется, остается верна своему стилю и практически не демонстрирует «развития». Другими сло-

вами, она, подобно испорченной виниловой пластинке, оказывается загнана в определенный трек, причем переход (точнее сказать, перевод) ее на новый виток сам по себе оказывается серьезной проблемой, решение которой без каких-то специальных процедур (определение которых, в общем, не является задачей настоящего исследования, ограничивающего себя диагностическими задачами) оказывается невозможен. Назовем этот феномен перманентного возврата экспертного сообщества к старым, казалось бы, подтвердившим свою неадекватность объяснительным схемам, *регрессивной экспертизой*¹⁴. Типовым примером регрессивной экспертизы являются, скажем, относительно недавние события – когда после повышения цен на газ для Беларуси и ее фактического вывода из состава Союзного государства подавляющее большинство экспертов ограничились объяснительным принципом «российского империализма». Хотя речь, казалось бы, должна была вестись об интенсификации процесса капитализации российских корпораций и его «побочном продукте» – сбросе, выражаясь языком бизнеса, непрофильных активов, каковыми в данном случае являются многие фрагменты постсоветикума.

Специально отметим, что «частный случай» path dependence, каковым здесь выступает поле экспертного анализа, неоинституционализм никак не влияет на общие выводы, высказанные Д. Нортотом: 1) институциональная система определяет направление, по которому идет приобретение знаний и навыков; 2) это направление может быть решающим фактором долгосрочного развития общества¹⁵. Данные выводы, на мой взгляд, предоставляют частичное алиби для, казалось бы, сомнительной процедуры инкорпорации теоретического раздела из одной сферы знаний (экономика) в другую (социология науки): социально-политические науки или то, что их замещает (идеология, псевдонаучная мифология), оказывают вполне ощутимое воздействие на институциональную систему и – посредством последней – на самих себя, поскольку она определяет путь, по которому идет накопление знаний. Полное алиби обеспечивается тем простым обстоятельством, что, как уже отмечено, «нелояльные» белорусские эксперты в какой-то момент оказались полностью вытеснены за пределы официальной «публичности» и, следовательно, были предоставлены сами себе в выработке новых «правил игры». С этим оказалось не так просто: при всех оговорках независимый экспертный анализ как бы привязан к исходной канве, соответственно, некогда возобладавшим объяснительным схемам.

Коротко говоря, постановка проблемы «канвы» проистекает из многолетних наблюдений за «поведением» экспертизы, которая оказывается индифферентной к основным вызовам времени. В течение последних 10–15 лет перечень основных вопросов, которые ставились экспертами (например, по поводу «национальной идентичности», «выбора между Западом и Востоком», «белорусской модели», «кризиса модели»), равно как и опорный словарь анализов, не претерпел изменений или претерпел их в несущественной степени. Об этом

можно судить на основании контент-анализов экспертных предложений по целой группе проблем, выявляющих «временную» или, если угодно, «топологическую» идентичность исследователей, которые, находясь в «центре современной Европы», тем не менее умудряются пребывать где-то в третьем мире.

Характерный пример. В свое время в Палате представителей обсуждался «демографический кризис» в Беларуси, причем депутатами высказывались довольно радикальные предложения – вплоть до запрета аборт. Подавляющая часть критиков проекта регулирования абортов, как правило, склонялись к мысли, что подобные ограничения не являются панацеей. Практически никто не ставил под вопрос целесообразность увеличения рождаемости – при том, что в «центре Европы» более актуальной все же является проблема снижения смертности или того более – проблема занятости. Зачем Беларуси сохранять и преумножать 10-миллионное население в ситуации, когда нормальных (по региональным меркам) рабочих мест в стране – не более одного миллиона? Словом, до определенного момента (кризиса в российско-белорусских отношениях) проблема интенсивного пути развития не ставилась, и по сей день как правительственные, так и «оппозиционные» эксперты мыслят в парадигме экстенсивного развития, как если бы они жили проблемами эпохи раннего или среднего модерна, озабоченного масштабами – производства, прироста ВВП, народонаселения и пр.

Приведенный пример позволяет указать на одну «особенность» экспертного поля, которая в рамках настоящего исследования представляется существенной, а именно: очевидные политические, идеологические разногласия между специалистами в сфере социально-политических наук – при всей важности этих разногласий – не являются настолько существенными и определяющими, чтобы привычным образом делить поле экспертизы на два автономных или параллельных поля – «государственное» или «оппозиционное» и, соответственно, экспертов – на «честных» и «нечестных».

Во-первых, потому, что используемые по обе стороны этого разделения концепты – «чистые» и «нечистые», которые, как напоминает Луи Пэнто, принимают разнообразные формы метафор, классификаций, иерархий, эволюционистских схем и т.п., – не являются столь принципиально различными¹⁶, как принято считать, и достаточно свободно перемещаются в этом интеллектуальном пространстве¹⁷, хотя зачастую берутся с обратным знаком. В этом смысле «государственные умы», т.е. умы, структурированные государством, в общем и целом мыслят примерно так же, как и представители независимого экспертного сообщества, и наоборот. Достаточно присмотреться к успеху, который имеют в государственных исследовательских институтах (например, в ИСПИ¹⁸) различного рода опросы общественного мнения или, скажем, расчеты в отношении «финансового рынка», чтобы понять, что «по ту сторону баррикад» структурирование умов происходит по аналогичной схеме. Скажем, вопрос о социоло-

гическом статусе общественного мнения в системе «вынужденного принятия власти»¹⁹ по какой-то причине вообще не поднимался (во всяком случае, не социологами), и независимые социологические центры по-прежнему поставляют «электоральную» статистику так, как если бы пребывали в условиях консенсусной демократии. Таким же образом независимые экономисты интерпретируют цифры Минстата, не обременяя себя вопросами политэкономии (в частности, проблемой наличия рынка как такового), что неизбежным образом искажает значение употребляемых терминов: если рынка не существует или если этот рынок является административным, то говорить об «эффективности», «рентабельности», «курсе национальной валюты», «платежном сальдо» следовало бы, по меньшей мере, с учетом этого базового обстоятельства.

Во-вторых, потому, что напряжение сил, возникающее в поле (субполе) науки (или экспертизы), является его фундаментальной, в буквальном смысле структурной характеристикой. По правде говоря, мы ничего не выигрываем в смысле экономии на концептуальных ресурсах ни в случае с двумя «параллельными» полями, ни в случае с единым полем экспертизы. Во втором случае нам придется вводить, скажем, понятие «двойного агента», который, вопреки утверждениям Бурдьё, все же способен занимать несколько позиций в одном и том же поле – наподобие Н. Кацука, В. Улаховича В. Бобровича, В. Чернова или И. Бобкова, которые, с одной стороны, являясь сотрудниками НАНБ или государственных образовательных учреждений, в то же время стремятся к самореализации в ипостаси независимых экспертов. В строгом смысле следовало бы говорить о государственном аппарате науки, с одной стороны, и поле негосударственной (зачастую прописанной за рубежом) науки – с другой. При этом, следуя рекомендации Пэнто, мы стремимся избежать представления о государственном аппарате как о мозге с определенными целями и намерениями и помним, что речь идет о структурированном бюрократическом пространстве со своими оппозициями, конфликтами и т.п., постепенно переходящем в противостоящие ему независимые (по меньшей мере, в смысле финансирования) экспертные субполя и бюрократии и в более широком смысле – науки и образования.

В-третьих, поскольку отношения между государством и экспертами как таковые далеко не исчерпывают условия для понимания характеристик экспертного поля и экспертного дискурса. Более важным, говорит Пэнто, ссылаясь на Бурдьё, является «разделение на временное и духовное в виде оппозиции или разделения труда между индивидуумами, располагающими прежде всего научным авторитетом, и обладателями институционального капитала административного и организационного типа, которые либо посвящают свое время выполнению управленческих функций “на благо исследований”, либо занимаются чистой институциональной репродукцией (участие в диссертационных советах, аттестационных комиссиях, методических комитетах, жюри конкурсов и т.п.)»²⁰. Эта социологически выявляемая оппозиция (между собственно науч-

ным капиталом и административным капиталом) в определенном отношении соответствует институционально значимой оппозиции между производительными и перераспределительными стимулами, (дис)балансы которых задают основные каналы экспертной деятельности.

3. Путь зависимости: истоки и репродукция

Обычно в path dependence-анализах выделяется два типа причин, ответственных за феномен «канвы» или «русла» (так называемая модель Стинкума²¹): 1) особые обстоятельства, которые вызывают традицию (институт), 2) общий процесс, в котором институциональная модель воспроизводится. Механизмы репродукции институтов – это не то, благодаря чему институты возникли. В отличие от генезиса институтов, отсылающих к «контингентности» новейших теорий, механизмы репродукции описываются посредством предшествующих теорий (например, неоклассических моделей). Эти механизмы замыкают (lock-in) определенную институциональную модель. Таким образом, в историческом объяснении процессы, ответственные за институты, и процессы, ответственные за репродукцию институтов, различны. Таким же образом мы будем различать общую институциональную матрицу белорусской науки (т.е. ее «особые обстоятельства»), с одной стороны, и, с другой, механизмы репродукции экспертизы, где смешиваются «реактивные цепочки» и «самоусиливающиеся» тенденции, которые продолжают действовать даже тогда, когда действие «первичных», «исходных» факторов минимально или сходит на нет²².

3.1. В первом отношении организационная модель советской науки с ее бюрократической вертикалью и неизбежным в подобном случае перевесе перераспределительных стимулов над производительными во многом остается определяющей для науки белорусской. Описывая «правила игры» советской науки, В. Леглер вводит понятие «квазинауки»²³. Под последней понимается учение, взятое на вооружение в советской науке и находящееся в состоянии взаимного отрицания аналогичной по названию мировой науки. Специфические черты квазинаук объяснимы из обстоятельств их возникновения. Они образовывались тремя различными способами (их сочетанием): 1) захватом научного сообщества группой ученых (мичуринская биология), 2) навязыванием сообществу квазинаучного учения извне государством (антимарровское языкознание) или иной превосходящей силой (для ведомственной науки – министерством), 3) сохранением советским научным сообществом прежней парадигмы в качестве пережитка, реликта в момент мировой научной революции (антиплитная геология). Поскольку во всех случаях квазинауки имели перед собой сильного научного конкурента, они сосредоточивали свои интеллектуальные силы на его

критике. С этим связано существенное свойство квазинаук: преобладание негативного содержания над позитивным. Квазинаука нуждается в некоей исходной позиции, которую она должна отрицать. Например, суть мичуринской биологии состояла в отрицании хромосомной теории наследственности. В аспекте же позитивной теории мы имеем дело просто с набором тезисов и высказываний, лишенных концептуального единства, – если не брать в расчет фантазматического синопсиса официальных верований (как, например, в случае с истматом), пребывающих в регистре «верую, ибо не могу проверить».

В итоге, как утверждает Леглер, советская наука: 1) иерархически организована, причем руководитель каждого научного подразделения по определению считается наиболее выдающимся ученым в соответствующей области науки; в действительности он таковым, как правило, не является; 2) возникающее противоречие между его фактической и воображаемой ролями снимается научной имитацией. Научная имитация, *вошедшая в правило*, не позволяет руководителям научных сообществ признавать чьи-либо, кроме своих, научные достижения, поскольку такое признание подрывает их положение. Это делает невозможным внутреннее развитие данной науки, а в развитом виде – принятие научных достижений из-за рубежа. Так формируется квазинаука, однако ее положение остается неустойчивым. В сообществе может появиться научная оппозиция, т.е. ученые, открыто разделяющие точку зрения мировой науки. Они применяют принцип обхода, т.е. переносят научную дискуссию за пределы профессионального научного сообщества, в более широкую социальную сферу. После этого руководители научной иерархии отступают и квазинаука ликвидируется.

Белорусская академическая наука (во всяком случае, в ее гуманитарной части²⁴) в общем и целом сохраняет признаки квазинауки с определенными оговорками в аспекте «негативности». Дело в том, что именно негативная часть того или иного учения придавала советской науке признаки научности, поскольку сохраняла логику аналогичной по названию «буржуазной» науки, в то время как в Беларуси возобладал метод «взять лучшее из мирового опыта» (если воспользоваться словами Лукашенко). Производимые учеными экспертами концепты и концепции в области социально-политического знания предстают как образцы невообразимой эклектики²⁵, а «наиболее значимые» достижения в этом отношении воплощают собой провал проекта систематизированной государственной идеологии²⁶. Нынешний глава НАНБ М. Мясникович специально отмечает, что «действия же властных структур, которые обязаны принимать конкретные решения, действовать в интересах страны именно в режиме реально возникающих угроз и возможностей, все чаще оказываются осмысленными и легитимизированными (отечественной социально-гуманитарной наукой. – *АП.*) “задним числом”. А иногда, к сожалению, это происходит и в обратном порядке»²⁷. Родовое пятно квазинауки в этом спекулятивном смешении научных языков в этом, с позволения сказать, постмодернистском «миксе», как мне кажется, сказывается

в том, что действующие в рамках критики буржуазной квазинауки изменили свою «специализацию» с негативной на позитивную, переквалифицировавшись из разоблачителей в миссионеров.

Белорусская наука по-прежнему встроена в вертикальный (гоббсовский) контракт, т.е. иерархически организована, и эта организация, с одной стороны, поддерживается государством, с другой – определенными реликтовыми явлениями в области организации научно-исследовательских и образовательных процессов. Причем, как убедительно показывает А. Войтович, так называемая реформа белорусской науки не только не изменила наличную ситуацию, но усугубила ее²⁸. В сущности, реформу академической науки следует интерпретировать не как противостояние двух тенденций – «сохранение традиций» vs. «коммерциализация», но как борьбу двух перераспределительных моделей, в результате которой выиграла группа, объединенная вокруг Государственного комитета по науке и технологиям во главе с А. Лесниковичем, который вскоре был назначен зампредом президиума НАНБ, возглавляемой М. Мясниковичем. Суть «реформы» состоит в том, что задачи сертификации, отбора и, соответственно, распределения ограниченных средств на научные исследования монополизировал бюрократический аппарат, действующий от имени государства.

Отметим, что Леглер неявно подразумевает, что неэффективные институциональные правила рано или поздно будут вытеснены более эффективными (за счет «принципа обхода»), т.е. в генезисе институтов он особо не отделяет обстоятельства их формирования от механизмов репродукции. Между тем последние заслуживают особого внимания, поскольку именно они, я полагаю, ответственны за то, что белорусская наука благополучно пережила все «реформационные» волны и практически не изменилась как в организационном отношении, так и в плане качества конечной продукции. Именно поэтому, как я намереваюсь показать ниже, неправительственная экспертиза в течение 15 лет так и не выполнила свой «обходной маневр». В принципе, в любом обществе имеются предпосылки для институциональных изменений (с выходом на инновационный путь развития), но эти предпосылки могут быть заблокированы по той простой причине, что издержки этих изменений для социальных агентов превышают издержки сохранения существующих правил.

Во-первых, «возрастающая отдача» (increasing returns) как важнейший механизм воспроизводства «правил игры» предполагает, что в большинстве своем социальные агенты, в общем, не заинтересованы в изменении этих правил из соображения выгоды за счет экономии усилий. Возрастающая отдача вызывает эффект «экономии на масштабах»: *когда какое-то правило удастся установить, выгодно распространить его на возможно большее количество сфер*. В самом общем смысле государству выгодно экономить на издержках, распространяя вертикальный контракт на все сферы общественной жизни, в том числе на сцену экспертной деятельности. На индивидуальном уровне для эксперта вы-

годно взять за основу какую-ту теоретическую схему и более ее не совершенствовать, продавая ее возможно большее количество раз во всех возможных версиях (в идеале – в одной версии). Естественно, что профессиональная конкуренция предстает здесь как «естественное» препятствие на пути извлечения дивидендов от профессиональной деятельности. Таким образом, вне зависимости от того, какая организационная модель науки берется за основу государственного реформирования, многим группам выгодно именно сложившееся положение дел прежде всего в аспекте неформальных правил.

Во-вторых, воспроизводству институтов способствует рассогласование между неформальными нормами и формальными правилами, что приводит к двусмысленному положению, когда никому не выгодно следовать предписаниям потенциально более эффективных правил. А. Олейник выделяет в связи с этим, помимо других, особый вид издержек – *издержки рассогласования институтов*²⁹. Существование двух различных нормативных систем приводит к ситуации, когда агент вынужден в определенных случаях демонстрировать свою приверженность формальным правилам, с другой же стороны – следовать неформальным нормам. Если говорить, к примеру, о среднем звене научно-исследовательских бюрократий (а именно здесь сосредоточены карды с наиболее высоким уровнем компетенции), то более или менее ясно, что феномен «двойных агентов», одновременно встроенных в государственный и оппозиционный экспертный дискурсы, связана с проблемой «двоемыслия», т.е. «публичной демонстрации приверженности принятым в обществе идеалам и нормам, которые могут не соответствовать внутренним убеждениям индивидов и даже вступать в противоречие с их реальным поведением»³⁰. Если исходить из того, что люди, в общем, в своих действиях склонны экономить на издержках, то наличие издержек рассогласования институтов предполагает, что большая часть экспертного сообщества будет играть не на изменение правил, но на то, чтобы более или менее удачно встроиться в систему (зачастую используя фактор «двоемыслия» в своих собственных интересах, т.е. по необходимости следуя либо формальным предписаниям, либо неформальным).

Наконец, существует еще одно отягчающее обстоятельство – доминирование перераспределительных групп, выраженное в преобладании рентоориентированного поведения, т.е. стремление не создавать доходы, а перераспределять их. Эрнандо де Сото, превосходный эксперт в данном вопросе, определяет перераспределение как использование закона в качестве механизма «делжки постоянного объема благосостояния между различными группами»³¹. В самом общем смысле группы с особыми интересами замедляют экономический рост, снижая скорость перераспределения ресурсов между сферами деятельности или отраслями в ответ на появление новых технологий или условий. В частности, в белорусской науке картелизированные группы, представителей которых мы зачастую не знаем ни в лицо, ни по имени, осуществляют борьбу за ресурсы, в результате

которой скорость перераспределения резко снижается, а это равнозначно отсрочкам и серьезным препятствиям на пути перемещения ресурсов в те сферы научной деятельности, где они имели бы большую продуктивность. Наиболее распространенные способы, которыми они добиваются этого, – обеспечение монополии на деятельность определенного рода (например, на проведение соцопросов), а также лоббирование помощи, специальных трансфертов для выхода из затруднительного положения научно-исследовательских и экспертных секций, которые в противном случае потерпели бы фиаско. Есть менее очевидные способы продвижения интересов «малых» синдикатов, при этом общим признаком всех перераспределительных сделок является *устранение зависимости между производительностью агентов или групп или, шире, – реальной ценностью их вклада в процесс производства благ – и долей получаемого вознаграждения*. Итогом деятельности перераспределительных групп становится производство клубных благ, касающихся малых групп при сопутствующем исчезновении стимулов для производства публичных благ, связанных с развитием всей отрасли научного производства или ее конкретного сегмента.

А. Войтович описывает ситуацию, как в агронауке под видом реформы институты и центры, занимающиеся селекцией растений, объединяются в многопрофильный синдикат, но при этом лишаются полигона для селекционных опытов³². Понятно, что такой синдикат создается с целью производства новых растений «на бумаге», т.е. с целью перераспределения – освоения трансфертов, имеющих источником не вклад в научное производство, но некую особую привилегию. Можно было бы показать, что данная организационная матрица является канонической для научно-исследовательской деятельности в сфере социально-политического знания. В 2006 г. Институт социально-политических исследований при Администрации Президента РБ был преобразован в Информационно-аналитический центр, которому были приданы дополнительные функции (пиар и разведывательная деятельность), но при этом сокращен штат исследователей. Специально отметим, когда речь идет о расширении спектра деятельности при сокращении числа исполнителей, происходит увеличение администрирования над производством (число заместителей главного администратора и, соответственно, руководителей секций и отделов увеличивается пропорционально числу функций). Рассматриваются также планы расформирования Института истории НАНБ и создания вместо него «гуманитарного центра» по той же схеме. Можно предполагать, что возникновение этих планов символизирует один из этапов борьбы за «правильное» видение национальной истории; зримая часть этой борьбы выражается едва ли не в ежегодном переиздании учебников по истории Беларуси³³. Можно обратить внимание на существование своего рода монологичных споров, которые ведутся по поводу столь остроконфликтного предмета, каковым является «белорусская история»: полемика ведется не от имени конкретного ученого, который спорит с другим ученым, но от имени

одной истины, которая оспаривает альтернативную, ложную и, как правило, столь же анонимную истину. Результатом этой анонимной борьбы, как это ни парадоксально, оказываются циркуляры Минобразования с конкретным, именным списком книг или литераторов, рекомендуемым или не рекомендуемым в образовательных программах и, с другой стороны, – серия конкретных карьерных перемещений. Я готов утверждать, что наполнение публичности «монологичными», анонимными спорами, которые вовсе не устанавливают термины согласия/размежевания, не определяет общую экспертную проблематику, но просто дезавуирует «неправильную» истину, является косвенным показателем преобладания в научно-исследовательской деятельности перераспределительных стимулов над производительными.

3.2. Если уделить внимание карьерам и индивидуальным позициям «оппозиционных» исследователей, прежде всего тех, кто пришел в экспертное поле прямым из советской науки, то сложно обойти обстоятельство, упоминавшееся ранее: объект критики (течение буржуазной науки) превращается в позитивную специализацию, а марксистско-ленинская философия, на базе которой эта критика осуществлялась, – соответственно объектом критики. Но этот механизм далеко не универсален и, по меньшей мере, имеет неортодоксальные вариации: хорошо известно, что существовали своеобразные лакуны «неправоверного» марксизма, откуда, собственно, и вышли многие заметные представители экспертного сообщества и интеллектуалы. Так, например, для представителей так называемой «креольской группы» (В. Акудович, В. Абушенко) такой лакуной был Институт Латинской Америки при Академии наук СССР³⁴. Словом, в разных секторах экспертной сцены указанная «генетическая» особенность сказывается в разной степени: если в «белорусскоязычных» экспертных кругах «негативное» (антиимперское, антиколониальное, антисоветское) содержание преобладает над позитивным, то в других сообществах «родовая травма» квазинаук сказывается меньше, зачастую причудливым образом – так, что каждый случай потребовал бы отдельного рассказа. (Большое количество «миксов» и «коктейлей» из модных доктрин и теорий – косвенное свидетельство тому, что экспертное сообщество структурировано зачастую не в соответствии с принципом деления на «школы», но в соответствии с топикой перераспределения общественных ресурсов, направляемых на научные изыскания.)

Вместе с тем я полагаю, что обстоятельства формирования отдельных экспертных историй и позиций, на мой взгляд, в плане регресса экспертизы представляют меньшее значение, чем действующие механизмы институциональной репродукции, – возрастающая отдача, издержки рассогласования институтов и засилье перераспределительных групп, – которые в различных секторах экспертной сцены, опять же, сказываются по-разному и зачастую действуют в ослабленном виде – благодаря, например, наличию относительно большого

числа «свободных радикалов» (вроде В. Мацкевича, А. Грицанова, А. Федорова, М. Жбанкова и др.), которые в силу необходимости новых белорусских структур должны согласовывать нормы своей деятельности с партнерами из стран ЕС в силу целого ряда других причин.

Начну с перераспределительных стимулов. К сожалению, я не располагаю «публичными» данными (в силу того простого обстоятельства, что о соответствующих фактах на публике говорить не принято) и вынужден опираться на опыт собственной деятельности и равным образом на частные наблюдения коллег. Хорошо известно, что всякое пристойное исследование предполагает формирование исследовательской (экспертной) группы, еще лучше известно, что всякая такая группа должна обзавестись своим собственным «свадебным генералом» или даже несколькими, в противном случае добиться финансирования будет весьма сложно. Наконец, прекрасно известно, что доля вознаграждения белорусского эксперта находится в прямой зависимости от того, какая «руководящая» нагрузка в данном исследовании за ним гласно или негласно закрепляется. Это универсальные правила, работающие как в государственных учреждениях, так и в поле независимой экспертизы. Достаточно убедительное свидетельство наличия экспертных синдикатов – относительно малая доля усилий, посвященных собственно исследованиям, по отношению к количеству усилий, направленных «на руководство посредниками, проведение встреч и приемов»³⁵, и, добавим, активное использование модных ныне «коммуникативных» форм (конференций, семинаров, панелей и пр.), нередко реализуемых с целью увеличения и закрепления определенных рентных привилегий. Наконец, можно указать на то простое обстоятельство, что в подготовке настоящего текста автору решительно не на что было опереться, если не считать индивидуальных работ белорусских исследователей, осуществленных по собственному почину. Таким же образом очень сложно отыскать результаты исследований, на которые можно было бы опереться в дальнейшей работе, по огромному перечню вопросов – начиная с вопросов внешней политики и заканчивая принципами кадровой ротации в центральном госаппарате. Говоря коротко, конечным продуктом деятельности независимого экспертного сообщества выступают главным образом не публичные, но клубные блага, представляющие интерес для весьма ограниченного числа заинтересованных. (В скобках замечу, что хотел бы быть правильно понятым: я рассуждаю не огульно, т.е. не беря в рассмотрение различные случаи, которые могут быть истолкованы как исключения.)

Существуют два типа причин, во многом ответственных за перераспределение на сцене экспертизы. «Эндогенные» факторы связаны с дефицитом ресурсов в самом широком смысле, т.е., с одной стороны, – с отсутствием разветвленной системы заказчиков, сети общественных фондов и т.д. (проклятие всего гражданского общества), с другой – собственно информационной базы, включая систему допусков к информации. Так, к примеру, если бы белорусские экономисты

располагали допуском к непосредственной таможенной статистике, они могли бы сами осуществить пересчет торгового сальдо; в настоящих же условиях они попросту вынуждены пользоваться данными Минстата, т.е. осуществлять «паразитарную» интерпретацию правительственных цифр. Таким же образом отправным пунктом анализов для экспертных кругов, посвящающих себя проблеме выявления национальной идентичности белорусов, являются данные последней переписи населения, когда 75% белорусских граждан довольно двусмысленно показали, что белорусский язык является для них «родным». Декларации о создании претенциозных оппозиционных структур вроде «параллельного правительства» едва ли опираются на какие-то серьезные предпосылки. Учреждение Белорусского института стратегических исследований (BISS, в первоначальном варианте – Института белорусских исследований) одной из целей предполагало формирование такой базы, пусть и в ограниченных масштабах. Пожалуй, пока еще рано давать оценку деятельности этой организации, хотя предварительные выводы не дают оснований для особого оптимизма: а) заявленные исследовательские программы института не оговаривают выработку общих понятийных аппаратов для реализации исследований; б) что в организационном отношении выражается в конденсации синдиката из совершенно различных по своим задачам и смыслу экспертных организаций и СМИ (в частности, Белорусского коллегіума, лаборатории «Новак» и «БДГ»). Таким образом, цели этой структуры, которых искренне – я подчеркиваю – хотели избежать учредители, – все те же: лоббирование, перераспределение, словом, весь комплекс операций, которыми уважаемые в экспертном сообществе люди, руководящие институтом, неплохо владеют. Этим людей можно понять: они собираются, учреждаются, открывают окно возможностей для кого-то – кого по какой-то причине не оказывается. Просто потому, что производить не выгодно. Выгодно перераспределять.

Почему BISS воспроизводит привычную перераспределительную модель? Одно из объяснений предполагает обращение к «эндогенным факторам» – за сильную перераспределительных групп в соседних государствах – Польше, Литве, Украине, где традиции перераспределения также имеют долгую историю. Действительно, одна из задач, которую преследовали учредители BISS, – прорыв «кольца блокады», образованного экспертными организациями, якобы специализирующихся на Беларуси (с продуктами деятельности которых внутри Беларуси, как правило, незнакомы). Посему основным видом капитала, который принимался в расчет в кулуарных схватках за место директора института, были не организаторские таланты кандидатов, но их предполагаемые связи с потенциальными спонсорами и донорами. Следовало бы подчеркнуть, что в белорусских условиях подобная практика назначений – в зависимости от предполагаемых «деловых связей» и «добрых отношений» – является чрезвычайно распространенной, а сегодня она дополнена формальной нормой «партнера из стран ЕС» (графа типовой грантовой заявки). Так определенные формальные ограничения

в Беларуси выливаются в неформальное правило, согласно которому вышеуказанный «партнер» является юридическим лицом, в функции которого вменяется: 1) предоставление юридического адреса и банковского счета белорусским экспертам, 2) взамен на что он изымает весомую долю финансового транша, направленного на поддержку исследования, равно как и любой другой акции экспертного сообщества.

Параллельно этому существуют отработанные модели непосредственной покупки труда белорусских экспертов организациями, базирующимися за рубежом, когда, например, выполненная здесь аналитическая справка, оплаченная чуть выше, чем публикация в СМИ, перепродается втридорога Еврокомиссии под шильдой, скажем, Института восточноевропейских исследований (Варшава). Последнее время изобретаются более изощренные методы грабежа. К примеру, от имени Университета им. Жана Моне (Франция) осуществлялась обширная интернет-рассылка с просьбой ответить на предлагаемый (довольно объемный) круг вопросов. Последние были составлены таким образом, что ответы на них давали практически полную картину состояния партийного, экспертного полей, системы государственной власти и пр. в Беларуси. Составители опросника, по всей видимости, предполагали, что систематизация полученной информации позволит в итоге представить полноценное исследование по Беларуси, не обременяя себя обязательствами по отношению к белорусским экспертам.

Дополнительным обстоятельством, отягчающим без того непростое положение неправительственных экспертов, является интенсифицировавшийся после мартовских событий 2006 г. процесс вовлечение в перераспределительную игру на экспертной сцене партийных лидеров и активистов – представителей коалиции демсил. Мы являемся свидетелями тяжелого процесса депрофессионализации политиков, которые постепенно превращаются в «экспертов по демократии» – организаторов круглых столов и конференций, комментаторов на радио и в сетевых СМИ.

Несколько слов по поводу возрастающей отдачи. Как показывает опыт, длительное участие в тех или иных перераспределительных схемах, наработка «добрых отношений» приводят к относительному увеличению рентных поступлений (впрочем, по региональным меркам довольно скромных – будь то денежные доходы или участие в конференциях за рубежом), выпадающих на долю участников перераспределительных картелей. Уже по этой причине часть экспертного сообщества не заинтересована в изменении наличных правил игры. С другой стороны, контент-анализ, к примеру, сетевых изданий показывает, что многие белорусские эксперты занимаются последовательной перепродажей ограниченного числа текстовых версий или, выражаясь редакционным языком, «припевов». Часть благ, производимых экспертами, несут на себе печать «нецелевого заказа», когда, например, курс лекций форматируется в виде исследования по специальному вопросу (что связано, разумеется, с необходимостью

экономить на издержках, без того довольно высоких в белорусском обществе). Коротко говоря, налицо все симптомы склеротизации поля экспертной деятельности, что, в частности, связано с возможностью снижения транзакционных издержек в связи с масштабами, или, если угодно, тиражами.

Рассогласование между неформальными нормами и формальными правилами в неправительственном секторе экспертной сцены сказывается специфическим образом (разумеется, за исключением случаев, когда независимые эксперты стремятся сохранить хорошие отношения с государственными учреждениями). Издержки рассогласования правил игры проявляют себя здесь преимущественно в ситуации реализации и транзакций между «клубами» или необходимости для агента войти в относительно изолированный экспертный круг. Словом, система двойной морали замещается системой правил, варьирующих от случая к случаю, причем эта мультипликативная система профессиональных норм в ситуации отсутствия экспертных ассоциаций, обществ и партнерств, определяющих правила и кодексы поведения своих членов, сама по себе представляет огромную проблему, также и в смысле очевидной гетерономии экспертной сцены. В аспекте содержательного выхода экспертизы зазоры между формальными и неформальными условиями деятельности проявляют себя прежде всего в заметном разрыве между практикуемыми теоретическими схемами (связанными, скажем, с «критикой капитализма» или «выявлением электоральных тенденций большинства») и описываемым посредством этих схем положением дел (например, некапиталистическим, предкапиталистическим, недемократическим обществом).

Сочетание вышеперечисленных правил предопределяет «канву» регрессивной экспертизы, минималистский портрет которой в аспекте содержательного выхода можно представить в виде такого набора неформальных правил, которых предположительно должны держаться те или иные эксперты (в зависимости от специализации и т.д.), производящие в силу этого клубные блага по преимуществу.

Медиатизация – чрезмерная «актуализация» экспертного анализа, чреватая феноменами повтора, «забывания» и пр., – в силу того, что многие эксперты вынуждены существовать при СМИ типа «Белорусы и рынок», «Белорусские новости» и пр. Если не поддаваться иллюзии, в соответствии с которой публичное пространство совпадает с пространством масс-медиа, то более или менее ясно, что блага, производимые экспертами в СМИ и для СМИ, зачастую имеют выраженный клубный характер. Масс-медиа коррумпируют экспертный анализ неизбежными в этом смысле канонами «вечной новизны» и «сенсационности», они вызывают эффекты, противоположные интерактивности, – эффекты интерпассивности.

Индоктринация – применительно к импорту объяснительных схем это означает преобладание доктринальной «базы» над прагматической «надстрой-

кой», что на практике выражается в преимущественном заимствовании не методологической составляющей той или иной концепции, но ее доктринальных, идеологических положений. С другой стороны, критические замечания экспертов друг к другу чаще всего связаны не с неверным или неряшливым использованием теории, а с необходимостью уточнения экспертной позиции. То есть проблема политической идентификации (правые, левые и пр.), а также приверженности тому или иному «уже занятому» кем-то направлению («геополитика», «геоэкономика») превалирует по отношению к собственно решаемой практической или теоретической проблеме.

Проблематизация – это совокупность «методологических» или поведенческих правил, которые определяют деятельность экспертов и, соответственно, конечный продукт совместной работы в виде «долгоиграющих» тем (в отличие от «воспроизводящихся», как в случае с медиа). Внешне этот феномен близок тому, что Джон Грей именует «конвенциональной методологией»³⁶, в соответствии с которой реальным существованием обладает лишь то, что является объектом восприятия в академическом дискурсе. Имеется вместе с тем определенное отличие этих явлений. Если в последнем случае конечный продукт может представлять собой признанный сообществом результат решения проблемы (например, теоретической), то в первом случае это практически исключается. Результатом научной «проблематизации» является «тематизация проблемы», т.е. введение проблемы в оборот и фиксация на ней. Эксперт, включенный в процесс проблематизации (предположим, что она осуществляется в режиме круглых столов и конференций), во-первых, должен показать, что он наслышан «о проблеме» и что-то думает «по проблеме» и, во-вторых, предложить собственное описание проблемы в определенных терминах – как правило, «современных» и принятых в данных экспертных кругах. Как показывает опыт белорусских проблематизаций, все они развиваются по одной и той же схеме: 1) констатируется проблема, например, демократии, национальной идентичности, пограничья, политической коммуникации и пр.; 2) признается, что демократия, национальная идентичность, пограничье или политическая коммуникация в наших условиях являются «какими-то не такими» (т.е. не согласующимися со взятыми на вооружение теориями и принципами); 3) цикл воспроизводится на «новом уровне». В конечном итоге полезного научного эффекта конвенция «проблематизации» не производит, за исключением, разумеется, воспроизводства системы опознавания «свой/чужой» по набору ключевых слов. Сказанное не означает, что в рамках той или иной проблематизации невозможны позитивные решения, однако вне зависимости, применимы ли они в данных обстоятельствах места и времени, сами конечные решения проблемы неявно отклоняются или, попросту говоря, не признаются.

Арифметизация – характерное для экономистов, социологов и даже политологов тяготение к «конечным» количественным объяснениям и интерпрета-

циям (что даже составляет предмет их гордости), не задумываясь об источнике происхождения и условиях получения цифр, которыми они оперируют и о которых спорят. В итоге белорусское общество воображается не как состоящее из различных групп с различными интересами, но как состоящее из суммативных субъектов – аудиторий газет или групп населения, голосующих «за» или «против» по проблемам, которые квалифицируются как главные.

Существуют, по всей видимости, другие элементы регрессивных правил производства интеллектуальных благ, но перечисленные представляются для меня наиболее заслуживающими внимания.

4. Чтобы завершить

Надеюсь, мне удалось (далеко не впервые) показать, что такие вещи, как «публичность», «эффективная экспертная деятельность», «инновации» и «простые и прозрачные правила игры», весьма редко встречаются порознь и предполагают взаимное развитие друг друга. Преодоление регресса экспертной деятельности является совершенно необходимым залогом этого процесса. Как я уже отмечал, моей целью не является выработка рецептуры избавления экспертных сообществ от их болезней, однако повторюсь, что считаю процесс формирования новых горизонтальных экспертных автономий, в частности в виде фабрик мысли, созданных в соответствии с локковским контрактом, когда каждый исследователь является миноритарным акционером организации, большим благом для сообщества. Сегодня в экспертных кругах эта идея обнаруживает все большее число сторонников, и это, я полагаю, является одной из необходимых предпосылок изменения институтов.

Другая предпосылка – наличие в экспертных кругах действительно хороших профессионалов, а также энтузиастов, без которых процессы преобразования немислимы. Институты имеют значение («institutes matter»), говорит Дуглас Норт, но не меньшее значение имеют и люди, способные правила обходить или менять. Существует значительная часть ученых и экспертов, которые либо уже являются индивидуальными предпринимателями в экспертной деятельности, настроенными на коллективные действия (при соответствующей трансформации правил), либо осознающими необходимость серьезных трансформаций в сфере науки и образования.

Наконец, еще один важный момент. Как отмечают многие исследователи, на первых этапах формирования сообществ (реализации любых коллективных действий), как правило, перераспределительные стимулы преобладают над производительными, но этот перевес устраняется по мере увеличения капитала взаимного доверия, а также по мере увеличения скорости перераспределения, связанной с вовлечением в процесс новых экспертов, с проведением новых исследований и т.д.

Возможны также определенные решения в плане устранения предпосылок, закрепляющих униженное перераспределение в экспертном поле. Возможно, целесообразным было бы формирование группы экспертных и исследовательских центров (на условиях предоставления им определенных «пучков прав», в частности касающихся автономии) при базирующемся в Вильнюсе ЕГУ, который располагает ресурсной базой или мог бы ее создать (за исключением, разумеется, системы допуска к информации, имеющей «политическое» значение). Но возможно также, что формирование неправительственных ресурсных центров не является столь уж жесткой необходимостью; возможно, что со временем они появятся сами по себе – подобно тому, как вырос грандиозный ресурс Википедии – из десятков, сотен тысяч индивидуальных инициатив. Наконец, опыт ряда исследований показывает, что в ситуации дефицита информации возможно изобретение исследовательских методик, позволяющих эту информацию получать. Так, например, де Сото придумал простые механизмы определения объемов неформальной недвижимости в Латинской Америке – используя «индикаторы» заборов и лая собак; Яков Паппэ придумал способ выявления групп влияния по открытой прессе, в частности по постановлениям хозяйственных судов; позднее Александр Аузан воспользовался этим методом для выявления новых групп влияния; Майкл Урбан написал уникальную книгу, посвященную циркуляции элит в БССР в 1966–1986 гг., опираясь на скудный советский официоз³⁷.

Эти и другие примеры говорят нам: все возможно. Во всяком случае, возможно многое.

Примечания

- ¹ Автор выражает особую признательность Валерии Костюговой – за осуществление контент-анализов серии экспертных дискурсов и публикаций.
- ² Ruget, V. Scientific Capital in American Political Science: Who Possesses What, When and How? / V. Ruget // *New Political Science*. 2002. 24, 3. P. 471.
- ³ Александр Добровольский – заместитель председателя Объединенной гражданской партии Беларуси (партия либерального направления, входящая в состав коалиции демократических сил); Юрий Дракохруст – известный в Беларуси политический комментатор, обозреватель белорусской службы «Радио Свобода»; Сергей Калякин – председатель Коммунистической партии Беларуси, входящей в состав коалиции демсил. «Народная воля» – независимая газета общественно-политической направленности, квалифицируемая официозом как «оппозиционная».
- ⁴ Akerlof, G.A. The Market for 'Lemons': Qualitative Uncertainty and the Market Mechanism / G.A. Akerlof // *Quarterly Journal of Economics*. August 1970. P. 488–500.
- ⁵ Анатолий Лебедько – председатель Объединенной гражданской партии.
- ⁶ Ruget, V. *Op.cit.* P. 471.

- ⁷ Бурдые, П. Люди с историями, люди без историй / П. Бурдые, Р. Шартье // Новое литературное обозрение. № 60. 2003. С. 75 http://sociologos.narod.ru/textes/bourdieu/bourdieu_chartier.htm
- ⁸ Международный институт политических исследований – независимая неправительственная некоммерческая международная общественная организация. Зарегистрирован в феврале 1995 г. 22 апреля 2004 г. Верховный Суд Республики Беларусь принял решение о ликвидации МИПИ в связи с несоответствием его юридического адреса нормам действующего законодательства.
- НИСЭПИ (Независимый институт социально-экономических и политических исследований)* – белорусское республиканское общественное объединение, созданное в 1992 г. Основные виды деятельности – исследования в области социологии, экономики и политологии, информационно-издательская деятельность, профессиональный тренинг, социально-экономический и политический консалтинг. Директор института – доктор социологических наук, профессор О. Манаев. В 2005 г., после ликвидации НИСЭПИ в Беларуси, он был зарегистрирован в Литве.
- Исследовательский центр Института приватизации и менеджмента (ИЦ ИПМ)* был создан в Минске в 1999 г. в рамках совместного проекта ИПМ и CASE (Центр социально-экономических исследований, Варшава, Польша) и в настоящее время входит в исследовательскую сеть CASE. Проводит исследования и осуществляет другую деятельность в рамках миссии ИПМ содействовать развитию конкурентоспособности белорусской экономики через образовательную поддержку частного бизнеса.
- Лаборатория «НОВАК» (лаборатория аксиометрических исследований «Новая аксиометрия»)* – исследовательское предприятие, являющееся частной негосударственной службой, специализирующейся на маркетинговых исследованиях, опросах общественного мнения, а также консалтинге в этих областях. Создана в 1992 г. Директор – доктор социологических наук А. Вардомацкий.
- Аналитический центр «Стратегия»* учрежден в Минске в 1997 г. группой аналитиков и экспертов Национального центра стратегических инициатив «Восток-Запад» с целью проведения независимых исследований в области экономики, политики и права. Председатель Совета – Л. Заико, кандидат экономических наук.
- ⁹ Как отмечает Майкл Паренти, современные формы остракизма (применяемые, в частности, по отношению к «радикальной профессуре») становятся более утонченными, нежели в предыдущие периоды «идеологических репрессий» (расизм, антидарвинизм, маккартизм) (Parenti, M. *Against Empire* / M. Parenti. San Francisco, 1995). В данном отношении белорусская наука и образование не являются исключениями, хотя здесь практикуются более brutальные методы, прежде всего – увольнение под теми или иными «неполитическими» предложениями.
- ¹⁰ Александр Федута – филолог, политолог, известный в Беларуси и за ее пределами публицист, общественный деятель, соучредитель ОО «Социальные

- технологии». Александр Войтович – общественный и политический деятель, профессор (1985), член-корреспондент (1986), академик (1996) НАН Белоруссии, действительный член Европейской академии наук, искусств и словесности (1995).
- ¹¹ Сергей Паньковский – профессор, политолог, руководитель интернет-проекта «Наше мнение», председатель совета Белорусского института стратегических исследований (BISS).
- ¹² Mahoney, J. Path dependence in historical sociology / J. Mahoney // *Theory and Society*. 2000. 29. P. 507–548.
- ¹³ David, P. Clio and the Economics of QWERTY / P. David // *American Economic Review*. 1985. 75. P. 332–337.
- ¹⁴ Сходным же образом, согласно выводам нобелевского лауреата Лейфа Йохансена, реагирует экономическая система, сталкивающаяся с трудностями.
- ¹⁵ North, D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* / D. North. Cambridge University Press, 1990.
- ¹⁶ Пэнто, Л. Государство и социальные науки / Л. Пэнто // Предпубликация из альманаха российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН «Социология социальных наук в постструктуралистской перспективе», 2006 (<http://sociologos.narod.ru/textes/pinto/pinto4.htm>)
- ¹⁷ См.: Гансэн, I. Простора беларускага палітычнага дыскурсу і ягоныя візуальныя ды прэформацыйныя элементы / I. Гансэн // *ARCHE*. 2007. 4 (55). С. 51–60.
- ¹⁸ Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь (ИСПИ) – структура, образованная в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь в 1997 г. Является научно-исследовательским учреждением, осуществляющим информационно-аналитическое обеспечение деятельности государственных органов. Ныне преобразован в Информационно-аналитический центр при АП РБ.
- ¹⁹ Роуз, Р. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России / Р. Роуз [и др.] // Полит.ру: <http://www.polit.ru/research/2005/05/12/ravnovesie.html>
- ²⁰ Пэнто, Л. Указ.соч.
- ²¹ Stinchcombe, A.L. *Constructing Social Theories* / A.L. Stinchcombe. Chicago, 1968. P. 103.
- ²² Как отмечает Махоуни, все path dependence-анализы в исторической социологии и институциональной экономике обладают как минимум тремя определяющими особенностями (см.: Mahoney, J. Path dependence in historical sociology / J. Mahoney // *Theory and Society*. 2000. 29. P. 510–511): 1) каузальные цепочки, в которых предшествующие события определяют последующие в тем большей степени, чем более они отдалены от последующих событий, причем имеет значение сама последовательность («the order of events makes a difference», см.: Abbott, A. *Sequences of Social Events: Concepts and Methods for the Analysis of Order in Social Processes* / A. Abbjtt // *Historical Methods*. 1983. 16. P. 129–147); 2) «реактивные» последовательности. В последова-

тельности событий всякий последующий эпизод может быть случайным и не может быть объяснен на основе предыдущих событий или «исходных условий» – при том, что «конечные» результаты стохастически привязаны к исходным условиям. Такие цепочки именуются «реактивными» в том смысле, что всякий последующий шаг является частью реакции на предшествующие события так, что эти реакции образуют «детерминистскую» связь; 3) относительно детерминированная последовательность может быть охарактеризована как (институциональная) «инерция». В последовательностях, именуемых «самоусиливающимися» (self-reinforcing sequences), инерция вызывает репродуктивные механизмы, которые поддерживают институциональную модель. В «реактивных» последовательностях, напротив, – начинают работать контринерционные механизмы, которые придают последовательности «естественную» логику.

- ²³ Леглер, В.А. (1993) Идеология и квазинаука / В.А. Леглер //Философские исследования. 1993. 3. С. 68–82.
- ²⁴ Как подчеркивает Леглер, гуманитарные науки в России по сей день остаются квазинауками.
- ²⁵ В данном отношении образцово-показательными можно считать издания под эгидой Академии управления при Президенте Республики Беларусь. К примеру, «теоретическая» работа одного из белорусских лидеров «системного подхода» С. Решетникова содержит парафразы концепций западных авторов, причем каждая глава книги живет совершенно автономной жизнью (см.: Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений: Монография / С.В. Решетников. Минск, 2003).
- ²⁶ См.: Грицанов, А. Идеология «ближнего прицела» отжила себя / А. Грицанов // Наше мнение. 2007 (<http://www.nmnby.org/pub/0707/09m.html>)
- ²⁷ Мясникович, М.В. Инновационная деятельность в Республике Беларусь: теория и практика / М.В. Мясникович. Минск, 2004. С. 160.
- ²⁸ Войтович, А. Наука: проблемы и предложения / А. Войтович // Наше мнение. 2007 (<http://www.nmnby.org/pub/0706/19m.html>)
- ²⁹ Олейник, А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход / А. Олейник. М., 1998. С.151.
- ³⁰ Хлопин, А. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) / А. Хлопин // Общественные науки и современность. 1994. 3. С. 51.
- ³¹ Сото, Э. де. Третий путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото; пер. с англ. Б. Пинскер. М., 1995. Гл. 6.
- ³² Войтович, А. Указ. соч.
- ³³ Тарасов, С. Политический донос, как метод «честного» историка / С. Тарасов // Наше мнение. 2007 (<http://www.nmnby.org/pub/0706/15j.html>)
- ³⁴ Гапова, Е. Проектировщиков не назначают. Ими становятся / Е. Гапова // Наше мнение. 2004 (<http://www.nmnby.org/pub/201204/honduras.html>)
- ³⁵ Сото, Э. де Указ. соч.

Анатолий Паньковский

- ³⁶ Грей, Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. М., 2003.
- ³⁷ Urban, M.E. (1989) *An Algebra of Soviet Power. Elite circulation in the Belorussian Republic 1966-8* / M.E. Urban. Cambridge, 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Фурс – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, руководитель магистерской программы «Социальная теория и политическая философия» Европейского гуманитарного университета (Вильнюс). Автор книг: *Философия незавершенного модерна Ю.Хабермаса*. Минск, 2000; *Контуры современной критической теории*. Минск, 2002; *Социальная философия в непопулярном изложении*. Вильнюс, 2006. Область научных интересов: социально-критическая теория, современная социальная теория.

Анатолий Ермоленко – доктор философских наук, заведующий отделом социальной философии Института философии им. Г.Сковороды НАН Украины. Автор книг: *Этика ответственности и социальное бытие человека: современная немецкая практическая философия*. Киев, 1994; *Коммуникативная практическая философия*. Киев, 1999 (на украинском языке, учебник). Автор перевода на украинский язык книг: Х. Йонас. *Принцип ответственности*. Киев, 2001; В. Хёсле. *Практическая философия в современном мире*. Киев, 2003; К.-М.Майер-Абих. *Восстание в защиту природы*. Киев, 2004. Область научных интересов: социальная философия, этика, современная немецкая философия.

Сергей Пролеев – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии им. Г. Сковороды НАН Украины, профессор кафедры философии и религиоведения Национального университета «Киево-Могилянская академия», президент Украинского философского фонда, главный редактор журнала «Філософська думка», председатель редакционной коллегии серии переводов «Современная гуманитарная

библиотека». Автор книг: *Духовность и бытие человека*. Киев, 1992; *История античной философии*. Москва, 2001; *Метафизика власти*. Киев, 2005 (на украинском языке). Область научных интересов: социальная философия, философия культуры, история западной философии.

Виктория Шамрай – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии им. Г.Сковороды НАН Украины. Автор книги *Преобразование общества: пределы возможного*. Киев, 1994. Область научных интересов: социальная философия.

Виктор Степаненко – кандидат философских наук, Ph.D. (социология) Манчестерского ун-та (Великобритания). Заведующий сектором истории и теории социологии отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины. Автор книг: *Постиндустриальное общество и жизненный мир*. Киев, 1992; *Social Construction of Identity and School Policy in Ukraine (Социальное конструирования идентичности и школьная политика в Украине)*. – Commack, New York, 1999, редактор и соавтор книги

Общественная трансформация: концептуализация, тенденции, украинский опыт. Киев, 2004. Область научных интересов – гражданское общество, этнокультурные и гражданские идентичности, теория и методология социологии.

Роман Кобец – кандидат философских наук, научный сотрудник НАН Украины. Область научных интересов: социальная и политическая философия.

Марина Соколова – кандидат исторических наук. Область научных интересов: социальная история информационных и коммуникационных технологий, электронное правительство и электронная демократия.

Вероника Фурс – кандидат философских наук, доцент, факультет социальных наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс). Автор учебного пособия *История наук об информации и коммуникации*. Минск, 2001, автор перевода на русский язык книг: Б. Мъж. *Коммуникационное мышление*. Минск, 1997; Ж.-Л. Нанси. *Бытие единичное множественное*. Минск, 2004. Область научных интересов: теория коммуникации, анализ дискурса.

Виктор Мартинович – заместитель главного редактора информационно-аналитического еженедельника «БелГазета» (Минск). Автор-составитель книги *Политические партии в Беларуси – необходимая часть гражданского общества*. Минск, 2003 (в соавторстве с А.Федутой и О. Богущим). Область научных интересов: исследования медиа, визуальные исследования, история русского авангарда.

Сведения об авторах

Ольга Шпарага – кандидат философских наук, доцент факультета философии и политических наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс), соредактор электронного журнала «Новая Европа» (<http://n-europe.eu>). Автор перевода на русский язык книги М. Мерло-Понти. *Видимое и невидимое*. Минск, 2006. Область научных интересов: феноменология тела и Другого, отношения эстетики и политики, современные трансформации идеи Европы.

Анатолий Паньковский – независимый исследователь, редактор сайта экспертного сообщества «Наше мнение» (www.nmnby.org).

AUTHORS AND SUMMARIES

Vladimir Fours, habil. Dr. (doktor nauk), Chair of Philosophy and Head of the Master's Degree Program in Social Theory and Political Philosophy at the European Humanities University, Vilnius. Books (in Russian): *Juergen Habermas' Philosophy of the Uncompleted Project of Modernity*. Minsk, 2000; *Contours of Contemporary Critical Theory*. Minsk, 2002; *Social Philosophy in a Non-Trivial Exposition*. Vilnius, 2006. Scholarly interests: critical social theory, contemporary social theory.

Transformations of the Public Sphere and the Post-Soviet Situation.

The introductory article traces the conceptualization and rethinking of the public sphere in contemporary social and political theory and argues for application of the accumulated conceptual tools to the analysis of the “strange” post-Soviet development. Following this way, we find in Belarus an “autochthonous” public domain of the “fair interactions”, which is imposed by the authoritarian state and tacitly maintained by the reiterative everyday practices guided by the double consciousness. The officially suggested public sphere generates a self-isolating and conspirological social imaginary, while the official “fazade” covers the multiformity of “hidden sociality”, which is “extruded” into the private life and has no public representations. Just uncovering this “hidden social life” is a key research and political issue in Belarus.

Anatoliy Yermolenko, habil. Dr. (doktor nauk), Head of the social philosophy department at the H. Skovoroda Institute of Philosophy (Ukrainian National Academy of Sciences). Books: *Ethics of Responsibility and Human Social Being: Contemporary German Practical Philosophy*. Kyiv, 1994 (in Russian); *Communicative Prac-*

tical Philosophy. Kyiv, 1999 (in Ukrainian). Scholarly interests: social philosophy, ethics, contemporary German philosophy.

Public Discourse as a Factor of Social Integration in Contemporary Society

The public discourse is considered an integrating factor in contemporary society and a vital element of the deliberative democracy. From this standpoint, the article examines the divergent developments in the Ukrainian public sphere. It shows that the *communicatively* produced common understanding is systematically substituted here by the strategic interplay of particularistic interventions. Therefore, the public discourse takes the form of the quasi-transparent “distorted communication”, which often plays a disintegrative function in Ukraine. At the same time, despite these systematic distortions, “wholesome” public discourses show gradual progress in Ukraine.

Sergey Proleyev, habil. Dr. (doktor nauk), Principal Research Fellow at the H. Skovoroda Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Ukraine, Professor of the University of „Kyiv Mohyla Academy”, President of the Ukrainian Philosophical Foundation, Chief editor of the scholarly journal „Philosophical Thought”, Chairman of the editorial committee of the “Contemporary Humanitarian Library” series of translations. Books: *Spirituality and Being of the Human*, Kyiv, 1992; *History of Antique Philosophy*, Moscow, 2001 (in Russian); *Metaphysics of Power*, Kyiv, 2005. Scholarly interests: social philosophy, philosophy of culture, history of Western philosophy.

Victoria Shamrai, Dr. (kandidat nauk), Senior Research Fellow at H. Skovoroda Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Ukraine. Book: *The Transformation of a Society: Limits of Possible*, Kyiv, 1994 (in Russian). Scholarly interests: social philosophy.

A Phenomenon of Clan-Corporate Society

In the article, the concept of “clan-corporate society” is used for representation of some essential features of the contemporary social life in Ukraine, which were formed in the process of post-totalitarian transformations. The totalitarian society was characterized by establishing “quasi-publicness”, with simultaneous control over the private sphere. In the post-totalitarian situation, under the condition of a weak civil society, just the clan-corporative integration becomes the basic principle of societal organization. This kind of integration generates the ambivalent social reality, whose peculiarities are the presence of the areas of a “hidden social life” and their ambiguous interpenetration with the “formal” institutions of society. These ambiguities invert and subvert the general normative order in the contemporary Ukrainian society.

Viktor Stepanenko, Dr. (kandidat nauk), Ph.D. (Sociology) from the University of Manchester (UK), Head of Section of History and Theory of Sociology of the Dept. of History, Theory and Methodology of Sociology at the Institute of Sociology, Na-

tional Academy of sciences of Ukraine. Books: *Post-Industrial Society and Life-World*, Kyiv, 1992 (in Russian); *Social Construction of Identity and School Policy in Ukraine*, Commack, New York, 1999 (in English); *Social transformation: conceptualization, trends and Ukrainian experience*, Kyiv, 2004 (co-editor, in Ukrainian).

Political Public Sphere in Transformation: Discourses, Symbolizations and Practices in Ukraine in the 2000's

The article tackles the issues of the transformation of political public sphere in Ukraine in the 2000's. The period was characterized by the new experiences of mass political engagement triggered by the “*tape scandal*” and appeared in the “*Ukraine without Kuchma*” movement at the beginning of the 2000's, in the turbulent “*Orange revolution*” and presidential elections of 2004 and also in the current “*post-Orange*” political trajectories. Basing on the analysis of the discourses, symbolizations and public representation of “the people's voice” (the *Maidan*- practices etc.), it is argued that while Ukraine's post-Soviet public sphere still preserves many rudiments of “closed” political decision-making, it has its own recourses for developing a true democratic regime of public and political communication. The factors, conditions and actors of this perspective transformation with a special focus on the civil society agenda are identified.

Roman Kobets, Dr. (kandidat nauk), Research Fellow at the H. Skovoroda Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Ukraine. Scholarly interests: social and political philosophy.

“Intimization of Publicness” – a Post-Soviet Way of Disenchantment of Politics in Ukraine

The article reconstructs the phenomenologies of “public” in “private” in the everyday life in contemporary Ukraine. The contradictory and unstable post-communist transformations ended the sphere of private (first of all, familiar) life the “ontological” and value priority; as a result, the public domain is re-interpreted in the logic of personalised and sensuous relationships and systematically misused in the spirit of “privatization”.

Marina Sokolova, Dr. (kandidat nauk). Scholarly interests: social history of information and communication technologies, e-government, e-democracy.

WWW as a Political Public Sphere

Political public sphere understood as a totality of mini-publics represented by sporadic discussions, “organized presence”, etc. has been visibly extended through the new ICTs and Internet development. This extension is accompanied by contradictory influences on public communication. However, emergence of new public spaces online becomes one of the characteristic features of modern publicity. The potential provided by WWW has special importance in the current Belarusian context, where the online publicity can counterbalance deficits of free political communication, at

least, for a fraction of Belarusian society. However, Belarusian civil society activists and critical intellectuals view WWW as a sphere of autonomous and/or alternative partisan political and cultural practices. As a result, Belarusian publics see WWW as a reservoir of political ideas and partisan experiments, and online practices, which encourage and facilitate public dialogue and communication, has not become an issue for political actors.

Veronika Furs, Dr. (kandidat nauk), docent, Faculty of Social Sciences at the European Humanities University, Vilnius. Book: *History of Information and Communication Sciences*, Minsk, 2001 (in Russian). Translator into Russian of a book by J.-L. Nancy, “Ktre singulier pluriel” (Minsk, 2004). Scholarly interests: communication theory, discourse analysis.

Private and Public in the Belarusian Social and Political Media Discourse

The author analyzes the interrelations of public and private elements in Belarusian media discourses using the methodology of the Critical Discourse Analysis (N.Fairclough). First, the author identifies the dominant ideological interdiscourse in the Belarusian media texts, and, second, analyzes the peculiar Belarusian shape of the tendencies of media discourses to “conversationalization” and entertainment. The author comes to the conclusion that conversationalization becomes a certain norm in the Belarusian case. As far as dichotomy information/entertainment is concerned, here it is possible to speak about the dichotomy propaganda/entertainment. It is also necessary to emphasize that very often the discourses of propaganda take a form of entertainment to help their reception by the audience members.

Victor Martinovich, deputy editor-in-chief of BelGazeta weekly (Minsk). Author of the book (in co-authorship with A.Feduta and O. Bogutskiy) *Political parties in Belarus – a necessary part of civil society*, Minsk, 2003. Scholarly interests: media studies, visual studies, history of Russian avant-garde.

Role of independent media in constructing alternative publicness in Belarus

The article identifies the positive roles played by private newspapers and magazines in (self-) organization of the Belarusian public sphere. The author presents a short overview of the history of appearance of independent broadsheets in early 1990-s and their evolution towards orientation to the foreign donors and government in mid 1990-s. The main part of the article is dedicated to the analysis of support supplied by independent mass media for self-organization of the alternative public sphere in Belarus. The aspects of this support are help in readers’ self-positioning, introduction to the alternative discourse, postulating the presence of pluralism in the society, “everyone counts” principle, providing knowledge about ways of reading of official news, and testing the limits of the “allowed freedom”.

Olga Shparaga, Dr. (kandidat nauk), docent at the European Humanities University, Vilnius, Co-editor of the “New Europe” e-magazine (<http://n-europe.eu>). Translator into Russian of the M. Merleau-Ponty’s book “Le visible et l’invisible” (Minsk, 2006). Scholarly interests: phenomenology of the body and the other, interrelations between the aesthetical and the political domains, contemporary ideas of the transformation of Europe.

Democratic Potential of Cultural Practices Under the Conditions of Authoritarianism: the Case of Belarus

Cultural practices are considered through the prism of the Belarusian artistic scene as evolving from the late 1980-s till the present days. The key concept in the analysis of their democratic potential is the “public sphere”. The main conclusions of the paper are as follows: 1) the independent Belarusian artistic scene possesses a dispersed or nomadic character, which can be demonstrated by a marginal status of its major actors (figures) and processes; 2) improvement of the present situation presupposes the reconfiguration of the artistic scene in accordance with the principle(s) of the public sphere; 3) this principle should be specified in relation to the peculiar character of the Belarusian authoritarian regime. On the one side, we still have possibilities to organize practices of artistic self-expression as a network of open, multiple and critical communication, whose participants are able to articulate their own rights and mutually recognize the rights of others; however, the possibilities for institutionalization of such a mode of communication in Belarus are currently scarce.

Anatoly Pankovski, independent political analyst, editor of the expert community website “Our opinion” (www.nmnby.org). Scholarly interests: post-socialist development.

The Line of (Belarusian) Expertizing

This research uses the instruments and resources of sociology of sociology, historical sociology and neo-institutional economics in an attempt to describe the institutional aspects of expert activity in Belarus. The subject of consideration is the institutes of expert analysis, i.e. “rules of the game” (formal and informal restrictions – standards of behavior and social rules), which form a system of incentives. These rules, being a result of “fallacious” institutional choice, become the reason why expert analysis rests within a certain “storyline” (or “channel”). This analysis thus focuses on the issue of “path dependence”, i.e. the dependence of the course of development on a once selected trajectory – as applied to in the context of generation of intellectual public goods.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВИЛЬНЮСЕ

предлагает широкие возможности получения образования европейского уровня в сфере социальных, гуманитарных наук и искусства

Бакалаврские программы – высшее четырехлетнее образование очной и заочной формы обучения (на базе полного среднего образования) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- визуальный дизайн и медиа;
- история Беларуси и культурная антропология;
- культурное наследие и туризм;
- массовые коммуникации и журналистика;
- международное право;
- политология и европейские исследования;
- социальная и политическая философия;
- теория и практики современного искусства.

Магистерские программы – высшее двухлетнее образование второго уровня (принимаются лица, имеющие диплом бакалавра или специалиста) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- гендерные исследования;
- демократия и гражданское общество;
- европейские исследования;
- международное право и европейское право;
- охрана и интерпретация культурного наследия;
- социальная теория и политическая философия;
- сравнительная история стран Северо-Восточной Европы.

Европейский гуманитарный университет в Вильнюсе – единственный университет в Европейском союзе с обучением на русском и белорусском языках.

Все о программах ЕГУ:

www.ehu.lt

Форум для абитуриентов:

www.ehunity.org

Научное издание

**ПОСТСОВЕТСКАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ:
БЕЛАРУСЬ, УКРАИНА**

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Корректор *Е.В. Савицкая*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Издательство

Европейского гуманитарного университета

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: office@ehu.lt

Подписано в печать 28.07.2008. Формат 60x90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «GaramondNarrow».

Уч.-изд. л. 13,3. Усл. печ. л. 14. Тираж 300 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»

Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius